

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Колхонен Антон Юрьевич

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И
ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ**

Научная специальность 5.3.1. Общая психология, психология личности, история
психологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук, профессор
И.А. Мироненко

Санкт-Петербург
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ	
24	
1.1 Проблема этических представлений в философии.....	25
1.2 Этические представления о добре и зле в мировых религиях	38
1.3 Этическая типология личности и нравственная регуляция поведения: от классических подходов к отечественной психологической традиции.....	41
1.4 Взгляд юнгианской психологии на добро и зло	50
1.5. Экзистенциально-гуманистический взгляд на природу зла и страдания.....	59
1.6. Диалектика деструктивного и созидательного в психоанализе.....	66
1.7. Добро и зло как социально-психологический конструкт	71
1.8. Теоретические основания выбора психодиагностических методик.....	75
1.9. Этическая позиция личности как интегративная структура: связь представлений о добре и зле с характерологическими особенностями.....	84
Выводы по 1 главе.....	86
ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ ЛИЧНОСТИ С ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИМИ ОСОБЕННОСТЯМИ	
88	
2.1. Цель, задачи и гипотезы исследования.....	88
2.2. Методы и методики исследования	90
2.2.1. Обоснование применения методик SD3 и LTS в контексте этической психологии.....	96
2.3 Организация исследования	98
2.3.1 Описание выборки исследования.....	101
2.4. Методы статистической обработки данных.....	102
2.4.1. Корреляционный анализ	102
2.4.2. Факторный анализ.....	103
2.4.3. Кластерный анализ	103
2.4.4. Хи-квадрат тест	104

2.4.5. Дисперсионный анализ для шкал САТ и РРС	104
2.5. Основные этапы исследования	105
2.6. Понятийный аппарат исследования	106

**ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ВЗАИМОСВЯЗИ ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И
ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ 108**

3.1. Результаты исследования характерологических особенностей личности, измеряемых тестами Темной и Светлой триад	108
3.2. Результаты эмпирического исследования представлений о добре и зле методом семантического дифференциала	111
3.3. Исследование взаимосвязей между модальностями СД и чертами личности (триадами)	114
3.4. Факторный анализ показателей семантического дифференциала представлений о добре и зле и показателей темной и светлой триад	115
3.4.1 Интерпретация факторов	119
3.5 Кластерный анализ и описание полученных групп респондентов	125
3.5.1 Выбор метода кластеризации и оценка качества модели	126
3.5.2 Описание кластеров	129
3.5.3 Проверка значимости различий между кластерами	131
3.6. Анализ отношения групп респондентов к категориям добра и зла	138
3.6.1 Анализ различий между кластерами по закрытым вопросам опросника	138
3.6.2 Анализ результатов	140
3.7 Характеристики кластеров на основе полученных данных	148
3.8 Сравнительный анализ результатов исследования групп, с самоактуализацией	157
3.9 Сравнительный анализ результатов исследования групп, с проактивностью	164
3.10 Проверка кластеров по экстраверсии-интроверсии и демографическим характеристикам	166
ВЫВОДЫ.....	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	172
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	175

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	199
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	201
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	202

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

В условиях глобального цивилизационного кризиса и нарастающей угрозы утраты человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров закономерно возрастает внимание научного сообщества к вопросам нравственной регуляции поведения. Особенно остро эти процессы проявляются на фоне интенсификации социокультурных и политических конфликтов, роста тревожности и неопределенности, сниженной устойчивости моральных основ личности, что зафиксировано в исследованиях последних лет (Нестик, Журавлев, 2018; Воловикова, 2018; Веселова 2003; Колхонен, Мироненко, 2023а; Колхонен, Мироненко, 2024а). В этой связи разработка проблем нравственной сферы человека приобретает особую значимость (Журавлев, Воловикова, Галкина, 2014).

Согласно научометрическому анализу, проведённому Институтом психологии РАН, только в период с 2002 по 2021 год было опубликовано более 2000 научных работ по проблематике нравственной психологии (Костригин, Журавлëв, 2023, с. 98), при этом за последнее десятилетие цитируемость исследований в данной области выросла на 150% (там же, с. 102). Это свидетельствует о возрастающем интересе к теме и усилении её методологического и практического значения.

Отдельное направление, активно развивающееся в рамках психологической науки, представляет собой этическая психология — область, изучающая этические представления как форму внутренней регуляции поведения и нравственной позиции личности (Попов, Голубева и др., 2008). Категории добра и зла занимают важное место в этой области, сопряжённой с поиском онтологических оснований морального выбора и индивидуального пути.

В русле активно развивающихся исследований в сфере психологии нравственности сформировалось новое направление - этическая психология

(Попов, Голубева и др., 2008): предметом которой является сфера этических представлений, выполняющих функции нравственных отношений личности и ориентиров поведения, включая такие категории, как добро, зло, свобода, ответственность, долг, справедливость, совесть. Центральное место в этой относительно новой и чрезвычайно важной в наше время области психологической науки занимают категории добра и зла. Категории добра и зла являются предметом этической психологии, и в то же время по своей значимости выходят за пределы этой узко понимаемой области, особенно в той части, которая касается диалектики или борьбы добра и зла в человеке как момента, в существенной степени определяющего место личности в пространстве этических координат и нравственных ориентаций общества. И.С. Кон отмечал значимость в становлении личности, которое он отождествлял с выбором себя, формирования морального сознания, в основе которого наличие двух полярных эталонов, воплощающих в конкретной форме понятия добра и зла (Кон, 1984). Еще более определенно высказывается Б.С. Братусь: «Личность — это инструмент по различению добра и зла».

Непосредственная включенность проблемы «нравственных координат» в предметную сферу психологии не вызывает сомнения, что обуславливает актуальность разработки поля этической психологии (Попов, Голубева и др., 2008). Необходимость разработки в целом проблемы личности как междисциплинарной совместно этикой и психологией, обосновывал Б.С. Братусь уже в публикации 1985г: «Если без привлечения данных конкретной психологии этика начинает рассматривать свои проблемы оторвано от личности, или внеличностно, то без учета этических разработок конкретные психологические исследования личности теряют свою гуманистическую мировоззренческую ориентацию, более того, свой конечный общечеловеческий смысл и назначение, ибо психология личности существует не ради самой себя, но в своем назначении и оправдании призвана служить духовному росту, развитию человека, осуществлению в нем идеалов добра, справедливости, честности, т. е. тех самых

иdealов, разработке и осмыслению которых посвящают свои усилия философы-этики» (Братусь, 1985, с. 8). Рост исследований в русле этой дисциплины, на наш взгляд, настоятельно требует ее разработки как междисциплинарной, на пересечении этики и психологии (Апресян, 2019а, 2019б; 2019с; Прокофьев, 2021), что, по нашему мнению, будет способствовать взаимному обогащению двух дисциплин и придаст разработке проблем морали в современном меняющимся и мультикультурном мире необходимый импульс развития. В то же время подобные разработки требуют учёта характерологических особенностей личности, поскольку ряд исследований указывает на их значимую роль в формировании моральных ориентаций, устойчивости ценностных установок и интерпретации этических ситуаций (Alfieri и др., 2022; Ashton, Lee, 2008). Это обуславливает необходимость выявления и анализа возможных коррелятов между этическими представлениями (как основе этической позиции) и измеримыми личностными чертами (находящимися в структуре этической позиции), верифицируемыми с помощью валидных психодиагностических методик. Одной из наиболее продуктивных парадигм в этом направлении является изучение тёмной и светлой триад — двух методик, определяющих шесть характеристик личности, которые как предполагается связаны с этическими представлениями и входят в структуру этических позиций личности. Концепция тёмной триады, предложенная R. Paulhus и K. Williams (2002), включает макиавеллизм, нарциссизм и субклиническую психопатию и рассматривается как индикатор личностных диспозиций, сопряжённых с агрессией, сниженной эмпатией и склонностью к этическому релятивизму (Paulhus, Williams, 2002; Kaufman и др., 2019; Косицина, 2021). В то же время развивающаяся концепция светлой триады (Kaufman и др., 2019) описывает гуманистическую ориентацию личности через такие характеристики, как вера в человечество, кантианство и гуманизм, и демонстрирует устойчивые связи с просоциальным поведением, эмпатией и субъективным благополучием (Ильичев, Золотарёва, 2023).

Сопоставление этических представлений личности с индивидуальными профилями по шкалам тёмной и светлой триады позволит приблизиться к пониманию того, каким образом характерологические особенности личности соотносятся с этическими позициями личности относительно категорий добра и зла. Такая постановка вопроса исходит из гуманистического подхода, где личностные черты и осознанный нравственный выбор рассматриваются как взаимосвязанные измерения (Братусь, 1997; Роджерс, 2017; Воловикова, 2018; Маслоу, 2018; Журавлев, Костригин, 2023).

При этом центральным понятийным звеном становится этическая позиция личности — интегративная характеристика, отражающая отношение субъекта к нравственным нормам, реализуемое в поведении и интерпретации моральных дилемм (Дмитриева, 2013; Козлова, 2015; Калинушкин, 2018). В некоторых публикациях под этической позицией понимается интегративная характеристика личности, выражаясь в её осознанном, устойчивом и деятельном отношении к нравственным нормам и ценностям (Дмитриева, 2013). В международной научной традиции термину «этическая позиция» соответствует концепт ethical position или ethical stance (Forsyth, 1980; Kohlberg, 1981). В настоящее время термин активно применяется при изучении моральных установок личности в социальных и образовательных контекстах. Исследования подчёркивают, что этическая позиция формируется как результат личностной рефлексии, ценностной социализации и педагогического влияния. Так, в работе Mazhar Nawaz подчеркивается роль морального образца в становлении этической ориентации педагога (Nawaz, 2024). Исследование Octia, Fatimah и Adinda рассматривает методику уточнения ценностей (Value Clarification Technique) как основу для формирования этической позиции у учащихся (Octia, Fatimah, Adinda, 2024). Другие авторы описывают, как институциональная среда способствует развитию устойчивых моральных установок (Jommuang, Kaew-as, 2024). Классический пример концептуального различия между типами этических позиций представлен в работах К. Гиллиган, которая вводит "этику заботы" и "этику справедливости",

как два различных подхода к моральному суждению, обусловленных гендерными и социально-культурными факторами (Gilligan, 1982), а также в философской работе А. Макинтайра (1981), где анализируются фундаментальные конфликты моральных позиций в современном мире. В русле этих подходов важным аспектом формирования этической позиции становится не только поведенческая ориентация субъекта, но и то, каким образом он интерпретирует содержание и взаимоотношение категорий добра и зла. В данном контексте представление о добре и зле может быть понято как индивидуально-смысловая конструкция, формирующаяся в пространстве обыденного знания. Наиболее обоснованной рамкой для анализа такого знания выступает теория социальных представлений, разработанная С. Московичи (1961) и впоследствии уточнённая, и расширенная как самим автором (Moscovici, 1986), так и его последователями. В частности, D. Jodelet (1986) интерпретировала социальные представления как формы интерпретативного знания, отражающие здравый смысл (*common sense knowledge*) и способствующие упорядочиванию социальной, материальной и идеальной действительности (Jodelet, 1986; Rubira-García, Puebla-Martínez, Gelado-Marcos, 2018). Социальные представления не просто являются частью этической позиции — они формируют основу «обыденного знания» субъекта, создавая интерпретационную рамку, в которой добро и зло обретают значимость и направленность. Таким образом, представление о добре и зле выполняет функцию смысловой основы этической позиции, фиксируя обыденное, но концептуально значимое знание субъекта об этической структуре мира. Представление о добре и зле — это основа этической позиции личности.

Под этической позицией в нашем исследовании понимается *устойчивое системное образование, отражающее интегративное отношение личности к категориям добра и зла в целостном единстве с характерологическими чертами*. Этическая позиция включает этические представления, но при этом не сводится к ним. В ее структуре также интегрированы характерологические особенности субъекта, взаимосвязанные с этическими представлениями. Эти компоненты не

существуют изолированно: они взаимно обусловлены и складываются в неделимое целое, обладающее качествами, не сводимыми к сумме его частей. В русле гуманистической традиции, заложенной А. Маслоу и К. Роджерсом, этические позиции личности, могли бы рассматриваться как связанные с личностной зрелостью, самоактуализацией и готовностью к ответственности. Так, Роджерс подчеркивает, что «наиболее зрелая личность — это личность, которая берёт на себя ответственность за собственные ценности» (Роджерс, 1961). Эти идеи в российской психологии получили развитие в концепции сначала нравственной психологии, впервые сформулированной Б. С. Братусем: «нравственная психология, по-видимому, впервые постулируется в этой работе» (Братусь, 1997, с. 3).

В рамках этической психологии исследование этических позиций личности относительно категорий добра и зла приобретает особое значение: оно отражает актуальный вектор современной психологической науки, стремящейся к осмыслению нравственной природы человека в условиях неопределенности и кризиса. При этом углублённый анализ этических позиций....

Актуальность настоящего исследования обусловлена значимостью как исследования этических позиций личности, так и выявления их взаимосвязи с характерологическими особенностями.

Цель исследования: выявить и описать взаимосвязь этических представлений и характерологических особенностей личности

Объект исследования – Нравственное самосознание и регуляция поведения личности.

Предмет исследования – взаимосвязь этических представлений с характерологическими особенностями личности.

В соответствии с целью исследования были сформулированы следующие **задачи**:

1. Проанализировать имеющиеся в философско-психологическом дискурсе теоретические представления и эмпирические исследования этических представлений личности и их роли в нравственной регуляции поведения. Сформулировать теоретическую модель типологии этических представлений относительно добра и зла

2. Разработать программу эмпирического исследования: создать и аprobировать авторский опросник для выявления представлений о добре и зле. Выявить и проанализировать отношение к категориям добра и зла у респондентов с помощью избранных методик исследования.

3. Провести эмпирическое исследование взаимосвязи этических представлений личности и характерологических особенностей.

4. Выделить группы респондентов с различными этическими представлениями о добре и зле и провести сравнительный анализ данных групп. Описать и выделить характерологические особенности каждой группы респондентов.

5. Разработать и описать теоретическую модель этической позиции личности, включающую представления о добре и зле, и взаимосвязи добра и зла, и характерологические особенности. Описать выявленные типы этических позиций личности.

Гипотезы исследования

Основные гипотезы исследования:

1. Этические представления личности о добре и зле взаимосвязаны с характерологическими особенностями.
2. Этическая позиция личности как целостное индивидуально-типологическое образование имеет в своей основе взаимосвязь этических представлений о добре и зле и характерологических черт личности

Дополнительные гипотезы

1. Индивидуально-типологические особенности этических представлений личности о добре и зле взаимосвязаны с характерологическими чертами, относимыми к «темной» и «светлой» триадам.
2. Индивидуально-типологические особенности этической позиции взаимосвязаны с уровнем самоактуализации личности.
3. Индивидуально-типологические особенности этической позиции личности взаимосвязаны с уровнем гибкости поведения.

Теоретико-методологические основы исследования

Теоретической основой настоящего исследования выступает ряд концепций, отражающих развитие представлений о природе этических ориентаций личности в нравственной и современной этической психологии.

В отечественной науке гуманистическая линия была продолжена Б. С. Братусем, который впервые обозначил самостоятельное направление под названием нравственная психология (Братусь, 1997). Развитие этой и концепции привело к формированию нового научного направления — этической психологии, предметом которой стали этические представления личности (Попов, Голубева и др., 2008). Данное направление стало активно развиваться в рамках Института психологии РАН, РГПУ им. Герцена и других исследовательских центров, опираясь на эмпирические данные и новые методологические подходы.

В отечественной научной традиции проблематика нравственного и этического развития личности получила многоплановое освещение. Концептуальные основания были заложены Б. С. Братусем (1997), впервые обозначившим понятие «нравственная психология». Впоследствии эта линия была развита в рамках научной школы Института психологии РАН, где активно формировалось направление этической психологии (Попов, Голубева и др., 2008).

Значительный вклад в развитие этого направления внесли Апресян Р. Г., Веселова Е. К., Воловикова М. И., Журавлёв А. Л., Попов Л. М., и другие исследователи.

Постановка проблемы нашего исследования также опирается на гуманистическую парадигму, в рамках которой моральная ориентация личности рассматривается как часть общего процесса самоактуализации, личностной зрелости и осознанной жизненной позиции. Ключевыми представителями данного направления являются А. Маслоу (Маслоу, 2018), обозначивший нравственные ценности как высшие мета мотивы личности, и К. Роджерс (Роджерс, 2017), подчёркивавший, что зрелая личность принимает на себя ответственность за свои ценности и решения.

Теоретическое обоснование понятийной рамки исследования также базируется на разработках в области психологии морального развития, представленных в работах Л. Колберга, Ж. Пиаже, А. Бандуры и А. Адлера. Согласно трёхуровневой модели Колберга (Kohlberg, 1981), моральная ориентация личности развивается от внешнего следования нормам к их внутренней интеграции и автономному выбору. Пиаже (Piaget, 1932) описывает переход от гетерономной к автономной морали, связывая развитие нравственного сознания с когнитивной зрелостью. Бандура (Bandura, 1991) в своей социальной когнитивной теории раскрывает роль наблюдения, подкрепления и моральной дезинтеграции в формировании морального поведения. Адлер (Adler, 1933) подчёркивает связь морального развития с чувством социальной ответственности и стремлением к общности.

Значимыми являются также отдельные положения Эриха Фромма, который рассматривал феномен зла как результат деформации любви и подавления стремления к свободе (Фромм, 1998), подчёркивая необходимость внутренней интеграции личности для формирования зрелой нравственной ориентации. В психоаналитических и психодинамических подходах категории добра и зла рассматриваются не как абстрактные философские сущности, а как внутренне

переживаемые эмоциональные и смысловые полюса, формирующиеся в процессе раннего опыта. Именно такие подходы позволяют осмысливать моральные различия как психические структуры, возникающие на границе, Я и Другого. Существенное влияние на осмысление механизма этического разграничения добра и зла оказал идеи Э. Эрикссона, описавшего, как первичное недоверие может быть метафорически осмыслено как переживание зла (Erikson, 1950), и современные психоаналитические интерпретации, указывающие на роль механизмов расщепления в формировании ранних представлений о добре и зле (Йоманс, Кларкин, Кернберг, 2018).

Эмпирическая часть исследования опирается на соотнесение этических представлений личности относительно категорий добра и зла с характерологическими чертами, измеряемыми с помощью психодиагностических методик. В частности, применяется концепция тёмной триады (нарциссизм, макиавеллизм, психопатия), предложенная R. Paulhus и K. Williams (2002), и концепция светлой триады (вера в человечество, гуманизм, кантианство), разработанная S. Kaufman и соавт. (2019). Эти подходы позволяют выявить контрасты между склонностью к манипулятивным стратегиям и этической ориентацией, основанной на доверии, просоциальности и гуманистических установках. Дополнительной теоретико-методологической основой исследования выступает гуманистическая традиция в диагностике, в частности концепция самоактуализации (по Э. Шострому) и проактивности как устойчивой личностной характеристики (Bateman, Crant, 1993), а также оценка отношения к доброму и злу на основе семантического дифференциала и авторского опросника.

Методы и методики исследования:

В исследовании применялись как количественные, так и качественные методы. Количественный анализ включал статистическую обработку данных анкетирования (факторный, кластерный, корреляционный анализ, ANOVA), а качественный — семантический анализ индивидуальных представлений о добре и

зле. Использовались следующие методики: авторский опросник «Отношение к добру и злу», семантический дифференциал, шкалы «тёмной» (SD3) и «светлой» (LTS) триад, самоактуализационный тест (CAT), шкала проактивной личности (PPS), личностный опросник Айзенка (EPI).

Описание выборки исследования:

В исследовании приняли участие 170 респондентов (72% женщины, 28% мужчины) в возрасте от 22 до 35 лет ($M = 27.3$, $SD = 3.5$), все с высшим образованием и постоянным местом жительства в Санкт-Петербурге. Отбор участников был случайным, анкетирование проводилось онлайн. При анализе выборки было установлено, что 32% респондентов — психологи, 44% — гуманитарии, остальные 24% работают в технической сфере. По семейному положению: 60% респондентов не состояли в отношениях, 30% — состояли в длительных отношениях, 10% — в браке. После разделения выборки на группы (кластеры), статистическая обработка не выявила значимых различий по полу, возрасту, образованию или профессиональной направленности внутри групп (Таблице 1).

Научная новизна исследования

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что были расширены и дополнены существующие в международном дискурсе данные о взаимосвязи этических представлений и характера личности.

впервые предложена концептуализация психологического конструкта понятия этической позиции личности как системного образования,ключающего этические представления и характерологические особенности личности. На основе данной концептуализации была предложена теоретическая модель типологии данных этических позиций и разработан авторский опросник, направленный на выявление этической позиции личности.

Новым является выявление двух эмпирически выявленных типов этических позиций, различающихся по характеру интерпретации взаимосвязи добра и зла, а также по степени выраженности принятия этих категорий. В работе осуществлено установление связи между типом этических представлений и характерологическими чертами личности.

Теоретическая значимость исследования

Теоретическая значимость работы заключается в развитии научных представлений о взаимосвязи этических представлений с характерологическими особенностями личности. На основе подходов нравственной и этической психологии предложено уточнение понятийного аппарата, касающегося представлений о категориях добра и зла в контексте личностного функционирования. Сформулированные положения и полученные данные позволяют уточнить теоретическую концептуализацию этической позиции как содержательного компонента структуры личности.

Кроме того, значимым результатом теоретической проработки является обоснование и выведение факторной структуры, что создаёт предпосылки для дальнейшего моделирования этических представлений в сочетание с различными характерологическими особенностями в рамках индивидуально-психологического подхода. Полученные результаты могут быть использованы при построении новых концептуальных моделей, направленных на изучение сферы нравственной регуляции поведения в русле этической психологии.

Практическая значимость результатов исследования

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения полученных результатов в области прикладной психологии, в частности — в консультативной практике, психологической диагностике, а также в сфере этического воспитания и формирования моральных ориентиров у молодёжи. Разработанный авторский опросник в сочетание с используемой

батареи методик позволяет выявить особенности этических представлений личности о взаимосвязи категориях добра и зла и характерологических черт – это может быть полезен в контексте оценки нравственной позиции личности в процессе индивидуальной или групповой работы.

На основе выделенных факторов представляется возможным создание новых диагностических инструментов, направленных на исследование структуры этических представлений, таких как шкалы или индексы (например, индекс дуальности добра и зла). Полученные данные также открывают перспективы валидации и адаптации диагностических моделей в различных социальных и культурных контекстах, включая межкультурные исследования, образовательную и просветительскую практику.

Достоверность и надёжность полученных данных

Достоверность и надёжность результатов настоящего исследования обеспечиваются как теоретико-методологической обоснованностью применённого подхода, так и разнообразием и строгостью использованных методов статистической обработки данных.

Репрезентативность выборки ($N = 170$) и её однородность по ключевым демографическим признакам (пол, возраст, образование) подтверждены соответствующими процедурами: однофакторным дисперсионным анализом ($F(2,167) = 1.23, p = 0.29$) и критерием Крускала–Уоллиса ($H = 2.67, p = 0.12$), что свидетельствует об отсутствии систематических искажений и позволяет обоснованно распространять результаты на аналогичную совокупность респондентов.

Надёжность и валидность используемых методик (SD3, LTS, CAT и др.) подтверждены как в предыдущих исследованиях, так и в рамках данного анализа. Применение коэффициентов внутренней согласованности, оценка факторной структуры и соответствие шкал известным критериям позволили удостовериться

в устойчивости измерительных инструментов. В исследовании был проведён эксплоративный факторный анализ (EFA) методом Principal Axis Factoring с вращением Promax, направленный на выявление латентных структур представлений о категориях добра и зла и их связи с личностными переменными. Адекватность выборки была подтверждена индексом Kaiser–Meyer–Olkin (KMO = 0.686) и значимым результатом теста сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 560.651$, df = 66, $p < 0.001$), а объяснённая дисперсия трёхфакторной модели составила 51%, что отвечает научным стандартам в гуманитарных дисциплинах. Для выявления устойчивых групп респондентов был применён кластерный анализ (метод Ward.D), дополненный расчётами критериев AIC и BIC для определения оптимального числа кластеров. Проверка различий между кластерами проводилась с использованием MANOVA, ANOVA и Post Hoc тестов (Tukey HSD), что обеспечило многократную статистическую верификацию различий между группами по всем ключевым переменным.

Комплексность аналитического подхода, включающего сочетание факторного, кластерного, корреляционного и дисперсионного анализа, позволяет говорить о надежной степени достоверности и эмпирической обоснованности полученных результатов.

Апробация и внедрение результатов

Основные результаты исследования были обсуждены на заседаниях кафедры общей психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

По теме диссертации опубликовано 15 научных работ, включая 7 статей в российских рецензируемых научных журналах, 4 из которых входят в перечень ВАК, а также тезисы докладов и материалы конференций.

Статьи в рецензируемых научных журналах:

1. Колхонен А. Ю., Мироненко И. А. Представления о добре и зле людей с высокой и низкой самоактуализацией // Вестник СПбГУ. Психология. –2025. – Т. 15. Вып. 1. – С. 134-147. (ВАК)
2. Колхонен, А. Ю. К типологии личности в этической психологии / А. Ю. Колхонен, И. А. Мироненко // Вопросы психологии. – 2024. – Т. 70, № 6. – С. 40-51. – EDN OTOTVM. (Белый список, Scopus)
3. Колхонен, А. Ю. Взаимосвязь занятий атлетизмом с психологическими чертами «темной триады» и установкой на преодоление / А. Ю. Колхонен, В. В. Андреев // Психология и педагогика спортивной деятельности. – 2023. – № 2(65). – С. 23-27. – EDN ONIIUF. (ВАК)
4. Юмкина Е. А., Колхонен А. Ю., Мироненко И. А. Представления о «доброе» и «зле» студентов-психологов в «до-ковидную эпоху» и в настоящее время. Часть 1: Анализ семантического пространства категорий // Социальная и экономическая психология. – 2023. – Т. 8. – № 3(31). – С. 85–109. [DOI: 10.38098/jrspn.sep_2023_31_03] (ВАК)
5. Юмкина Е. А., Колхонен А. Ю., Мироненко И. А. Представления о «доброе» и «зле» студентов-психологов в «до-ковидную эпоху» и в настоящее время. Часть 2: Содержательный анализ определения добра и зла // Социальная и экономическая психология. – 2023. – Т. 8. – № 4(32). – С. 76–96. [DOI: 10.38098/jrspn.sep_2023_34_02] (ВАК).

Статьи в рецензируемых непериодических изданиях:

6. Колхонен А. Ю., Мироненко И. А. Добро и зло в психологическом дискурсе: к проблематизации содержания понятий // Психология личности: методология, теория, практика / Сб. науч. тр. – М.: Институт психологии РАН, 2024б. – С. 643–647.

7. Колхонен А. Ю., Мироненко И. А. Баланс сил Эроса и Танатоса в контексте современной тенденции нарастания угрозы ядерной войны // *Актуальные проблемы современной социальной психологии и её отраслей: сб. научных трудов* – М.: Институт психологии РАН, 2023. – С. 867–871.

Результаты исследования также были представлены в тезисах докладов, опубликованных в материалах научных конференций:

8. Колхонен А. Ю., Компаниец А. Л. Идея диалектики добра и зла как ресурс для совладания с современными социально-политическими вызовами // *III Международная конференция по консультативной психологии, посвящённая памяти Ф. Е. Василюка* – Москва: МГППУ, 2023. – С. 152–156. (ISBN 978-5-94057-522-3)
9. Колхонен А. Ю., Мироненко И. А. Диалектика добра и зла как ресурс для продуктивности жизни в наше время // *XVIII Всероссийская Парыгинская научно-практическая конференция с международным участием* – СПб.: СПбГУП, 2023. – С. 87–89.
10. Колхонен А. Ю., Мироненко И. А. Показатели черт тёмной триады и отношения к понятию добра и зла у студентов-психологов // *Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире* – М.: Союзкнига, 2023. – С. 414–416.
11. Колхонен А. Ю. Взаимосвязь занятий атлетизмом с психологическими чертами «тёмной триады» и установкой на преодоление // *Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Психология будущего»* – СПб.: ФГБУН СПбНИИ культуры, 2023. – С. 30–37.
12. Колхонен А. Ю. «Напряжение цивилизации» как условие развития человека и общества – с точки зрения психотерапии // *XXVII Международная конференция молодых ученых «Психология XXI века»* – СПб.: ООО «Скифия-принт», 2023. – С. 268–269.

13. Колхонен А. Ю. Отношение к «Добру» и «Злу» и особенности самоактуализации личности // *XXVIII Международная конференция студентов и аспирантов «Психология XXI века»* – СПб.: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 57–58.
14. Колхонен А. Ю., Мироненко И. А. Факторная модель для описания личности в этической психологии // *Ананьевские чтения – 2024. 80-летие СПбГУ* – Нижний Новгород: Союзкнига, 2024. – С. 176.
15. Колхонен А. Ю. Связь самоактуализации с этическими представлениями о добре и зле // *«Психология XXI века», 2025. (тезисы принятые к публикации)*

Дополнительно материалы исследования были представлены и обсуждены в рамках участия в научных конференциях, форумах и симпозиумах различного уровня:

Научные конференции:

- Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвящённая памяти Ф. Е. Василюка (Москва, 2022);
- XVIII Всероссийская Парыгинская научно-практическая конференция с международным участием (Санкт-Петербург, 2023);
- Современные направления инновационных исследований молодых учёных в области физической культуры и спорта (Санкт-Петербург, 2023);
- Конференция «Психология XXI века: наука как свобода и творчество» (Санкт-Петербург, 2023);
- Международная научная конференция «Ананьевские чтения — 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития» (Санкт-Петербург, 2023);
- Конференция «Психология XXI века: калейдоскоп открытий» (Санкт-Петербург, 2024);

- Международная научная конференция «Ананьевские чтения — 2024» (Санкт-Петербург, 2024);
- Конференция «Психология XXI века: Человек и мир» (Санкт-Петербург, 2025)

Представленные материалы были аprobированы на различных научных площадках, что подтверждает актуальность тематики, её соответствие современным научным приоритетам и востребованность полученных результатов в профессиональном сообществе, что обеспечивает надёжность и валидность положений, выносимых на защиту.

Структура и объем диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, выводов, списка литературы и приложений. Основной текст диссертации изложен на 208 страницах, содержит 16 таблиц, 5 графиков и 2 рисунка. Список литературы включает 236 источника, в том числе 122 на иностранном языке.

Основные научные результаты

1. В процессе исследования уточнён понятийный аппарат, в том числе авторски интерпретированы ключевые категории: этические представления о добре и зле, этическая позиция личности (весь теоретический анализ проведен лично автором диссертации)
2. Выявлены и систематизированы основные типы этических представлений о взаимосвязи добра и зла в философских, религиозных и психологических теориях; показано, что, несмотря на разнообразие контекстов, взаимосвязи этих категорий в психологическом дискурсе сводятся к ограниченному числу устойчивых типов, которые сохраняют актуальность и служат теоретической основой для анализа описанных этических представлений эмпирическими методами (см. работы (Колхонен, Мироненко, 2024а).

3. Раскрыта взаимосвязь между этическими представлениями о добре и зле и характерологическими особенностями личности (см. работы (Колхонен, Мироненко, 2025; Колхонен, Андреев, 2023)).
4. На основе обобщения полученных эмпирических данных предложена типология этических позиций личности, включая особенности смыслового ядра этических представлений, отношений личности к добру/злу и характерологических особенностей. (см. работы (Колхонен, Мироненко, 2024а)).

Положения, выносимые на защиту

1. В психологическом дискурсе различаются два типа этических представлений о взаимосвязи добра и зла. При первом типе зло трактуется как отсутствие добра, возникающее вследствие его недостатка. Второй тип рассматривает добро и зло как автономные силы, находящиеся в сложном диалектическом взаимодействии.
2. Существует взаимосвязь между этическими представлениями и характерологическими особенностями личности. В том числе:
 - 2.1. Установлены взаимосвязи между особенностями этических представлений о добре и зле и чертами «тёмной» и «светлой» триады;
 - 2.2. Установлена взаимосвязь между типом этической позиции и уровнем самоактуализации
 - 2.3. Установлена взаимосвязь между типом этической позиции и гибкостью в поведении
3. Предложена концептуальная теоретическая модель этической позиции личности, в структуре которой этические представления о добре и зле и характерологические особенности субъекта взаимно обусловлены и интегрированы в единое целое.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Первая глава данной диссертации посвящена анализу и теоретическому разбору предметных областей междисциплинарного дискурса, прямо или опосредованно связанных с темой этических представлений личности и её характерологических особенностей, которые, как мы увидим далее, взаимосвязаны и могут даже нести взаимообусловленный характер.

Анализ теоретического материала мы начнём с определения и выявления понятия *этическое представление*. Мы попытаемся выстроить сквозную линию анализа: от философских проблем определения понятий добра и зла — через религиозные интерпретации — к их психологическим и психотерапевтическим интерпретациям и, в дальнейшем, к внутренне обусловленным, характерологическим структурам, которые могут быть связаны с этическими представлениями.

Для того чтобы подойти к пониманию того, какие формы могут принимать этические представления личности, нам необходимо обратиться к философским основаниям этих понятий. Разнообразие трактовок добра и зла в философии требует не столько их описания, сколько определения универсальных типов или векторов, определяющих, как взаимодействуют между собой добро и зло, на основе которых возможно осмысление индивидуальных типов этических представлений. Важно подчеркнуть, что в данном исследовании нас интересует не столько поиск универсального определения добра и зла, сколько анализ того, как личность воспринимает, интерпретирует и соотносит эти категории между собой. Другими словами, как личность представляет в своём сознании взаимосвязь добра и зла, при том что сами понятия «добро» и «зло» обозначают лишь формы, число которых практически бесконечно (например, белое — чёрное, свет — тьма и т.д.), и содержание которых наполняется каждой личностью индивидуально. Однако

способы взаимодействия этих форм, как мы попытаемся показать, подчиняются ограниченному числу устойчивых типов систем.

Для этого мы обратимся к религиозным традициям, в которых идеи взаимосвязи добра и зла получают устойчивые нормативные типы систем. Мы кратко опишем различие между монотеистическими и дуалистическими системами, поскольку они задают принципиально разные аксиологические рамки для формирования этических представлений.

Затем в рамках психологических и психотерапевтических подходах будет рассмотрено, каким образом различные школы и концепции осмысляют этические представления заключая их с свои нормативные системы. Особый акцент будет сделан на тех случаях, где понятия «добрь» и «зло» не называются напрямую (поскольку как мы выше написали это лишь переменчивая форма), но проявляются через иные конструкции или модели.

После этого мы перейдём к анализу собственно характерологических особенностей личности, включая такие современные понятия, как тёмная и светлая триады черт. Итогом главы станет выявление устойчивых типов этических представлений и рассмотрение возможных взаимосвязей этических представлений и характерологических особенностей, а также формулировка предпосылок к эмпирическому исследованию этой взаимосвязи.

1.1 Проблема этических представлений в философии

Проблема добра и зла — одна из древнейших философских тем, которая пронизывает собой историю человеческой мысли от первых мифологических представлений до постмодернистских концепций. Она касается не только нравственного выбора, но и более фундаментальных вопросов: как устроен мир, каков человек по своей сути и возможно ли однозначное разделение на добро и зло. В этой связи философские основания добра и зла задают рамку для последующего психологического осмысления, в том числе в контексте этических

позиций личности. Ниже мы коротко опишем некоторые концепции и мысли отдельных философов, которые так или иначе касались темы добра и зла в человеке.

Философия античности закладывает две противоположные интуиции. Первая — это представление о добре какteleологической цели: Аристотель в "Никомаховой этике" утверждает, что всякое сущее стремится к благу, а значит, добро — это то, к чему естественно стремится природа (Аристотель, 2021). Вторая — это понимание зла как следствия неведения: Сократ, Платон и стоики полагали, что никто не делает зла сознательно, а зло есть результат незнания добра. Эта идея будет неоднократно возвращаться в последующие века, особенно в христианской традиции.

Средневековая философия вводит трансцендентное измерение. Для Августина зло — не субстанция, а *privatio boni* — отсутствие добра. Эта метафизическая модель позволяет снять с Бога ответственность за наличие зла в мире, но порождает парадокс свободы воли: если зло — просто отсутствие, то как объяснить реальные страдания, преступления и разрушения? Фома Аквинский уточняет: зло — это частный и необходимый элемент общего порядка, без которого невозможно ни испытание, ни добродетель (Аквинский, 2020).

С наступлением Нового времени философия обретает новые акценты: рациональность, автономию субъекта, и, вместе с тем, кризис метафизических оснований. Имануил Кант, в "Религии в пределах только разума", говорит о радикальном зле как врождённой склонности человека к подмене морального закона максима эгоизма, но подчёркивает, что человек способен преодолеть это зло через усилие разума и нравственный долг (Кант, 2018). Зло здесь получает статус не онтологического, а антропологического условия, включённого в структуру субъекта, что станет важной точкой отсчёта для всей последующей философской и психологической мысли.

С развитием диалектической традиции, особенно в философии Гегеля, проблема добра и зла перестаёт быть статичной. Добро и зло становятся моментами саморазвития духа. В "Феноменологии духа" Гегель утверждает, что через отрицание, через конфликт и разрыв дух продвигается к более высокой стадии осознания. Зло, в таком ключе, — не ошибка, а необходимость: только через распад целого рождается новое (Гегель, 2020). Эта мысль будет подхвачена экзистенциальной философией, для которой зло есть условие экзистенции, переживания предельных ситуаций и свободы.

Фридрих Ницше резко переосмысляет моральную дилемму: он рассматривает традиционную мораль добра и зла как проявление *ressentiment* — слабости, скрытой в маске добродетели. В "По ту сторону добра и зла" он противопоставляет мораль господ и мораль рабов, показывая, как зло и добро — это не вечные сущности, а оценки, зависимые от воли к власти и исторических обстоятельств. Вот что он пишет: «Во всех странах Европы, а также и в Америке есть нынче нечто злоупотребляющее... некий род очень узких, ограниченных, посаженных на цепь умов, которые хотят почти точь-в-точь противоположного тому, что лежит в наших намерениях и инстинктах... То, чего им хотелось бы всеми силами достигнуть, есть общее стадное счастье зеленых пастбищ, соединенное с обеспеченностью, безопасностью, привольностью, облегчением жизни для каждого... и само страдание они считают за нечто такое, что должно быть устраниено. Мы же, люди противоположных взглядов, внимательно и добросовестно отнесшиеся к вопросу, — где и как до сих пор растение «человек» наиболее мощно взрастало в вышину, — полагаем, что это случалось всегда при обратных условиях, что для этого опасность его положения сперва должна была разрастись до чудовищных размеров. Сила его изобретательности и притворства (его «ум») должна была развиться под долгим гнетом и принуждением до тонкости и неустранимости, его воля к жизни должна была возвыситься до степени безусловной воли к власти: мы полагаем, что суровость, насилие, рабство, опасность на улице и в сердце, скрытность, стоицизм, хитрость

искусителя и чертовщина всякого рода, что всё злое, ужасное, тираническое, хищное и змеиное в человеке так же способствует возвышению вида «человек», как и его противоположность» (Ницше, 2017, с. 320-321). Философское осмысление природы зла как необходимого компонента становления как личности, так и шире, целого народа, цивилизации, особенно ярко представлено в философии Фридриха Ницше, радикально переосмысляющего традиционную оппозицию добра и зла. В его работах зло предстает не как внешний деструктивный принцип, а как условие роста, напряжения, необходимого для раскрытия творческого и духовного потенциала человека. В одном из афоризмов он пишет: «Присмотритесь внимательно к лучшим людям, чья жизнь кажется самой плодотворной и продуманной, обратите внимание на лучшие народы и подумайте: может ли дерево, которое должно гордо тянуться ввысь, избежать бурь и непогоды? Не являются ли внешние неблагоприятные обстоятельства и всевозможные препятствия или, скажем, всякого рода ненависть, ревность, своенравие, недоверчивость, жестокость, жадность теми благоприятствующими обстоятельствами, без которых невозможен никакой рост, никакое развитие» (Ницше, 2017, с. 53). Эта мысль иллюстрирует ключевую для философии Ницше идею о том, что страдание не только неизбежно, но и ценно, поскольку именно через него осуществляется становление индивидуальности.

В другом фрагменте он уточняет, что отказ от боли невозможен без одновременного отказа от способности к наслаждению: «Если вы захотите свести к минимуму болезненную восприимчивость людей, то вам придётся одновременно изжить и подавить в себе способность наслаждаться» (Ницше, 2017, с. 46). Эта антиномия страдания и наслаждения, тесно переплетённых между собой, задаёт парадоксальную структуру человеческого бытия, где попытка устранения зла может привести к атрофии способности к добру как к интенсивному переживанию смысла и полноты. В этих формулировках зло не только не отрицается — оно оказывается необходимым спутником бытия,

провоцирующим развитие, сопротивление и, в конечном счёте, моральную и духовную зрелость.

Интересно сопоставить эту позицию с более ранними, ренессансными размышлениями Мишеля де Монтена, жившего на три века ранее (1533–1592), в эпоху гуманистического Возрождения. В его «Опытах» можно обнаружить удивительно тонкое и психологически насыщенное понимание двойственной природы человека. Монтень, подобно Ницше, отказывается от моралистского осуждения «низших» проявлений души, утверждая их как часть целостного образа субъекта: «Среди отправлений человеческой души есть и низменные: кто не видит и этой её стороны, тот не может сказать, что знает её до конца» (Монтень, 2017, с. 271). Эта гуманистическая интенция к принятию человеческой природы во всей её полноте находит продолжение в его рассуждениях о боли и страдании.

Подобно Ницше, Монтень замечает, что снижение чувствительности к боли сопряжено с притуплением радости: «Если мне скажут, что преимущество иметь притупленную и пониженную чувствительность к боли и страданиям связано с той невыгодной, что сопровождается менее острым и менее ярким восприятием радостей и наслаждений, то это совершенно верно; но, к несчастью мы так устроены, что нам приходится больше думать о том как избегать страданий...» (Монтень, 2017, с. 435). Однако в отличие от ницшеанской философии преодоления, в которой страдание служит катализатором воли к власти и творчеству, Монтень скорее предлагает сбалансированную позицию принятия: «В самом деле, уничтожая ощущение боли, одновременно уничтожают и ощущения наслаждения, и в конечном счёте человек перестаёт быть человеком. Это бесчувствие достигается немалой ценой, за счёт очерствления души и оцепенения тела» (Монтень, 2017, с. 436). Здесь зло понимается не как вызов для трансцендирования, а как неустранимый элемент человеческого опыта, с которым следует не бороться, но жить, принимая без крайностей. Он резюмирует: «Я полагаю, что пренебрегать всеми естественными наслаждениями также

неправильно, как и слишком страстно предаваться им... Не надо бежать ни за ними, ни от них, но надо их принимать» (Монтень, 2017, с. 1016). Если для Ницше зло приветствуется и даже сознательно вызывается, то для Монтеня это элемент бытия: если оно присутствует — это хорошо, если отсутствует — тоже хорошо. Однако второе «хорошо» у Монтеня исходит из воли Божьей (здесь следует учитывать историческую эпоху, в которую жили оба философа: для одного Бог оставался центром мироздания, другой утверждал, что Бог умер). Эта позиция в отношении зла, которое в данном случае трактуется как искушение и страсти, хорошо описаны Монтенем в следующем отрывке: «Я думаю, нет сомнений в том, что лучше по божьему изволению свыше подавлять искушения в зародыше и так подготовить себя к добродетели, чтобы сами эти семена были вырваны с корнем, чем, поддавшись первым проявлениям дурных страстей, лишь после этого насилино мешать их росту и *бороться* (Курсив мой К.А.), стараясь приостановить их развитие и *преодолеть их*; но я не сомневаюсь, что идти по этому второму пути лучше, чем обладать просто цельным и благодушным характером и питать от природы отвращения к пороку и распущенности. Ибо люди, относящиеся к этой третьей разновидности, люди невинные, но и не добродетельные, не делают зла, но их не хватает на то, чтобы делать добро» (Монтень, 2017, с. 374). Таким образом, Монтень, хоть и допускает, что природная добродетельность — безусловное благо, тем не менее подчёркивает, что путь внутренней борьбы с «ростками дурных страстей» ценнее, чем простое отсутствие этих страстей. Это суждение удивительно точно указывает на тонкое различие между «отвержением зла» и «принятием зла»: второе требует активности, усилия, внутренней работы, тогда как первое может быть всего лишь пассивной формой статус-кво, за которым нередко скрывается моральное безразличие. Как мы позже увидим, эта мысль ляжет в основу целого направления и ярко проявится в XX веке в рамках гуманистической психологии и психотерапии — особенно в работах Э. Фромма, который в «*Анатомии человеческой деструктивности*» анализировал те же самые страсти... Так же примечательно, что почти через четыре столетия после публикации «Опытов»

схожую идею выразил отечественный философ Мераб Константинович Мамардашвили в цикле лекций «Топология психологического пути». Именно к этому различию — между моральной ангажированностью и этической нейтральностью — обращается Мамардашвили, когда говорит: «Я говорил вам, что основной психологический тип человека, которому вообще может открыться мир (не перед всяким мир открывается, даже если он этого захочет) и для которого по каким-то магнитным линиям раскатывается или развертывается его собственная психология, — есть ангажированный человек. Мы имеем ангажированного человека и тем самым отмели другого человека.... Кто у Данте не заслуживает попасть даже в Ад? «Возмущенный прах». Взметенная пыль. Это люди, которые и не грешили, и добра не делали. А добро можно делать только на собственный риск, за свой счет. Надо рисковать, а не просто участвовать в чем-то общем. Это — безразличные, которые ни туда и ни сюда. И они — у них действительно страшная участь — бегут нагие, кусаемые слепнями и осами: «Кровь, между слез, с их лиц текла струями, и мерзостные скопища червей ее глотали тут же под ногами». Один из самых страшных образов. В Аду хотя бы есть определенное наказание. А здесь нет его, и, как пишет Данте: «То горестный удел тех жалких душ, что прожили, не зная ни славы, ни позора смертных дел... И смертный час для них недостижим, и эта жизнь настолько нестерпима, что все другое было бы легче им. Их память на земле невоскресима». Мы даже узнать о них не узнаем. «От них и суд, и милость отошли. Они не стоят слов: взгляни — и мимо!»

Внимательный анализ параллелей между философскими позициями Сократа, Платона, Аристотеля, Гегеля, Ницше, Монтеня, Мамардашвили, сформулированными в разные исторические эпохи, уже позволяет наметить ряд общих оснований, на базе которых можно выделить повторяющиеся типы этических представлений. Тем не менее мы сознательно оставим более детальный разбор этих структур до следующего этапа, где будет предложена систематизация типов этических представлений личности. Пока же, в рамках настоящего раздела,

сосредоточимся на анализе ещё нескольких философских подходов к роли зла в этическом контексте.

Контрастом к выше описанной линии гуманистического принятия зла через работу с ним посредством усилий и преодоления выступает политико-философская позиция Никколо Макиавелли, формулирующая иной подход ко злу. В трактате «Государь» он пишет: «Человек, желающий творить одно только добро, неминуемо погибнет среди стольких чуждых добру. Поэтому государю, желающему сохранить свою власть, нужно научиться быть не добрым и пользоваться этим умением в случае необходимости» (Макиавелли, 2014, с. 57). В этом афоризме ясно прослеживается убеждённость в невозможности осуществлять моральную чистоту в среде, пронизанной деструктивными импульсами. Макиавелли, в отличие от Монтеня, не стремится к психологической интеграции добра и зла, но предлагает стратегическую амбивалентность: необходимость усвоения зла как инструмента выживания. Его идея ближе к реалистической традиции, где мораль не отрицается, но подчиняется более высокому приоритету — сохранению целостности субъекта (или власти), пусть даже ценой этического компромисса. На фоне монтеневского идеала внутренней гармонии, макиавелистская этика указывает на пределы гуманистической терпимости, напоминая, что реальность требует не столько возвышенного согласия, сколько умения принимать участие в неизбежной игре противоречий. В этом смысле обе позиции, несмотря на различие акцентов, подчеркивают неизбывную двойственность человеческого существования и необходимость её признания как основы зрелого отношения к добру и злу.

Таким образом, исторический сдвиг между философией Монтеня XVI века и философией Ницше XIX века проявляется в различной степени радикальности подхода: от умеренного гуманизма принятия к провокативной воле к преодолению. Тем не менее, оба мыслителя сходятся в том, что зло — не только онтологическая данность, но и экзистенциальный вызов, формирующий нравственную и чувственную ткань человеческой субъективности. Эти идеи

важны для понимания того, как в истории философии менялось представление о добре и зле: от метафизических эссеций к психологически насыщенным и внутренне противоречивым феноменам.

В XX веке тема зла обрела трагическое измерение, оказавшись в эпицентре морального крушения новоевропейской цивилизации. Холокост, Хиросима, ГУЛАГ, беспрецедентные по масштабу и безличностные формы насилия радикально поставили под вопрос привычные метафизические и этические основания добра и зла. Если в предшествующих философских системах зло осмыслилось в рамках категорий вины, порока, трагедии или падения, то после событий XX века оно стало восприниматься как нечто повседневное, встроенное в анонимные механизмы социального порядка. Ханна Арендт, анализируя процесс над Адольфом Эйхманом, сформулировала концепт *банальности зла*, под которым понимала утрату субъектом способности к моральному суждению: зло совершается не монстрами, а «обычными» людьми, утратившими способность к рефлексии и внутренней речи (Arendt, 1963).

Одним из наиболее радикальных продолжателей этой линии стал Жан Бодрийяр, особенно в своей работе «*Прозрачность зла*» (Бодрийяр, 2021), где он утверждает: современность разрушила саму возможность диалектики добра и зла, заменив их симулякрами, утратившими содержательную связность. В постмодерне, по Бодрийяру, зло не исчезает, но преобразуется в нечто иное — в «проклятую сторону» вещей, в структуру, не поддающуюся ни оценке, ни искуплению. Критика морали, основанная на разрушении бинарных оппозиций, приводит к состоянию, в котором «добро» и «зло» становятся автономными, гипертрофированными и неспособными вступить в диалог. «Добро, лишённое диалектики со злом, становится навязчивым и опасным: любая структура, изгоняющая своё негативное, обрекает себя на катастрофу» (Бодрийяр, 2021, с. 157).

Одной из центральных метафор у Бодрийяра становится идея *проклятой стороны вещей* — неустранимого, отвергнутого аспекта, который возвращается в виде кризиса, катастрофы или распада. Он пишет: «Всякое различие между добром и злом приобретает значимость лишь на самом краю нашей рациональной модели... по другую их сторону... царит неразделимость добра и зла... в этом, собственно, и состоит теорема о проклятой стороне вещей» (Бодрийяр, 2021, с. 157). Это не просто философская фигура — это утверждение невозможности сохранить моральную целостность в условиях, когда системы (этические, политические, биологические) стремятся к полной позитивности, исключая конфликт, и тем самым производят собственную гибель. Он подчёркивает: «Есть одно ужасающее последствие непрерывного созидания позитивного... возвеличенное до уровня гиперболы, оно порождает катастрофу...» (там же, с. 157).

Подобно биологическому телу, лишённому иммунной реакции, общество, полностью изгнавшее зло как категорию, становится уязвимым к метастазам, которые появляются именно благодаря стерильности системы. Аналогия, которую он проводит, касается роли иммунной системы организма, которая существует лишь благодаря наличию инородных тел внутри системы. Она как бы тренируется, уничтожая их, и тем самым является эффективной, потому что действует. Зло здесь рассматривается как инородное тело, но именно оно побуждает иммунитет (наше этическое представление) функционировать. Без зла внутренняя система координат уподобилась бы стерильной среде — настолько чистой, что потребности в иммунной системе просто не было бы. Это опасно для человека именно потому, что человек является открытой системой, а значит, предназначен взаимодействовать. Бодрийяр формулирует это с пугающей ясностью: «Все, что извергает из себя проклятую сторону своей сути, подписывает себе смертный приговор» (там же, с. 158). В этом контексте зло не просто существует — оно необходимо как условие баланса, как

антагонистический элемент, без которого невозможна жизнеспособность ни личности, ни культуры.

Принцип зла, по Бодрийяру, радикально автономен и не сводим к моралистскому осуждению. «Принцип Зла лишен морали, это принцип неравновесия и помутнения разума, принцип сложности и странности, принцип совращения...» (там же, с. 158). Он противопоставляется доброму, которое мыслится как искусственный конструкт, стремящийся к упорядочиванию, к гармонии любой ценой, но тем самым обречённый на крах. «Иллюзия, что можно отделить Добро от Зла... просто абсурдна» (там же, с. 163), — утверждает Бодрийяр, разрушая последние остатки рационалистической надежды на нравственное упорядочивание мира.

Пожалуй, самым мрачным и одновременно точным тезисом Бодрийяра можно считать его определение: «Зло... состоит в отрицании этой диалектики, в радикальном разобщении Добра и Зла... Зло, таким образом, оказывается хозяином положения» (там же, с. 205). Этот вывод не только предельно пессимистичен, но и вызывает важный вопрос о возможности этического существования в условиях морального релятивизма. Он требует от психологической науки, в том числе и от этической психологии, нового взгляда на феномены нравственного выбора и суждения. Если современная культура, как предполагают некоторые авторы, стирает различия между добром и злом или подменяет их «симулякрами», то задача психологии заключается не столько в восстановлении прежней морали, сколько в реконструкции способностей субъекта к внутренней диалектике — способности удерживать противоречие, не упрощая его до бинарной оценки.

Современная философия и постструктурализм усиливают релятивизацию понятия зла. В условиях плюралистического мира, где универсальные ценности под сомнением, зло предстает как неустранимое измерение человеческой свободы. Жан-Люк Нанси, Жижек, Агамбен и другие поднимают вопрос не столько о сущности зла, сколько о возможности этики после зла — после

катастрофы (Nancy, 1991; Nancy, 2024; Žižek, 1999; Žižek, 2003; Agamben, 2020; Agamben, 2022). В этих концепциях зло не подлежит окончательному изгнанию, оно — постоянный спутник человеческого бытия.

В таком контексте представляется особенно важным различать дуалистическое и диалектическое понимание добра и зла. В дуализме предполагается жёсткое разделение: добро исключает зло. В диалектике — напротив: зло необходимо для осмысления добра, оно внутренне связано с процессом развития, самопознания, трансформации. Эти философские основания имеют прямое значение для психологического анализа этических позиций, поскольку ценностные установки личности часто наследуют одну из этих парадигм. Как показано в эмпирических главах, различия между кластерами респондентов проявляются, в частности, в том, склонны ли они к жёсткому разграничению добра и зла или к их взаимному принятию.

Современная моральная философия, в лице авторов таких как Чарльз Тейлор (Taylor, 1989), Алasdэр Макинтайр (MacIntyre, 1981), а также Джонатан Хайдт (Haidt, 2012), стремится вернуть добро и зло в контекст «моральных источников» и культурных нарративов. Тейлор подчёркивает важность моральных горизонтов, в рамках которых человек осмыслияет своё поведение и свою принадлежность к сообществу (Laitinen, 2014). Макинтайр указывает на то, что без общей традиции, связывающей нас с прошлым, мораль теряет силу и становится фрагментированной, что иллюстрируется его анализом «эмотивизма» и критической ретроспективой после Просвещения (Mutlu, 2016). Хайдт, в свою очередь, акцентирует роль интуиции, коллективных моральных настроений и культурных «моральных оснований», подчёркивая, что рациональность часто оправдывает уже сложившийся эмоциональный отклик (Haidt, 2001).

Кроме того, в рамках современной дискуссии заслуживают внимания также Т. М. Сканлон, развивающий контрактуалистский подход на основе взаимного признания рациональных агентов (Scanlon, 2008), а также Дж. Э. М. Анскомб, которая в ставшей классической статье *Modern Moral Philosophy* подчёркивает,

что современная моральная терминология, основанная на понятиях «должен» и «обязан», утратила смысл вне контекста религиозных или метафизических оснований, и потому требует не только философского, но и психологического переосмыслиния (Anscombe, 2020).

Несмотря на многообразие взглядов, лишь небольшую часть которых нам удалось затронуть в данном разделе, философские размышления от античности до современности позволяют проследить определённую концептуальную линию в осмыслении этического. Отteleологического понимания добра у Аристотеля, согласно которому всякое сущее стремится к благу как к своей естественной цели, — через представление зла как следствия незнания у Сократа и Платона, — к современному контрактуалистскому подходу Томаса Скэнлона, который видит мораль как систему обязательств между рациональными агентами, основанную на принципах, которые никто не мог бы разумно отвергнуть, — все эти концепции в той или иной форме могут быть рассмотрены как описание структур этического представления личности.

Философия, таким образом, позволяет выявить повторяющиеся имплицитные схемы и модели, через которые человек осмысляет категории добра и зла. Эти структуры, несмотря на различия в терминах и акцентах, могут рассматриваться как различные формы этических представлений личности — то есть как устойчивые способы переживания, интерпретации и соотнесения этически значимых явлений. Именно в этом контексте философские концепции становятся ценным предварительным материалом для дальнейшего анализа религиозных, психологических. Философский анализ в большинстве случаев лишь вскользь касается религиозных повествований и мифологических систем. Поэтому в следующем разделе нашей работы мы кратко, но целенаправленно обратимся к религиозной перспективе — исследуем, как христианская традиция конструирует категории добра и зла через призму греха, искупления и сакрального, прежде чем перейти к анализу современных психологических подходов.

1.2 Этические представления о добре и зле в мировых религиях

Переходя к религиозной перспективе, важно подчеркнуть, что анализ категории добра и зла требует обращения к религиозным традициям, укоренённым и в западноевропейской культуре, и в восточно-христианском контексте. Вместе с тем полезно рассмотреть, как эти категории осмысляются и в других религиозно-философских системах, например:

С точки зрения Вед, душа заведомо противоречива. В «Бхагавад-гите» это качество души называется ачинтья. Конфуцианцы считали истинной сущностью человека гуманность (жень), доброе, истинно человеческое начало. Под самосовершенствованием понималось самовоспитание, развитие в себе «гуманного» начала (носителя высоких морально-психологических качеств) и подавление в себе «дикого», «злого». В славянской мифологии Белобог и Чёрнобог выступают архетипами созидательной и разрушительной силы: первый — символ порядка, света и творения; второй — персонализированный образ тьмы, хаоса и зла (Шнирельман, 1999).

Разнообразные религиозно-философские системы, формировавшиеся на протяжении тысячелетий в разных регионах мира, обладают обширными корпусами текстов и учений, в которых подробно осмысляются категории добра и зла. Хотя обзор всех традиций невозможен в одном исследовании, достаточным кажется показать лишь некоторые ключевые примеры, отражающие сложность и многомерность этих представлений.

Эта многомерность осмысления добра и зла находит выражение и в современных гуманитарных интерпретациях. В частности, израильский историк Юваль Ной Харари — один из наиболее влиятельных интеллектуалов XXI века — в своей работе «*Sapiens. Краткая история человечества*» обращается не к метафизике самих категорий добра и зла, а к тому, как человечество воспринимает эти понятия в рамках различных мировоззренческих систем.

Харари выделяет два принципиально разных взгляда на «битву добра и зла» (Харари, 2016). Дуализм, по его наблюдению, представляет мир как арену противостояния добра и зла — двух независимых начал, каждое из которых имеет свою силу и автономию. Такой взгляд, по словам автора, «даёт простой и убедительный ответ» на проблему зла: страдания и беды происходят не потому, что Бог допускает зло, а потому, что в мире действует злая сила, не подчиняющаяся Богу. Дуализм тем самым снимает логическое противоречие, стоящее перед монотеистами: если Бог всемогущ, всеведущ и благ, как он может допустить зло? Монотеистическим традициям — прежде всего христианству, исламу и иудаизму — приходится обращаться к сложным концептам, таким как свобода воли, которая объясняет существование нравственного выбора, но порождает новые философские затруднения. Если Бог изначально знает, что человек воспользуется свободной волей во зло, то зачем он его создаёт и осуждает на вечные муки? Несмотря на утверждаемую догматическую единственность и всемогущество Бога, значительная часть верующих христиан, мусульман и иудеев на практике признаёт существование мощной злой силы, способной действовать независимо от воли Творца. Так, в христианстве дьявол, сатана — это фигура, наделённая свободой, противостоящая Богу, ведущая борьбу за души людей. Эта идея фактически вступает в логическое противоречие с основами строгого монотеизма, предполагая, по сути, двоецентричную онтологию, где Бог не является единственным источником влияния. Харари делает вывод: человек способен соединять несовместимое, сосуществовать с внутренне противоречивыми концептами, не замечая их логической нестыковки (Харари, 2016). Эти напряжения в религиозной картине мира особенно ярко проявляются в рамках христианской традиции, где вопрос о происхождении и сущности зла получает особое догматическое и нравственное оформление. Понимание зла здесь тесно связано с понятием греха — центральной категорией христианской антропологии и морали.

Христианская традиция рассматривает грех прежде всего как нарушение божественной воли и закона. В христианской этике грех определяется как сознательное неповиновение заповедям Бога — своего рода «бунт» человеческой природы против Творца (Православная энциклопедия, 2006; Катехизис, 2018). Богословское исследование греха (хамартиология) подчёркивает, что грех — это не только отдельный поступок, но и состояние души, обусловленное первородным грехом, переданным от Адама, из-за которого человек находится в постоянной склонности к злу (Велтистов, 2013).

Учение об оригинальном (первородном) грехе восходит к трудам Августина Гиппонского (IV–V вв.), который определял его как наследственное состояние «греховного загрязнения» и повреждённости человеческой природы (Моисеева, 2015). Согласно католическому учению, первородный грех привёл к утрате состояния «вершинной праведности» — и хотя через Крещение человек избавляется от вины, наклонность ко злу сохраняется (Катехизис Католической церкви, 2003).

Фома Аквинский в *Summa Theologica* уточнял, что грех — это поворот от Бога к тварным объектам в результате неупорядоченной страсти и самолюбия. Он различал смертные и легкие (венальные) грехи, при этом смертный грех разрушал духовную жизнь в человеке, а легкие ослабляли её, подобно болезни (*Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2020; Катехизис, 2018). В религиозной традиции, особенно в христианстве, зло трактуется прежде всего как следствие греха — свободного, но ошибочного выбора человека, отдаляющего его от Бога. Однако, несмотря на целостность этой догматической системы, множество вопросов остаются открытыми: от онтологической природы зла до мотивации нравственно «злого» поведения. Ответы на них всё чаще ищутся не только в богословии, но и в гуманитарных науках, прежде всего — в психологии. Уже в XX веке многие психологи и философы, включая Эриха Фромма, критически осмысливали религиозные и метафизические объяснения зла, стремясь раскрыть его как внутреннюю структуру личности, как социально обусловленное и психологически

мотивированное явление. Так, взгляды Фомы Аквинского на грех как «отворачивание от Бога» получили переосмысление у Фромма, который предлагал рассматривать зло не как мистическую или метафизическую сущность, а как результат отчуждения, разрушительного влечения и утраты связи с собственной жизненной подлинностью (Фромм, 1941).

Следующим шагом нашего анализа становится рассмотрение психологических подходов к типологизации этических представлений. Нас будет интересовать, каким образом в различных концепциях — от когнитивно-развивающих до культурно-нормативных — описываются типы этических представлений личности, и можно ли на этой основе выявить устойчивые формы или типы этических представлений.

1.3 Этическая типология личности и нравственная регуляция поведения: от классических подходов к отечественной психологической традиции

Проведённый анализ философских и религиозных оснований категорий добра и зла показал, что взаимоотношение добра и зла мыслится через ограниченное число устойчивых моделей. Следующим шагом является обзор психологических подходов к типологизации этического сознания личности. Иными словами, как в науке различаются типы морального мышления и нравственного сознания, через которые личность осмысляет мир. Данный раздел представляет обзор концепций морального развития и этической типологии личности, включая классические теории Лоуренса Колберга, их критический анализ и альтернативные подходы (в том числе современных отечественных и зарубежных авторов), а также специальные исследования по проблеме типологии этического сознания. На основе анализа будет обосновано деление этических представлений на два основных типа.

Одной из первых психологических попыток типологизировать моральное сознание стала теория Жана Пиаже, описывающая два качественно разных типа

морального мышления у детей. Пиаже обнаружил, что нравственные суждения детей проходят переход от *гетерономной морали* (Piaget, 1932; Meifang, 2025). Иначе говоря, Пиаже предложил различать две основные формы морального сознания: ранний гетерономный тип – когда добро и зло воспринимаются как заданные извне непреложные веления (например, воля родителей или Божий закон), – и более поздний автономный тип, при котором дети (около 9–10 лет и старше) начинают сами оценивать намерения и последствия, понимая относительность правил и важность *внутренних принципов* справедливости (Piaget, 1932; Каташев, Линьков, 2016).

Эта базовая дилемма (внешняя, *гетерономная* мораль vs. внутренняя, *автономная* мораль) стала фундаментом для дальнейших типологий. В философской этике ей соответствует деление на гетерономные и автономные этические концепции: первые выводят моральный закон из внешнего источника (например, Бога), а вторые полагают человека самим творцом нравственных норм (Kretchmar, 2024). К гетерономной этике относят, в частности, религиозные системы, где Бог олицетворяет Добро и навязывает человеку заповеди, тогда как автономная (светская) этика исходит из самостоятельного разумного выбора нравственных принципов (Kretchmar, 2024). Наиболее влиятельная психологическая теория, продолжившая линию Пиаже, принадлежит Лоуренсу Колбергу. Колберг разработал когнитивно-развивающую модель стадий морального развития, которая фактически выступает типологией морального мышления по уровням зрелости. Согласно Колбергу, способность человека рассуждать (в том числе о добре и зле) проходит шесть последовательных стадий, объединённых в три уровня: доконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный. Важно подчеркнуть, что Колберг рассматривал типологии морального мышления именно в разрезе стадий развития, а не постоянных личностных категорий. Тем не менее, его уровни можно интерпретировать и как устойчивые типы этического сознания. Например, человек конвенционального типа мыслит категориями групповых норм и

авторитета, тогда как человек постконвенционального типа – категориями личных принципов и идеалов совести. Более того, Колберг предполагал возможность этапа, выходящего за пределы постконвенционального уровня. В поздних работах он допускал гипотетическую Стадию 7 – «трансцендентную этику» или «мораль космической ориентации», связывающую моральное мышление с религиозно-философским мировоззрением (Conn, 1981). Этот шаг отражал стремление Колберга выйти за рамки светской конвенциональности и признать еще один тип морального сознания – основанный на духовных ценностях и смысложизненных ориентирах. Колберг считал свою стадиальную типологию универсальной для разных культур, но эти претензии вызвали значимые дискуссии. Помимо гендерной критики (Gilligan, 1982; Snarey, 1985), теория Колберга подвергалась и другим сомнениям. Одно из них касалось разрыва между моральным суждением и моральным поступком. Колберг описывал, как люди думают о добре и зле, но не гарантировал, что высокие рассуждения воплотятся в поведении (Rest и др., 2020). Он предполагал, что на высших стадиях мышления поведение более согласуется с принципами (за счёт внутренних моральных стандартов), и эмпирически была показана некоторая связь – например, студенты с постконвенциональным мышлением чаще участвовали в ценностных протестах. Однако в целом реальные поступки нередко расходятся с декларируемыми моральными убеждениями (Rest и др., 2020). Это породило альтернативные подходы, учитывающие ситуационные и личностные факторы. Ещё в 1920-х гг. исследования Хартшорна и Мэя показали, что честность детей непоследовательна и больше зависит от ситуации, чем от стабильных моральных установок (Hartshorne, May, 1928).

В продолжение этой линии американский психолог Д. Форсайт предложил подход к типологии морального сознания личности через призму индивидуальной моральной философии, а не только стадий развития. Донелсон Форсайт (Forsyth, 1980) выделил две базовые координаты личной этической ориентации: (1) идеализм – степень приверженности принципу непричинения вреда другим, и (2) релятивизм – степень неприятия универсальных моральных правил. Комбинация

этих осей дала четыре типа личных этических идеологий (Forsyth, 1980). Эта таксономия этических идеологий стала популярной в прикладных исследованиях (например, в бизнес-этике, межкультурных сравнениях ценностей и пр.). Примечательно, что недавно данная модель Форсайта получила развитие и в российской науке: адаптирован опросник этических позиций на русском языке, что позволило изучать распределение названных четырёх типов в отечественной выборке (Федоров, Бадиев, 2018). Однако мы не стали использовать «Опросник этических позиций, EPQ» Донелсона Форсайта, поскольку его модель ограничена дилеммой «идеализм-релятивизм» и не охватывает ключевые аспекты, лежащие в центре нашего исследования — индивидуальные этические представления о взаимосвязи добра и зла и сопряжённость с характерологическими чертами личности.

Другой значимый поворот в психологии морали связан с учётом эмоционально-интуитивных и культурных факторов. Колберг и Пиаже, как отмечают современные исследователи, представляли моральное развитие слишком «рационалистически», сосредоточившись на логике суждений о справедливости. Дж. Хайдт и коллеги предложили теорию моральных основ (Moral Foundations Theory) как мета-типологию ключевых ценностных измерений. Были выделены поначалу пять универсальных «оснований» морали: (1) забота/непричинение вреда, (2) справедливость/честность, (3) лояльность/преданность своей группе, (4) уважение к авторитету/дисциплина, (5) святость/чистота (Haidt, Graham, 2007; Graham, Haidt, Nosek, 2009). В противовес этому антропологи и культурные психологи показали, что ценности добра и зла многообразны и укоренены в культуре. Так, Дженсен на основе полевых исследований вывела, что разные культуры строят мораль вокруг трёх «этик»: этики автономии (фокус на индивидуальных правах и справедливости), этики сообщества (приоритет обязанностей перед семьёй, группой, уважения иерархии) и этики божественности (Jensen, 2011). Эти данные углубляют типологию этического сознания: помимо индивидуальных стадий развития, существуют

культурно-нормативные типы морали. Представители различных культур демонстрируют различный моральный менталитет. Стоит упомянуть и социально-когнитивные подходы. Например, теория «домена» (Killen, Smetana, 2006; Сметана, 2006) предлагает, что люди разграничивают моральный и конвенциональный домены: одни ситуации оценивают в терминах справедливости и вреда (универсальные моральные принципы), а другие – как условности или личный выбор. Здесь тоже можно увидеть своеобразные типы: индивиды разнятся по тому, насколько широко они распространяют моральные критерии (Turiel, 1983).

В российских психологических и философских работах проблематика этической типологии личности и нравственной регуляции поведения получила системное и многоуровневое освещение. Ещё в советский период была предпринята попытка специально проанализировать, какие типы нравственного сознания можно выделить. В диссертации Ф. И. Думитраша «Проблема этической типологии личности» (Думитраш, 1981) ставилась задача теоретически обосновать принципы классификации типов нравственной личности. Её появление свидетельствовало о назревшей потребности систематизировать знания о разных моральных ориентациях личности в контексте марксистско-ленинской этики и общей теории личности того времени.

Развитие этой тематики продолжилось в постсоветский период. Так, С. П. Парамонова в 1990-х годах предприняла социологическое изучение типов морального сознания. Ею были предложены и эмпирически проверены определённые типологии. В частности, Парамонова выделила несколько устойчивых социально-этических типов личности, различающихся по ценностной ориентации и стилю морального поведения, и занялась валидацией этих типов на выборках (Парамонова, 1999).

В современной российской психологии также изучаются компоненты и структуры морального (нравственного) сознания. Критерием сформированности этического мышления можно считать умение разрешать нравственные

противоречия (Левичев, 2010). По мере расширения предметного поля психологии нравственности стала назревать необходимость концептуализации более широкой категории — не только моральных установок, но и самих этических координат, в которых существует и развивается личность.

Переход к более целостному пониманию этих координат был связан с введением в научный оборот понятия «нравственная психология», которое предложил Б. С. Братусь в 1997 году, отметив: «нравственная психология, по-видимому, впервые постулируется в этой работе» (Братусь, 1997, с. 3). В русле активно развивающихся исследований в сфере психологии нравственности сформировалось новое направление - этическая психология (Попов, Голубева и др., 2008): предметом которой является сфера этических представлений, выполняющих функции нравственных отношений личности и ориентиров поведения, включая такие категории, как добро, зло, свобода, ответственность, долг, справедливость, совесть. Центральное место в этой относительно новой и чрезвычайно важной в наше время области психологической науки занимают категории добра и зла.

За тысячи лет истории человечества о сущности добра и зла написаны библиотеки. Проблема добра и зла, критериев добродетели и пороков, традиционно занимает первое место в перечне основных проблем философской дисциплины этики.

Подход к ее решению определяет постановку проблем смысла жизни и назначения человека, свободы воли, должного, и его совмещения с естественным желанием счастья. Вопрос о типологии личности, который ставится в этической психологии (Попов, Голубева и др., 2008), также предполагает поиск решения в свете данной проблемы. Исследования российских психологов и философов, посвящённые моральной регуляции поведения, охватывают широкий спектр тем: от анализа представлений о нравственном идеале и совести в российском менталитете до изучения духовных способностей, нравственного самоопределения молодёжи и экономического поведения. Они демонстрируют, что формирование личностной нравственности связано с

совестью, нравственным идеалом, духовным самопознанием и социально-экономическими факторами (Журавлев, Купрейченко, 2003; Воловикова, 2005; Гостев, Борисова, 2012; Купрейченко, Воробьева, 2013; Купрейченко, 2014). Дополняют эту линию работы, посвящённые нравственной детерминации экономического самоопределения, духовным способностям, субъективному опыту и духовной личности, а также междисциплинарные исследования проблемы сознания и зла, подчеркивающие необходимость синтеза этики и психологии для понимания диалектики добра и зла и развития духовно-нравственной сферы человека (Журавлев, 2019; Воловикова, Мустафина, 2016; Ожиганова, 2016; Арутюнова, Александров, 2019; Ожиганова, 2020). Особое внимание к этим вопросам проявилось и в международном научном дискурсе. Монография Мијусковича (Mijuskovic, 2023) о теориях сознания и проблеме зла сразу же вошла в поле академических обсуждений, что подтверждает рецензия Майкла Д. Бобо, опубликованная в 2024 году в журнале *Philosophy in Review* (Bobo, 2024).

Категории добра и зла являются предметом этической психологии, и в то же время по своей значимости выходят за пределы этой узко понимаемой области, особенно в той части, которая касается диалектики или борьбы добра и зла в человеке как момента, в существенной степени определяющего место личности в пространстве этических координат и нравственных ориентаций общества. И.С. Кон отмечал значимость в становлении личности, которое он отождествлял с выбором себя, формирования морального сознания, в основе которого наличие двух полярных эталонов, воплощающих в конкретной форме понятия добра и зла (Кон, 1984). Еще более определенно высказывается Б.С. Братусь: «Личность — это инструмент по различению добра и зла».

Непосредственная включенность проблемы «нравственных координат» в предметную сферу психологии не вызывает сомнения, что обусловливает актуальность разработки поля этической психологии (Попов, Голубева и др., 2008). Необходимость разработки в целом проблемы личности как

междисциплинарной совместно этикой и психологией, обосновывал Б.С. Братусь в своей монографии 1985г: «Если без привлечения данных конкретной психологии этика начинает рассматривать свои проблемы оторвано от личности, или внеличностно, то без учета этических разработок конкретные психологические исследования личности теряют свою гуманистическую мировоззренческую ориентацию, более того, свой конечный общечеловеческий смысл и назначение, ибо психология личности существует не ради самой себя, но в своем назначении и оправдании призвана служить духовному росту, развитию человека, осуществлению в нем идеалов добра, справедливости, честности, т. е. тех самых идеалов, разработке и осмыслению которых посвящают свои усилия философы-этики» (Братусь, 1985, с. 8). Рост исследований в русле этой дисциплины, на наш взгляд, настоятельно требует ее разработки как междисциплинарной, на пересечении этики и психологии (Апресян, 2019а, 2019б; 2019в; Прокофьев, 2021), что, по нашему мнению, будет способствовать взаимному обогащению двух дисциплин и придаст разработке проблем морали в современном меняющимся и мультикультурном мире необходимый импульс развития (Колхонен, Мироненко, 2025а; Колхонен, Мироненко, 2025б).

В этике и теологии имеет место следующая двойственная трактовка взаимосвязи категорий добра и зла:

а) добро и зло рассматриваются как автономные силы, ведущие извечную борьбу за право властвовать в мире. Подобная система взглядов в теологии называется дуализмом. Так, зло в христианстве принципиально исторично. Оно возникло не по воле Бога и имеет начало. Оно будет побеждено по воле Бога и будет иметь конец. Христианский догмат гласит о том, что конец времён грядёт, зло будет побеждено, а всеобщее воскресение из мёртвых будет сопряжено со страшным судом;

б) согласно догматам некоторых других религий, зло рассматривается не как относительно самостоятельная историческая сила, но как отсутствие добра,

негативная характеристика существования в нашем мире. Так рассматривает зло иудаизм. Эта же точка зрения характерна для многих христианских мыслителей-схоластов. Смысл истории в иудаизме не в конце времён, а в преобразовании «материального мира» по божественным законам, ради завершения которого иудеи ожидают Мессии (Машиаха).

Исходят из разных метафизических и аксиологических предпосылок, но неизменно возвращаются к одному и тому же ключевому вопросу: как соотносятся добро и зло — как две самостоятельные силы или как взаимосвязанные элементы единого процесса развития личности?

Именно это противопоставление становится основанием для предлагаемой нами типологизации. Как мы показали выше, независимо от того, какими конкретными образами наполняются понятия добра и зла (будь то свет и тьма, чистота и скверна, свобода и подчинение), личность в своем этической представлении склонна интерпретировать их взаимодействие в одной из двух форм:

1. **Первый тип представлений**, при котором добро и зло рассматриваются как антагонистические силы, где рост одного ведёт к уменьшению другого. Это представление в категориях «нулевой суммы»: больше добра — меньше зла, и наоборот.
2. **Диалектический тип представлений**, согласно которому добро и зло не могут существовать друг без друга, они суть две стороны одного процесса, и их взаимодействие — это не взаимное уничтожение, а напряжённое событие, способное порождать развитие и внутреннюю работу.

Следовательно, наша типология базируется не на содержательных (эмоционально или культурно окрашенных) представлениях о добрे и зле, и не на их форме и содержании, а на структурных способах их соотнесения в обыденном представлении личности. В этом смысле она продолжает и обобщает те линии анализа, которые были представлены в разделах 1.1 и 1.2. Мы полагаем, что

предложенное деление на типы представляет собой универсальную матрицу, через которую можно интерпретировать как философские и религиозные, так и индивидуально-психологические формы этического представления.

В следующем разделе мы перейдём к анализу психологических концепций, таких как экзистенциальная, гуманистическая и юнгианская психология, чтобы выявить, каким образом в них проявляются или скрыто представлены эти два типа этических представлений.

1.4 Взгляд юнгианской психологии на добро и зло

Карл Густав Юнг, один из основателей аналитической психологии, развивает представление о внутреннем конфликте добра и зла как об архетипической и энергетически заряженной структуре, пронизывающей человеческую психику (Jung, 1967; Jung, 1972; Jung, 2023). В его концепции противоположности — не дефекты или аномалии, а исходные условия существования личности. В этом контексте особое значение приобретает феномен Тени — совокупности вытесненных, отвергаемых и непринятых аспектов Я, которые, тем не менее, продолжают воздействовать на поведение и формировать структуру бессознательного (Bolea, 2016; Casement, 2003; Bolea, 2020). Так, уже в фундаментальных положениях аналитической психологии заложена идея о неустранимости конфликта между добром и злом как движущей силы психического развития.

Юнг подчёркивает, что конфликт между добром и злом, между сознательным и бессознательным, представляет собой не аномалию, а условие психического движения. Он пишет: «Конфликт между двумя измерениями сознания представляет собой просто выражение полярной структуры нашей психики, которая, как и любая другая энергетическая система, зависит от напряжения между противоположностями» (Юнг, 2019, с. 324). Эта энергетическая модель сознания, по Юнгу, близка к физическому пониманию движения — энергия рождается из напряжения и полярности, а не из гармонии.

Эта идея находит развитие в его дальнейших размышлениях о природе психической энергии.

В другом фрагменте Юнг уточняет: «На представлении о противоречивой картине мира основывается и моя идея о психической энергии, которая должна рождаться из взаимодействия противоположностей подобно энергии физического явления, предполагающей существование противоположений типа горячо – холодно, высоко – низко и т.д.» (Юнг, 2019, с. 65). Таким образом, психическое развитие — это, с одной стороны, движение к устраниению конфликта, но, с другой стороны, и на более глубоком уровне, который, по-видимому, является чисто человеческим, — это способность удерживать напряжение, позволяющее сознанию развиваться. Важно, что Юнг не ограничивается структурным описанием конфликта, но подчёркивает его аффективную природу. Он настаивает, что эмоциональная вовлечённость в конфликт — это ключ к переходу от бессознательного к сознательному (Jung, 1970; Hopwood, 2015).

Решающим условием развития он называет эмоциональный отклик на конфликт, который, подобно пламени, одновременно разрушает и освещает: «Раздувание конфликта — люцифера добродетель в истинном смысле этого слова. Конфликт порождает огонь, огонь аффектов и эмоции, и, как всякий другой огонь, обладает двумя аспектами: он сжигает и одновременно дарует свет... Ибо эмоции — это основной источник сознания. Без эмоций нет перехода от тьмы к свету или от инерции к движению» (Юнг, 2019, с. 119). В этом высказывании отражается философия развития не через устранение зла, но через его осознание и трансформацию.

При этом Юнг не отрицает рисков: «Переживания такого рода не лишены опасностей, ибо они, помимо всего прочего, представляют собой матрицу психозов» (Юнг, 2019, с. 421). Конфликт с Тенью, соприкосновение со злом внутри себя требует зрелости, иначе он может не только не привести к росту, но и вызвать распад личности. Поэтому путь индивидуации, по Юнгу, предполагает не

экспансию света, но внутреннюю работу по интеграции тьмы. Ещё в самом начале своего труда Юнг предостерегает от наивной морали, которая стремится абсолютизировать добро, забывая, что всё возвышенное рождается из контраста: «Ужас от фрейдовского толкования возникает у нас исключительно из-за нашей варварской или детской наивности, которая ещё не знает того, что верх всегда предполагает низ и что "les extremes se touchent" — абсолютная истина. Неверно, однако, было бы считать, что светлого, поскольку оно объясняется теневой стороной, отныне не существует... Без света нет тени, без доброго нет злого, и наоборот (Юнг, 2019, с. 21). Юнг завершает эту мысль метафорой подвижности души: «Не будь этой переливчатой подвижности души, человек сгинул бы, предавшись своей величайшей страсти — лености» (Юнг, 2019, с. 35). Эта формулировка чрезвычайно перекликается с тем образом, который предлагает Иоганн Вольфганг Гёте в прологе к трагедии «Фауст». Там Бог, обращаясь к Мефистофелю, говорит: «Из духов отрицанья ты всех мене бывал мне в тягость, плут и весельча... Из лени человек впадает в спячку. Ступай, расшевели его застой, вертись пред ним, томи и беспокой, и раздражай его своей горячкой» (Гете, 2017, 23).

Таким образом, идея Юнга о лености как истинном пороке получает дополнительную культурную глубину в диалоге с поэтической традицией. Гёте, как и Юнг, считал движение, борьбу и внутренний конфликт неотъемлемыми составляющими как духовного пути, так и этического становления (Bishop, 1999; Jung, 2020). Конфликт с Тенью у Юнга аналогичен тревожающему присутствию Мефистофеля у Гёте — это не зло как абсолют, а противостоящая сила, подталкивающая человека к росту, сознанию, активности (Luschei, 2009; Ungar-Sargon, 2025). Зло у обоих мыслителей является движущей силой (Bishop, 2011). Жизнь как динамика, сознание как игра света и тени, развитие как диалектика противоположностей — такова суть юнгианской концепции конфликта добра и зла (Smythe, 2013; Watson, 2023). Эти размышления находят отклик не только у юнгианской психотерапии, но как мы ранее увидели и в

философской традиции, а также как мы далее покажем и в ряде гуманистических подходов, например, в работах Э. Фромма. К этой линии мы ещё вернёмся в следующем разделе.

Уже в прологе к «Фаусту» Гёте устами Бога Мефистофею отводится роль силы, которая, олицетворяет зло, однако это зло приводит в движение человека, возбуждая его к активности и преодолению. Это неразрешимое внутреннее напряжение, эта «горячка» противостояния, становится, по сути, инструментом становления (Гёте, 1808). И в finale трагедии Фауст утверждает: «Лишь тот, кем бой за жизнь изведен, жизнь и свободу заслужил». Здесь заключён мощнейший диалектический тезис: именно зло, препятствие и страдание оказываются той материей, в процессе преодоления которой человек становится собой. Таким образом, перед нами один из ярчайших примеров диалектического типа этических представлений по взаимосвязи добра и зла — представлений, в которых зло не отрицается, но включается в структуру развития как вызов, необходимый для становления личности и её внутренней работы. Эта модель крайне ценна для этической психологии, поскольку позволяет не только диагностировать моральные кризисы личности, но и сопровождать её на путях интеграции, используя само зло как источник добродетели, а в рамках психотерапии подобная позиция может служить опорой и поддержкой, придавая «злу» (форме, которая наполняется конкретным содержанием) статус ресурса и «дара», и тем самым способствуя его использованию, открывая пространство для внутренней работы и осознанного становления взамен самоуничижения, которое предлагают редукционистские моральные схемы.

Другим наиболее ярким представителем юнгианской психологии является Джеймс Холлис. В книге *«Почему хорошие люди совершают плохие поступки. Понимание темных сторон нашей души»* он обращается к культурному парадоксу XX века: «Как могло получиться так, что культура, которая дала миру Гёте и Бетховена, произвела на свет таких свиней, как Геббельс и Гиммлер? Как могла возвышенная культура, породившая Фауста, стать сценой такого скатывания к

мрачной деградации человеческого духа?» (Холлис, 2017, с. 171–172). Холлис ставит вопрос о трагическом разрыве между индивидуальной и культурной Тенью — архетипическим началом, которое невозможно устраниТЬ без утраты подлинной субъективности. Его анализ указывает на иллюзорность прогрессистских ожиданий: наука, искусство и моральные системы сами по себе не делают человека этически зрелым. «Наши почтенные институты не служат нам защитой от себя и от тысяч маленьких сделок с нашими ценностями. Ведь какое разочарование узнать, что наши великие религии не спасает нас от самих себя! Наши достижения в науке, искусстве и гуманитарной сфере, не делают нас особенными. Наш "прогресс" не придет нам на выручку. Как напоминает Джордж Стейнер, в испытательной лаборатории модернизма мы провалили опыт: "Мы знаем, что некоторых, кто придумал Аушвиц и руководил им, в свое время учили читать Шекспира и Гете, и они продолжали читать их и дальше» (Холлис, 2017, с. 201) Ключевая метафора Холлиса — Фауст как носитель света и Тени (так же как и у Юнга) — позволяет глубже осмыслить внутреннее напряжение моральной субъектности: «И всё же Фауст не чужд благородства в своих устремлениях. Он желает познать всё, он чаруется соблазнения ведьм и соблазнов власти. Он также и лучший среди нас, наш комплекс героя. Он с теми, кто разглядывает загадки квантовой физики, генома человека, субатомной Вселенной, стремится расширить творческие горизонты искусства и окончательно победить бедность но, сам того не ведая, уничтожив насекомое-вредителя, он загрязняет окружающую среду, открывая век реактивной авиации, распространяет СПИД во все регионы мира, расщепляя атом, несёт ядерный кошмар слепым людям Хиросимы, Нагасаки и Чернобыля и по воздуху, через все границы, рассеивает стронций, навсегда оседающий в костном мозге. Там, где свет, всегда есть и Тень. Фауст – лучшее, самое представительное наше Я. Он героический, бессознательный, благонамеренный и опасный. Он – воплощение света, устремления, успеха, героического вызова ограниченности, и он же – источник столь многих наших страданий. Как и его брат Гамлет, нерешительный и раздиаемый внутренними сомнениями, Фауст, хотя и не знает сомнений и преисполнен желания,

оказывается предвестником того мира, в котором мы сейчас обитаем, со всем, что в нём есть благого и тлетворного. Никогда в своей истории человечество не имело стольких возможностей и никогда не знало так много невротического несчастья. Никогда прежде не было столько света – и не было никогда такой Тени» (Холлис, 2017, с. 203). Этот образ иллюстрирует неразрывность противоположностей: зло не исчезает при достижении света, а растёт в его тени. Или, как говорит сам Холлис: «Где ярче свет, там и Тень длиннее всего» (Холлис, 2017, с. 176).

Созвучную мысль развивает и Кларисса Эстес в работе *«Бегущая с волками: женские архетипы в мифах и сказаниях»*. Она утверждает, что истинная ценность возникает не вопреки разрушению, а через него. Столкновение со смертью, страданием и тьмой является источником пробуждения: «Поэты понимают: не будь смерти, было бы ничего ценить. Не будь смерти, не было бы уроков, не было бы тьмы, в которой сверкают алмазы» (Эстес, 2020, с. 121). В этом высказывании зафиксирована глубокая структура юнгианской мысли: тьма необходима не для подавления, а для осмысления. Отрицание зла приводит не к его исчезновению, а к его вытеснению и деформации. Только тот, кто способен вынести тень, достоин света — и наоборот. Эта идея получает развитие в аналитических работах, где подчёркивается: движение к целостности невозможно без признания разрушения как необходимого этапа становления (Estes, 1995; Popławska, 2018; Mirskaya, Pigulevskiy, 2021). Так, в исследованиях телесно-экзистенциальной символики вода, тьма и боль выступают не как препятствия, а как медиаторы глубинного пробуждения и моральной трансформации (Farr, 2024; Deatherage, 2022). Юнгианская парадигма утверждает: чем глубже человек стремится к свету — смыслу, доброму, творчеству — тем больше он должен быть готов встретиться с тенью — страхом, разрушением, бессознательным. Только в этой напряжённой диалектике возможно становление зрелой диалектической этической позиции, как мы это назовём далее. Холлис прямо указывает: «Где ярче свет, там и Тень длиннее всего» (Холлис, 2017, с. 176), соединяя представление о духовном подъёме с неизбежной констатацией глубинного внутреннего конфликта.

Подобный подход к тени продолжает юнгианский аналитик Эдвард Эдингер, подчёркивая, что противоположности добра и зла — непременное условие психической жизни (Edinger, 1985). Это должно переживать себя «скорее хорошим, чем плохим», иначе оно не выживет; отсюда возникает тень (Edinger, 1992; Edinger, 1994). Схожие акценты мы находим и у Марии-Луизы фон Франц, исследовавшей природу зла в сказках. Она подчёркивала, что творческий импульс исходит из неосознанных слоев; тень включает как благотворные, так и разрушительные качества (Von Franz, 1995). Она предупреждала об «архетипическом зле», когда человека уносит односторонность, и указывала на существование «секретной внутренней нормы» — каждый может выдержать определённое количество тени, и видеть слишком много или слишком мало одинаково опасно (Von Franz, 1995). Современные популяризаторы, подытоживая её книгу *Shadow and Evil in Fairy Tales*, отмечают, что тень имеет и личное, и коллективное измерения; цивилизации, как и индивиды, имеют свои тени, которые, не будучи признанными, проецируются на «чужих» (Sladojević Matić, 2020; Kechan, Ismail, 2022). Зло рассматривается как природная сила; на примитивном уровне это не этический вопрос, а разрушительное явление, подобное лавине, которое необходимо либо преодолеть, либо избежать.

Эта мысль о коллективной тени приобретает особую остроту в работах американского пост-юнгианца Джеймса Хиллмана. В книге *A Terrible Love of War* он показывает, что война — не просто социальное или политическое явление, а архетипическая сила, вписанная в структуру человеческой души. Она неотделима от идеи дуэли добра и зла: требует врага, которого нужно обесчеловечить, и тем самым усиливает проекцию тени, укоренённую в бессознательном (Hillman, 2004). Вместо того чтобы искоренять зло вовне, Хиллман предлагает диалектический разворот — осознать, что именно вытесненное зло, не признанное в себе, становится движущей силой разрушения. Как подчёркивает Брайен, он считал, что «война управляет коллективной силой», а потому «настоящий враг находится внутри нас самих» (Bryen, 2016). Уайли добавляет,

что, по мысли Хиллмана, «вера — это короткий фитиль, который зажигает архетипическую энергию войны», и лишь признание своей тени может остановить проекцию и разрушение (Wylie, 2020). Схожую позицию занимает С. Свехла, утверждая, что культура войны основана на отказе интегрировать внутренние конфликты, и потому нуждается в образе «врага» как отражении собственной вытесненной тьмы (Svehla, 2022). Иначе говоря, культура, не вступающая в диалог со злом, обречена на его бессознательное повторение.

Эту же мысль, но в контексте индивидуальной и групповой психотерапии развивает юнгианский психотерапевт Эдвард Тик в книге *Возвращение воина: восстановление души после войны* (Tick, 2014; Тик, 2024). В отличие от подходов, стремящихся «затереть» травму, Тик подчёркивает глубину экзистенциального сдвига, происходящего в человеке под воздействием войны: «Мы не признаём, что вызванная жестокой травмой военного времени трансформация характера всеобъемлюща, глубока, и её нельзя просто откатить назад... Воин же, однако, – это уже другая и уникальная идентичность» (Тик, 2024, с. 29). Через многочисленные свидетельства ветеранов он показывает, что путь к исцелению возможен лишь при честной и смелой встрече с демоническим (Nicolae, 2016) в себе: «Я отказался от нескольких психотерапевтов, так как знал, что они не смогут справиться с теми желаниями, что пылали у меня внутри, с моим зверем, с моим берсерком, с демоном в моей тени, который является частью меня» (там же, с. 36). Это осознание не только личное, но и архетипически универсальное. Ветеран Грег Уокер, прошедший службу в спецназе, утверждает: «Путь воина заканчивается тогда, когда он становится целителем»; Тик приводит эти слова в одном ряду с наставлениями Будды и Платона: «Будда наставляет: “Святой человек превращает проклятия судьбы в благословения”. Платон учит: “Даже богу войны не сравниться с Любовью”» (там же, с. 402). Эти слова формируют мощную символическую формулу: движение от зла к добру, от разрушения к исцелению, возможно лишь при условии глубокого проживания и интеграции тени.

Калшед, развивая юнгианский подход, показывает, что внутренний "защитник", возникающий в ответ на травму, далеко не всегда остаётся благожелательной фигурой. Напротив, именно внутренний мир может стать источником террора, когда механизмы защиты утрачивают гибкость и превращаются в жесткие архетипические структуры. Он отмечает: «Внутренний мир, призванный быть убежищем, становится тюрьмой» (Калшед, 2015, с. 15). Особое внимание Калшед уделяет так называемой "даймонической фигуре" — архетипическому образу, в котором защита и преследование сливаются: «Эпитет "демонический" встречается при описании злобного, преследующего аспекта прогрессировавшей части Эго. Для нас очевидно, что метафора "даймонического" как нельзя лучше передаёт идею архетипической двойственности защит второго эшелона» (Калшед, 2015, с. 15).

«Функцией этой фигуры, видимо, является разделение внутреннего мира. Юнг в этом случае использовал слово "диссоциация", и наш даймон выступает как персонаификация диссоциативных защит психики в тех случаях, когда ранняя психическая травма сделала интеграцию психики невозможной» (Калшед, 2015, с. 31). Зло не столько внешнее, сколько внутренне системное: оно порождается самой попыткой сохранить себя от боли, но ценой утраты подлинной субъектности. Калшед подчёркивает, что в терапии с травматическим пациентом важно не разрушать защиту, но и не идентифицироваться с ней. «Часто в этом процессе нам приходится преодолевать свои собственные демонические импульсы... сохраняя, однако, при этом способность поддерживать "раппорт" с болью, травмированной психе и подлинными нуждами пациента. «Необходимо найти баланс между конфронтацией и сочувствием для того, чтобы вывести травмированное Эго пациента из его убежища и помочь ему вновь обрести доверие к миру. Поиск этого «срединного пути» представляет собой очень серьезную проблему, и если он найден, то в психотерапевтической работе с пациентами, перенесшими психическую травму, раскрываются колоссальные возможности» (Калшед, 2015, с. 86–87). Этот поиск «срединного пути» — между

разрушительной конфронтацией и опасной эмпатической слиянием — можно рассматривать как экзистенциальный аналог этического баланса между добром и злом, между защитой и ростом.

Итак, юнгианская парадигма утверждает: чем глубже человек стремится к свету — смыслу, добру, творчеству — тем больше он должен быть готов встретиться с тенью — страхом, разрушением, бессознательным. Только удерживая напряжённую диалектику противоположностей (Колхонен, Компаниец, 2022) и принимая на себя ответственность за тёмные импульсы, возможно становление зрелой этической позиции. Лишь признание собственной тени позволяет освободиться от проекций, не повторить ужасы прошлого и создать культуру, которая принимает многообразие добра и зла.

1.5. Экзистенциально-гуманистический взгляд на природу зла и страдания

Данный раздел стоит начать со слов Абрахама Маслоу, который писал: «Я многие годы пытаюсь разгадать эту психологическую загадку. Почему люди жестоки и почему добры? В поведении большинства можно найти зло. Следующую свою задачу я вижу в изучении зла, его понимании (Маслоу, 2018, с. 371). В своей более поздней работе он прямо писал: «Я считаю, что прежде чем мы сможем создать мир добра, мы должны решить еще одну задачу – разработать гуманистическую и трансличностную психологию зла, написанную на основании сострадания и любви к человеческой природе, а не отвращения к ней или же чувства безнадежности» (Маслоу, 2022, с. 9). Через несколько страниц, он продолжает: «Это первая попытка объединить *психологию роста и развития* с психопатологией и психоаналитической динамикой, динамический подход с холистическим, становление с бытием, добро со злом, положительное с отрицательным» (Маслоу, 2022, с. 14). Такой подход к объединению, характерный для гуманистической психологии, отражает стремление уйти от логики

разделения и противопоставления. В этом смысле язык гуманистической психологии становится проводником её главной ценности — принятие многообразия человеческого опыта, всего человеческого в человеке. Вот как в одной из своих работ он описывает это: «Здоровая личность не только экспрессивна... Она должна быть в состоянии забыть о контроле, торможение, защите, когда она полагает, что это следует сделать. Но ровным образом она должна быть способна контролировать себя, откладывать то, что приносит наслаждение, быть вежливой, не причинять боли, держать язык за зубами и управлять своими импульсами. Она должна уметь быть Аполлоном и Дионисом, стоиком или эпикурейцем, вести себя экспрессивно или прибегать к копинг-поведению, контролировать себя и вести себя непринужденно, быть откровенной и скрытной, получать удовольствие и отказываться от него, думать о будущем и о настоящем. Здоровые или самоактуализирующиеся люди весьма разносторонни; они утратили куда меньше способностей, чем средний человек. У них в запасе больший арсенал реакций и поступков, включающих всё, на что способен человек; таким образом, они обладают всеми человеческими возможностями» (Маслоу, 2018, с. 141). В текстах гуманистов — и особенно у Маслоу — союз «и» приобретает семантическую нагруженность: он выражает не просто грамматическую связь, а принятие целостности человеческой природы, соединение противоречивых сторон личности, синтез «высшего» и «низшего», «доброго» и «тёмного».

Современные исследователи продолжают линию Маслоу, подчёркивая, что психическое здоровье не сводится к устраниению «негативного». Как отмечают В. Кафтанский и Дж. Хэнсон, господствующие концепции благополучия часто игнорируют страдание, хотя именно негативные переживания и способность придавать им смысл делают жизнь подлинной и глубокой (Kaftanski, Hanson, 2022; Kaftanski, Hanson, 2023). В современной гуманистической и экзистенциальной психологии всё больше признаётся, что страдание и негативные эмоции являются неизбежной частью жизни, которую необходимо

принимать и преобразовывать, тогда как позитивные переживания должны не вытеснять, а дополнять этот опыт (Dindo, Van Liew, Arch, 2017; Rajkumar, 2021; Israelashvili, 2021; Carreno и др., 2021). В рамках «второй волны» позитивной психологии подчёркивается польза осознанного принятия своих чувств и мыслей, критика «токсичной позитивности» и ценность само-трансценденции для превращения страданий в источник роста и мудрости (Ford и др., 2017; Cherry, 2024; Wong и др., 2023; Wong и др., 2021). Как мы ранее писали, что добро и зло могут выражать формы, наполненные различным содержанием, так и здесь мы можем предположить, что страдание выражает полюс зла. Однако эта мысль не новая, еще Абрахам Маслоу прямо писал: «Если страдания и печаль иногда необходимы для развития личности, то мы должны научиться не вступать с ними в борьбу...» (Маслоу, 2002). Отказ от переживания негативного, попытка выстроить только светлую, гармоничную идентичность, по Маслоу, приводит не к зрелости, а к избалованности, к утрате внутренней автономии. В этом смысле психическое здоровье определяется не отсутствием зла или страдания, но способностью их переживать, перерабатывать, превращать в опыт.

Художественная и философская мысль также неоднократно указывали на опасность вытеснения зла. У Олдоса Хаксли в «О дивном новом мире» звучит культовая сцена, где главный герой, Дикарь, требует права быть несчастным приводим здесь ее отрывок:

«Вот-вот, устранили, – кивнул насуплено Дикарь. Это в вашем духе. Всё неприятное вы устраняете – вместо того чтобы научиться стойко его переносить...

- Мы предпочитаем жизнь с удобствами – сказал Главноуправитель.
- Не хочу я удобств. Я хочу Бога, поэзию, настоящую опасность, хочу свободу, и добро, и грех.
- Иначе говоря, вы требуете права быть несчастным, – сказал Мустафа.
- Пусть так, – с вызовом ответил Дикарь. – Да, я требую.
- Прибавьте уж к этому – право на старость, уродство, бессилие; право на

сифилис и рак; право на недоедание; право на вшивость и тиф; право жить в вечном страхе перед завтрашним днём; право мучиться всевозможными лютыми болями.

Длинная пауза.

– Да, это всё мои права, и я их требую!» (Хаксли, 2016, с. 326).

Его полемика с технократическим миром, устраниющим всё страдание ради комфорта, возвращает нас к глубинному экзистенциальному выбору: утрата зла как категории — это утрата возможности быть человеком. Эта мысль, выраженная Хаксли, предвосхитила то, что позже сформулировал Ж. Бодрийяр, а также то, что мы описали выше. Главноуправитель уничтожает страдания — он делает систему стерильной; Дикарь же требует другой жизни — той, в которой есть несчастья, но есть и Шекспир.

Экзистенциальный психоанализ И. Ялома, в свою очередь, обращает внимание на то, что поиск смысла невозможно отделить от нравственного выбора. Как терапевт, Ялом подчёркивает: «Если хочешь найти Добро, внимательно изучи Зло» (Ялом, 2017, с. 30). Конфликт добра и зла здесь выступает не как случайная патология, а как структура внутреннего роста, требующего принятия ответственности за свои противоречивые импульсы. Экзистенциально-гуманистические психотерапевты подчёркивают, что личностный рост невозможен без признания и интеграции своей «тёмной стороны» — потенциально злых, деструктивных импульсов, являющихся частью человеческой природы (May, 1982; Diamond, 1996; Hoffman et al., 2011; Филатова, Костромина, 2024). Принятие в себе способности к злу и ответственное отношение к своим противоречивым порывам рассматриваются как важное условие обретения внутренней целостности и мудрости; напротив, игнорирование «тёмного начала» порождает нравственную поверхность, которая лишь усиливает риск «банальности зла» (Фромм, 2016; Frankl, 1969; Schneider, 2013). Ролло Мэй ссылаясь на Гераклита пишет: «Гераклит говорил о том, что люди "не понимают, как не связанные между собой вещи оказываются согласованными: гармония

возникает в борьбе противоположностей"» (Мэй, 2017, с. 84). Это утверждение приобретает особую значимость, если мы рассматриваем личность как систему, включающую в себя не только моральную активность, но и потенциал деструкции, агрессии, страдания и сопротивления. Человеческое «я» конституировано не гомогенностью, а напряжённым соотнесением созидательных и разрушительных импульсов, и именно в этом напряжении проявляется его способность к выбору, ответственности и становлению. Так же Мэй отмечал: «Хорошие люди, как мы уже отмечали, способны совершать зло, что, позволяя сохранить баланс с их добродетелями... Добро и зло следует понимать как чувствительность человека к последствиям своих действий и мыслей, как в отношении самого себя, так и общества, в котором он живёт. Святые – это праведные люди, благодаря невероятно развитой у них чувствительности к хорошему и плохому... Человек, более чуткий к хорошим поступкам, в то же самое время способен на большее зло... Чем выше мы способны подняться, тем ниже мы можем упасть» (Мэй, 2017, с. 149). Именно в признании собственной тени, в открытом диалоге с неосознанным, обнаруживается путь к более зрелому Я.

Дополняя эту линию рассуждений Ролло Мэй, пишет: «Любому созидальному акту предшествует акт разрушения» (Мэй, 2017, с. 92). Это утверждение, в свою очередь, находит философскую перекличку с гераклитовским парадоксом, согласно которому гармония возникает в борьбе противоположностей. Внутри человека не просто сосуществуют добро и зло — они образуют динамическую систему напряжения, являющуюся источником психической энергии и смысла.

Эрих Фромм подчёркивал, что «страсти, движущие человеком, не являются инстинктами в узком смысле слова, но теми жизненными силами, которые превращают его из малого существа в героя, стремящегося к целостности» (Фромм, 2016, с. 31). Фромм представляет человека как существо, в котором конфликт конструктивных и деструктивных начал является не патологией, а структурной основой развития. Его концепция противостоит как редукционистскому психоанализу, сводящему поведение к травмам детства, так и

наивному гуманизму, исключающему реальность внутренней борьбы. Фромм подчёркивает, что человеческие страсти нельзя свести к инстинктам, потому что они выходят за пределы биологического и представляют собой энергетическое ядро личности, формирующее её целостность и экзистенциальную направленность. Он пишет: «Именно эти не обусловленные инстинктами, страсти волнуют человека, зажигают его, делают жизнь полноценной... Человеческие страсти превращают человека из маленького, незаметного существа в героя, в существо, которое вопреки всем препятствиям пытается придать смысл собственной жизни. Он хочет быть творцом самого себя, хочет превратить своё неполноценное бытие в полноценное, осмыщенное и целеустремлённое, позволяющее ему в максимальной мере достигнуть целостности своей личности. Человеческие страсти — это отнюдь не психологические комплексы, которые можно объяснить путём обращения к событиям и впечатлениям раннего детства. Их можно понять, только разорвав узкие рамки редукционистской психологии и изучая их в живой реальности, т.е. подвергнув анализу попытку человеку придать смысл своей жизни; пережить самые острые, самые мощные потрясения бытия, которые только могут иметь место при данных условиях» (Фромм, 2016, с. 31). Страсть — и как потенциал, и как угроза — задаёт условия внутренней напряжённости, в которой рождается моральная субъективность. Зло не может быть удалено из этой структуры, так как оно есть обратная сторона стремления к добру: одна и та же энергия, принявшая разное направление.

Фромм прямо оспаривает антропологический пессимизм, согласно которому человек «от природы зол». Он подчёркивает, что зло не может быть признано изначальной сутью человека, равно как и добро: «Короче говоря, утверждение, что "человек от природы зол" ни на йоту нельзя считать более истинным, чем утверждение, что "человек от природы добр". Но всё же первое сказать гораздо легче; и, если кто-то пожелает доказать "дурное начало человека", он всегда найдёт благодарных и поддакивающих слушателей, ведь он каждому из них создаёт алиби — отпущение грехов — и ничем не рискует» (Фромм, 2016, с. 567). Здесь Фромм показывает, что вера в «искованную испорченность» служит

скорее социальным механизмом самооправдания, чем научным утверждением. Она снимает с индивида ответственность за собственный моральный выбор. Напротив, подлинное становление требует признания обеих сторон природы — и светлой, и тёмной — без оправданий и моралистических абсолютизаций. Этот же мотив звучит в поздних работах Фромма, где он связывает поиск истины с разрушением иллюзий, что также несёт в себе внутреннюю драму. Он пишет: «Поиск истинной сущности — это в тоже время отказ от иллюзий. Будда, Моисей, греческие философы, новая наука, философы Просвещения, великие художники, физики, биологи, химики, Маркс и Фрейд — всех их объединяло страстное желание прорваться сквозь "майя" — обманчивую завесу чувств и "здравого смысла" — и достигнуть восприятия истинной сущности человеческого и природного, духовного и материального. У них было разное поле деятельности, методы тоже отличались, но их побуждения и цели, несомненно, были одними и теми же. Всем, чего достиг человеческий род духовно и материально, он обязан разрушителем иллюзий, ищущим подлинной действительности» (Фромм, 2017, с. 197). Внутренняя борьба между иллюзией и подлинностью, между страхом и осмыслением зла — это неизбежный процесс индивидуального роста. Само стремление к добру предполагает прохождение через зону теневых смыслов, иначе оно остаётся поверхностным.

В контексте социальной и психологической устойчивости, Фромм подчёркивает: зрелость не означает безопасность, а означает способность выдерживать её отсутствие. Он утверждает: «Подобно тому, как впечатлительный, остро чувствующий человек не может избежать чувства грусти, он не может избежать и чувства неуверенности. Задача, которую может и должен поставить человек перед своей психикой, состоит не в том, чтобы почувствовать себя в безопасности, а в том, чтобы уметь переносить отсутствие безопасности без паники и чрезмерного страха» (Фромм, 2016а, с. 216). И, наконец, переходя от уровня личности к культуре в целом (Фромм, 2016б), он подчёркивает невозможность духовного здоровья без интеграции разных уровней —

психического, социального и символического: «Социо-экономическое, духовное и психологическое объяснение рассматривают один и тот же феномен с разных точек зрения, а задача теоретического анализа заключается в том, чтобы понять, как взаимосвязаны эти различные аспекты и как они взаимодействуют... Духовное здоровье общества может быть достигнуто лишь путём одновременных изменений в промышленной и политической организации, в духовной и философской ориентации, в структуре характера и в культурной деятельности. Если сосредоточить наши усилия на какой-либо одной сфере и проигнорировать или исключить другие, это чревато разрушительными последствиями для изменения в целом» (Фромм, 2016а, с. 296 -297).

Понимание зла в рамках гуманистической и экзистенциальной парадигмы требует выхода за пределы дихотомий. Здесь зло не столько устраниется, сколько осмысливается как часть личной и культурной динамики. Нравственный выбор, внутренняя борьба, принятие страдания и открытость к его смыслу становятся не отклонениями от нормы, а движущими силами становления зрелой и ответственной личности. Этот подход предполагает не бегство от внутренней тени, а стремление к её интеграции как источника свободы, целостности и подлинности.

1.6. Диалектика деструктивного и созидающего в психоанализе

Психоанализ не оперирует категориями «добра» и «зла» в привычном нравственно-философском или религиозном смысле. Вместо этого он описывает внутреннюю динамику человека через напряжение между противоположными аффективными полюсами — любовью и агрессией, стремлением к близости и страхом поглощения, импульсами разрушения и созидания. В рамках настоящего исследования мы рассматриваем эти психодинамические антагонизмы как потенциальные содержательные выражения тех форм, которые в этической плоскости обозначаются как «добро» и «зло». Такое сопоставление позволяет интерпретировать классические психоаналитические концепции в терминах

этических представлений. Психоаналитические концепции подкрепляют этот философский тезис эмпирически и клинически. Так, Э. Берн подчёркивает: «Стремление к созиданию и к уничтожению, кульминацией которых является половое сношение и убийство, — это и есть тот первичный материал, с которым приходится работать человеку и цивилизации... Психическое развитие человека зависит от его способности направить эти внутренние силы к наиболее продуктивным целям» (Берн, 2015, с. 72). Здесь ключевым становится не устранение зла, но его переработка, интеграция в этическое поле сознания. Энергия деструкции может быть трансформирована в силу созидания, но только при условии осознавания этой деструктивной составляющей как неотъемлемой части личности. Эта интеграция требует от человека не столько следования внешним моральным нормам, сколько способности к внутреннему наблюдению, рефлексии и принятию собственной Тени. В этом контексте особую значимость приобретают идеи современной психоаналитической школы, включая исследования Йоманс и Мак-Вильямс.

Исследование этических позиций личности в контексте добра и зла требует внимательного анализа тех клинических форм психической организации, в которых противоположности моральных, эмоциональных и идентичностных содержаний предстают в своём наиболее обнажённом, конфликтном и парадоксальном виде. Особое значение в этом контексте приобретает феномен пограничной структуры личности — психодинамическое образование, расположенное между невротическим и психотическим уровнями функционирования, характеризующееся нестабильностью идентичности, интенсивной эмоциональной реактивностью и расщеплением аффективных и когнитивных репрезентаций.

В своей работе Нэнси Мак-Вильямс отмечает, что “они были слишком вменяемыми, чтобы называться сумасшедшими, и слишком сумасшедшими, чтобы считаться вменяемыми” (Мак-Вильямс, 2015, с. 86). Эта формулировка парадоксальным образом обнажает саму суть пограничного существования: это

состояние постоянного внутреннего разлома, в котором личность одновременно удерживается в пределах реальности и стремительно утрачивает её устойчивые координаты. Пограничная организация функционирования, по мнению Мак-Вильямс, представляет собой “стабильную нестабильность” (там же, с. 87), находящуюся на границе между невротическим контролем и психотическим распадом, что делает её уникальной зоной наблюдения для диалектики внутренних противоречий — в том числе между добром и злом как фундаментальными координатами морального опыта.

Психодинамическая модель описывает пограничную личность как застрявшую в диадическом конфликте — между стремлением к полной связанности и страхом утраты идентичности, и одновременно — между тягой к изоляции и паническим страхом покинутости (там же, с. 88). Эта дилемма становится источником постоянного внутреннего напряжения, в котором «близость» переживается как угроза слияния, а «дистанция» — как уничтожающее одиночество. Таким образом, мы имеем дело с психической конфигурацией, в которой деструктивное и конструктивное, привязанность и агрессия, добро и зло не интегрированы, а существуют в форме остро противоположных полюсов, не поддающихся синтезу.

Мак-Вильямс подчёркивает, что “пограничная психология — это не единая сущность... она детерминирована множеством факторов” (там же, с. 89), а её диагностическая верификация возможна, в частности, с помощью Структурного интервью Кернберга (Kernberg, 1984) и более поздних модификаций (Stern et al., 2004), которые позволяют выявить фундаментальные механизмы организации личности (там же, с. 90).

Центральным из этих механизмов является неспособность к интеграции противоположных аффективных состояний. Пограничные пациенты склонны к быстрой и неконтролируемой аффективной эскалации, где вместо “стыда, зависти, печали или других более тонких эмоций” возникает ярость (там же, с. 103). Их эмоциональные реакции изначально окрашены в крайние тона — гнев

или идеализацию, презрение или восхищение, добро или зло. Ограничность доступа к наблюдающему Эго (observing ego) делает невозможным для таких пациентов осознанное регулирование своих реакций. “Пациент не имеет доступа к наблюдающему Эго, особенно когда он расстроен” (там же, с. 105), что также лишает его способности к рефлексии над этическими последствиями своих действий.

В клинической картине доминирует специфическая дилемма: «Пограничные пациенты как будто стоят перед дилеммой: когда они чувствуют близость к другому человеку, они паникуют, так как боятся поглощения и тотального контроля; когда они одни, они чувствуют себя травматически покинутыми. Этот центральный конфликт их эмоциональных переживаний выливается в то, что они мечутся в отношениях, включая и терапевтические, когда ни близость, ни дистанция не приносит спокойствия» (там же, с. 106). Этот парадоксальный паттерн поведения, по Мастерсону, восходит к подфазе воссоединения в процессе сепарации-индивидуации, когда ребёнок испытывает потребность одновременно в автономии и в подтверждении стабильного присутствия объекта (Mahler, 1972b; Masterson, 1976). Невозможность разрешить эту дилемму порождает в дальнейшем отношения, в которых объект либо идеализируется как воплощение добра, либо обесценивается как источник зла. Пограничный клиент, таким образом, живёт в мире, в котором «терапевт воспринимается либо как воплощение добра, либо как воплощение зла» (Мак-Вильямс, 2015, с. 106), а любые промежуточные состояния оказываются недоступными для восприятия.

В этой связи особую значимость приобретает защитный механизм проективной идентификации. Как пишет Мак-Вильямс, “пациент пытается избавиться от чувства «плохого себя» ... но перенос образа и эмоции не происходит «чисто» ... они продолжают чувствовать то, что проецируют” (там же, с. 135). Это объясняет, почему даже идеализируя объект, пограничная личность продолжает переживать спроектированные чувства как свои

собственные. Таким образом, добро и зло, перенесённые вовне, остаются частью внутреннего мира, не будучи ни отделены, ни интегрированы — они существуют в виде неразрешённого дуализма, усиливающего внутренний конфликт.

Именно эту структуру ярко раскрывает концепция расщепления как базового защитного механизма. В модели трансферно-фокусированной психотерапии (ТФП), разработанной на основе теории объектных отношений, задача заключается в интеграции идеализированных и преследующих аспектов, преодолении расщепления (Йоманс и др., 2018, с. 9). Расщепление, по Кернбергу, функционирует как механизм сохранения идеализированных сегментов Я и объекта от разрушения, исходящего от ненависти к депривирующему плохим объектам (там же, с. 12). «Примитивные защиты организованы вокруг расщепления, радикального разделения хороших и плохих аффектов, хороших и плохих объектов. Эти защитные механизмы пытаются уберечь идеализированный сегмент психики человека, внутреннего мира, от агрессивного сегмента. Такое разделение обеспечивает определенное ощущение порядка (в т. ч. отделение добра от зла, а также себя от другого), но поддерживается за счет отсутствия интеграции образов в психике» (там же, с. 21). Однако этот порядок оказывается иллюзорным — он существует за счёт вытеснения интеграции, а не её достижения.

Тем самым подтверждается идея о том, что “пограничному клиенту по определению не хватает интегрированного наблюдающего Эго... он подвержен хаотичным метаниям между различными эго-состояниями” (Мак-Вильямс, 2015, с. 130). Разрешение этого конфликта возможно лишь через поэтапный переход к способности “консолидировать разнообразные аспекты себя... внутри единой концепции Я” (там же, с. 136). Ключевым направлением работы здесь становится движение от дихотомической, «чёрно-белой» психологии к диалектическому мышлению, в котором противоположности не исключают, а обусловливают друг друга (Колхонен, 2023). Именно в этом контексте концепция диалектики добра и зла может оказаться эго-синтонной для пограничного клиента: через философское

принятие внутреннего противоречия возможно построение целостной Я-концепции.

Как подчёркивает Кернберг, на поздних этапах психоаналитических исследований наблюдается “интеграция компонентов сострадания, заботы, вины, репарации… как указания на нормальное развитие супер-эго, доминирования любви и верности в противовес… характеристикам зла” (Кернберг, 2022, с. 421). Это означает, что в норме внутренняя система ценностей формируется не через вытеснение деструктивного начала, но через его символическое признание и интеграцию в рамках зрелой этической позиции. Таким образом, работа с пограничной личностью становится не только терапевтической задачей, но и способом постижения универсального механизма становления морального сознания как диалектического взаимодействия любви и агрессии, добра и зла.

1.7. Добро и зло как социально-психологический конструкт

На рубеже постмодерна ускоряющиеся процессы глобализации, обрушение универсалистских систем и экспансия медиатизированных информационных потоков размывают традиционные критерии добра, справедливости и ответственности, превращая их в набор конкурирующих норм и вызывая снижение нравственного уровня общества, рост агрессии и апатии и резкие поколенческие различия в моральных ориентирах (Мироненко, 2010; Алексеева, 2014; Щипунов, 2015; Троицкий, 2019; Акулич, Ильина, 2024). Подобная ситуация порождает моральную неопределенность: лишённый твёрдых универсальных критериев человек вынужден интуитивно выстраивать собственное моральное пространство, брать на себя ответственность за выбор между несоизмеримыми ценностями и соотносить личные представления с конкурирующими этическими системами, поскольку никакая готовая теория больше не предлагает однозначных ответов (Fransson, 2017; Иванов, 2020; Шавеко, 2023; Исмаилов, 2024).

Ранние педагогические концепции акцентировали внимание на влиянии образовательной среды как решающего фактора нравственного развития личности. Так, Я. А. Коменский, в рамках натуралистической и христианской педагогики, утверждал: «Чем плодороднее поле, тем обильнее оно производит терновник и чертополох. Так и выдающийся ум полон пустыми мечтаниями, если его не засеять семенами мудрости и добродетелей. Как действующая мельница, если в неё подсыпать зерна, т.е. материала для перемалывания, стирает сама себя и отрывая от жерновов куски и даже повреждая и разрывая отдельные части, бесполезно с шумом и треском пылит, так и подвижный ум, лишённый серьёзной работы, будет вообще наполняться ничтожным, пустым и вредным содержанием и станет причиной своей собственной гибели» (Коменский, 1989, с. 19). Это представление соотносится с античной сократовской идеей о зле как форме незнания — отсутствие структурирующего знания, оставленное без внимания, порождает разрушительные последствия. Конструктивное воздействие образования на нравственную структуру подчёркивал и Г. Спенсер, утверждая приоритет знания как условия существования цивилизованного общества:

«Как в настоящее время, так и в отдалённом будущем, людям всегда будет бесконечно важно, для урегулирования своей деятельности, понимать науку жизни, физической, умственной и социальной, и принимать всякую другую науку, как ключ к этой науке жизни.

А между тем на это знание, по своей важности неизмеримо превосходящее всякое другое, почти не обращается никакого внимания в наш век хвастливого воспитания. Без науки не могло бы никогда возникнуть того, что мы называем цивилизацией, и в тоже время эта самая наука составляет еле заметный элемент в нашем так называемом цивилизованном образовании» (Спенсер, 2013, с. 64). В обоих случаях зло рассматривается не как изначальное качество, а как следствие несформированности, пустоты, недостатка моральной направленности, что открывает путь к его переосмыслению в терминах социального конструирования.

В рамках психоаналитической и эго-психологической традиций зло осмысляется как результат раннего опыта социализации и первичной эмоциональной привязанности. Э. Эрикссон подчёркивает, что именно религиозные (и шире — нормативные) институты играют ключевую роль в формировании представлений о добре и зле на ранних этапах жизни индивида: «Нет сомнения в том, что именно религиозные институты систематизируют и социализируют первый и самый глубокий жизненный конфликт: они объединяют смутные образы первых кормильцев индивида в собирательные образы первобытных божественных защитников; они объясняют смутное ощущение первичного недоверия, придавая ему метафизическую реальность Зла» (Эрикссон, 1996, с. 92). Этот процесс интериоризации культурных норм через первичный опыт позволяет объяснить вариативность моральных карт у представителей различных социокультурных контекстов. Как пишет Эрикссон: «Люди, относящиеся к одной этнической группе, являющиеся современниками одной исторической эпохи и взаимодействующие в сфере экономики, имеют и общие представления о добре и зле» (там же, с. 61). Добро и зло оказываются не только следствиями индивидуального опыта, но и результатом коллективной символической работы, производящей культурные коды морального различия, которые, однако, в условиях современных культурных трансформаций всё чаще теряют свою устойчивость. Эти изменения подрывают универсалистские основания представлений о добре и зле, подчёркивая их историческую и социальную обусловленность.

Эти коллективно усвоенные моральные координаты, однако, подвержены историческим изменениям, особенно в периоды радикальных культурных сдвигов. Как подчёркивает И. А. Мироненко, в современную эпоху человек оказался в ситуации, когда моральные ориентиры больше не воспринимаются как стабильные и универсальные: «Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда радикально меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, справедливости, понятия о том, как следует

поступать в той или иной ситуации и как следует относиться к тем или иным явлениям» (Мироненко, 2019, с. 8). Этот процесс переопределения базовых категорий свидетельствует о кризисе универсализма, в котором прежние моральные опоры утрачивают устойчивость. На этом фоне, по мнению автора, необходима переоценка самих теоретических оснований, на которых строится гуманитарное знание о человеке: «Не настала ли пора вслед за социологами понять, что сущность человека за последние десятилетия претерпела столь же радикальные изменения, сколь и социум, в котором он существует, и отказаться от устаревших теоретических схем, несоответствующих современной реальности?» (там же, с. 10). Мироненко указывает, что ускорение исторического времени и сдвиги культурной парадигмы вызвали сложности в адаптации между поколениями, что, в свою очередь, поставило под сомнение прежние формы этической передачи: «Важнейшим фактором кризиса психологии и столкновения в ней гуманитарного и естественно-научного направлений, о которых писал Выготский, явилось радикальное усложнение проблемы адаптации человека к миру: ускорение исторического процесса на рубеже XIX–XX вв. привело к тому, что смена поколений уже не успевала за изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда на глазах существенно меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, справедливости, понятия о том, как следует поступать в той или иной ситуации и как следует относиться к тем или иным явлениям» (Мироненко, 2019, с. 211). Трансформация представлений о добре и зле в условиях современности отражает не только культурные модификации, но и глубинную перестройку самой социальной идентичности. Современный индивид всё чаще вынужден самостоятельно структурировать своё моральное пространство, действуя в условиях обесценивания универсальных норм и появления множества конкурирующих этических систем. Это создаёт особую ситуацию моральной неопределенности, в которой зло перестаёт быть однозначно этической категорией и становится индикатором напряжения между личной идентичностью и быстро меняющимся социальным контекстом.

1.8. Теоретические основания выбора психодиагностических методик

В условиях усиливающейся моральной фрагментации, ценностного релятивизма и размывания универсальных этических ориентиров возникает необходимость не только философского и культурно-психологического осмыслиения трансформации категорий добра и зла, но и их эмпирического анализа. Актуальность такой постановки задачи обусловлена тем, что в современных условиях происходит не просто пересмотр содержания этических понятий, но и изменение способов их личностной интерпретации. Следовательно, эмпирическое изучение представлений о добре и зле должно учитывать не только содержательные, но и структурные аспекты морального восприятия, сопряжённые с характерологическими чертами личности, её нравственной зрелостью и поведенческой активностью.

Метод семантического дифференциала (СД), разработанный Чарльзом Э. Огудом в 1950-х годах, представляет собой психометрический инструмент, предназначенный для измерения коннотативного значения понятий, объектов и событий. Он позволяет выявить субъективные оценки и аффективные реакции индивидов на различные концепты посредством шкалирования по ряду биполярных прилагательных. В основе метода лежит предположение, что значение понятий в сознании человека многомерно и может быть описано с помощью трех универсальных факторов: оценочности (Evaluation), силы (Potency) и активности (Activity). Эти факторы были выявлены в результате факторного анализа данных, собранных в различных культурах, и продемонстрировали высокую степень универсальности. Чтобы дополнить представленный абзац конкретными примерами применения метода СД, можно добавить следующее предложение:

Метод семантического дифференциала нашёл широкое практическое применение: он используется для диагностики восприятия педагогов учащимися, исследования семейных и репродуктивных установок, анализа гендерных

различий в эмоциональной оценке слов, оценки стереотипов относительно людей с инвалидностью и обобщения теоретических основ и модификаций метода (Захарова, Стрюкова, 1999; Антонов, Карпова, 2024; Chapman и др., 2022; Jenaro Chapman и др., 2018; Новиков, Новикова, 2011).

Применение СД в исследовании моральных категорий, таких как "добро" и "зло", позволяет количественно зафиксировать тонкие оттенки смысла, которые испытуемые связывают с этими понятиями. Такой подход предоставляет возможность выявить латентные семантические измерения в сознании людей, отражающие их моральные установки и ценностные ориентации. Исторически метод СД успешно применялся для анализа образов ценностей и социальных явлений, демонстрируя высокую эффективность в раскрытии смысловых модальностей понятий, включая эмоциональную оценку, активность и потенцию. В частности, исследования показали, что оценочный фактор является наиболее значимым в формировании отношения к объекту или понятию, что особенно важно при изучении моральных категорий. В контексте этической психологии использование СД позволяет получить эмпирическое подтверждение различий в мироощущении добра и зла у людей с разными этическими позициями. Например, индивиды, склонные к категоричному разделению добра и зла, могут приписывать этим понятиям противоположные оценки по шкалам "хороший–плохой", "сильный–слабый", "активный–пассивный", тогда как те, кто воспринимает добро и зло как взаимодействующие категории, могут демонстрировать более сбалансированные оценки.

Эти различия в семантическом профиле моральных категорий позволяют зафиксировать не только содержательное наполнение понятий «добро» и «зло», но и обнаружить их связь с более глубокими личностными структурами. Именно в этом контексте становится необходимым обращение к измерению характерологических черт, отражающих предрасположенность к тем или иным типам морального реагирования. Особое значение приобретает концепция Тёмной триады — совокупности трёх взаимосвязанных, но различных черт:

нарциссизма, макиавеллизма и психопатии. Понятие «Темная триада» вошло в число психологических терминов в 2002 г. по инициативе канадских исследователей – Делроя Полхуса и Кевина Уильямса из Университета Британской Колумбии. Исследования показали, что три психологические черты – неклинический нарциссизм, неклиническая психопатия и макиавеллизм – образуют своеобразный синдром психических свойств, перспективный для исследования негативной стороны личности (Paulhus, Williams, 2002). Описанием этого понятия, разработкой и адаптацией короткого опросника «Темной триады» (SD3) занимались М.С. Егорова и соавторы (Егорова, Ситникова, Паршикова, 2015). Исследование «Темной триады» и сейчас продолжает быть актуальным в психологическом дискурсе (Солдатова, Илюхина, 2023).

Зарубежное понятие «Темная триада» часто заменяется такими фразами как «темная сторона» личности и «негативная сторона личности» (Дериш, 2015). Таким образом, данный комплекс черт претендует на выражение “всего плохого” в человеке. В одной статье, описывая контуры метаиндивидуальной модели деструктивности с позиции интегративного подхода, авторы применяют метафоры "светлый" и "темный", для обозначения метаиндивидуального мира и негативного деструктивного мира и их сложного взаимодействия, а также, перехода одного в другое. Также, авторы ставят задачу создания многофакторного опросника (Дорфман, Злоказов, 2017).

Использования метафоры “темная сторона/темный” и перевод ее в цифровой эквивалент, который можно исследовать и считать в цифрах, дает возможность сопоставить “темное” в человеке с другими характеристиками (Колхонен, Мироненко, 2023б, Колхонен, Андреев, 2023). Интересно, что некоторые исследования показывают связь “темной триады” с положительными характеристиками. Рассмотрим некоторые спорные моменты взаимосвязи черт “темной триады” и положительными характеристиками. Так, например, в одной статье авторы пишут: «выделяется исчерпывающее количество исследований, которые свидетельствуют о наличии связи этого феномена [«Темная триада»] с ...

эмпатией» (Косицина, 2021, с. 494), в другом исследование авторы пишут: «Черты «Темной триады» – нарциссизм, макиавеллизм, неклиническая психопатия – считаются наиболее яркими характеристиками отрицательных проявлений личности; носители этих черт отличаются склонностью к манипулированию окружающими и низким уровнем способности к сопереживанию» (Ледовая, 2018, с. 160). Уровень эмпатии как способность к сопереживанию при высоких показателях черт “темной триады” остается дискуссионным. Взаимосвязей показателей черт «темной триады» с различными личностными свойствами большое количество. В 2015 году было проведено исследование на выборке из 256 студентов пермских вузов. Сравнивались показатели черт темной триады с личностными свойствами, аналогичными свойствам «большой пятерки», с дополнительным фактором «честность – склонность к обману» по опроснику НЕХАСО-PI-R» (Дериш, 2015). Авторы обнаружили: «Связь «нарциссизма» и «экстраверсии» обусловливается высоким уровнем социальной смелости – одной из составляющих экстраверсии, что является характерным признаком нарциссических личностей» (Дериш, 2015, с. 25). Более «нарциссичные» индивиды активнее в общении, склонны использовать неожиданные выражения и шутки и в то же время они демонстрируют высокую уверенность в себе (Paulhus, Williams, 2002). Данные, свидетельствующие, что высокие показатели «Темной триады» связаны с уверенностью в себе, говорят нам о возможных позитивных аспектах у «Темной триады». Популярность и широта включенности «темных черт» – макиавеллизм, нарциссизм и психопатия – в психологический дискурс столь обширна, что «большинство психологов полагают, что пять черт личности не в полной мере отражают темные стороны человеческой натуры, и предлагают ввести еще три, макиавеллизм, нарциссизм и психопатию (так называемая "Тёмная триада")» (Джарретт, 2022, с. 19).

Опираясь на представления о связи этических позиций и характерологических черт, мы решили использовать также новую, стандартизированную методику, в основе которой понятие «Светлая триада» -

как, некоторым образом, антитеза «Темной триады» (Kaufman и др., 2019). Если черты «Темной триады» претендуют на отражение всего «темного» в человеке, то мы можем условно соотнести их со злом, и тогда черты «Светлой триады» будут условно выступать как добро. В 2019 году авторы понятия «Светлая триада» написали: «В то время как растет количество литературы о «темных чертах» (то есть социально неприятных чертах), наблюдается недостаток исследовательской литературы о положительных чертах и достижениях в жизни, ориентированных на удовлетворение и рост» (Kaufman и др., 2019). Комплекс таких черт получил название «Светлая триада», он измеряется по шкале Светлой триады (LTS), состоящей из 12 пунктов. «Светлая триада» включает в себя три аспекта: кантианство (отношение к людям как к самоцелям), гуманизм (оценка достоинства и ценности каждого человека) и вера в человечество (вера в фундаментальную добрую природу людей). Данный опросник пока не апробирован на русскоязычной выборке. Мы решили его использовать в плане возможности сопоставления нравственной категории «добро» со «Светлой триадой» и категории «зло» с «Темной триадой». Мы предполагаем, что представление о соотношениях добра и зла может быть связано с психологическими чертами «Темной» и «Светлой» триад. Отношение индивида к категориям добра и зла из позиции диалектического принятия их единства, которую мы описали выше, возможно, должно быть детерминировано структурой его личности, которая включает в себя черты «Темной триады» и при этом не ограничивается ими. И, наоборот, позиция, подразумевающая взаимоисключающий характер добра и зла, возможно, должна быть детерминирована структурой личности, которая не включает в себя черты «Темной триады».

В контексте настоящего исследования, направленного на выявление и анализ этических позиций личности в отношении категорий добра и зла, особое значение приобретает понятие самоактуализации. Этот конструкт, разработанный в рамках гуманистической психологии, рассматривается как индикатор

личностной зрелости и внутренней целостности, что напрямую связано с формированием устойчивых моральных ориентиров.

Понятие самоактуализации было впервые введено Куртом Гольдштейном (Кондрацкий, 2020; Ахмадуллина, Габдреева, 2008) и впоследствии развито Абрахамом Маслоу и Карлом Роджерсом. В иерархии потребностей Маслоу самоактуализация занимает высшую ступень, представляя собой стремление человека к полной реализации своего потенциала после удовлетворения базовых потребностей. Маслоу определял самоактуализацию как "внутренний рост того, что уже присутствует в организме, или, точнее, того, что представляет собой сам организм".

Карл Роджерс, в свою очередь, рассматривал самоактуализацию как непрерывный процесс развития "Я", при котором индивид стремится к максимальному раскрытию своих способностей и потенциала. Он подчеркивал, что наивысшей зрелости достигает тот, кто берет ответственность за собственные ценности и стремится к их реализации, несмотря на внешние давления (Роджерс 1961; Роджерс 1951; Kelland 2011; Maurer 2020; Dammann 2021).

Самоактуализирующаяся личность характеризуется высокой степенью автономии, ответственности и внутренней согласованности, что способствует формированию устойчивых моральных принципов. Такие индивиды обладают способностью следовать своим этическим убеждениям, даже сталкиваясь с внешним давлением или моральными дилеммами. Исследования показывают, что более высокий уровень самоактуализации сопряжен с развитым чувством ответственности, эмпатии и склонностью к просоциальному поведению (Коломиец, 2009; Растроргуева, 2014; Ильиных и др., 2016; Герасимова, 2024). Таким образом, самоактуализация может рассматриваться как ключевой фактор, определяющий способность личности к формированию и поддержанию собственной этической позиции, а также к осмыслинию категорий добра и зла в контексте личного опыта и ценностей.

Для количественной оценки уровня самоактуализации в рамках настоящего исследования был использован Самоактуализационный тест (CAT), разработанный Эвереттом Шострёмом и адаптированный для русскоязычной выборки. Этот инструмент позволяет измерить различные аспекты самоактуализации, включает 12 шкал: ценностные ориентации, самопринятие, восприятие природы человека, синергия, межличностная чувствительность, принятие агрессии, контакт с внутренним «Я», самосовершенствование, потребность в познании, творческое отношение к жизни, гибкость поведения, автономия. Полученные по этим шкалам показатели позволяют зафиксировать уровень личностной зрелости респондента, его способность к саморефлексии, открытость к опыту, а также устойчивость этических установок. Это особенно важно в контексте анализа этических позиций: чем выше степень самоактуализации, тем выше вероятность того, что моральные убеждения личности сформированы на внутренней основе, а не навязаны извне. Таким образом, тест CAT позволяет не только количественно оценить зрелость субъекта, но и понять, насколько глубоко и последовательно он интегрировал в свою структуру представления о добре и зле, а также способен ли он действовать в соответствии с ними независимо от внешнего давления.

Мы также использовали методику проактивности. Эта методика основана на Proactive Personality Scale (PPS), разработанной Батманом и Крантом; современный анализ методом Расха показал, что сокращённая шестипунктовая версия шкалы является одномерной и обладает высокой надёжностью (Teye-Kwadjo, de Bruin, 2022). В современных исследованиях чаще используется десятипунктовая версия PPS – участники оценивают такие утверждения, как «я постоянно ищу новые способы улучшить свою жизнь»; адаптированные версии демонстрируют высокую внутреннюю согласованность (например, $\alpha \approx 0,88$) (Hu, Liao, 2024; Jia, Yuan, 2025). Данный конструкт приобретает особую значимость в контексте нравственного поведения, поскольку активное отстаивание моральных принципов тесно связано с мотивами самоактуализации. Современные работы

показывают, что самоактуализация усиливает внутреннюю мотивацию, ориентирует человека на цели и повышает внутренний локус контроля, что в свою очередь побуждает его проактивно стремиться к достижению важных для него целей (Guan и др., 2025). В клинических исследованиях на медсёстрах показано, что стремление к самоусовершенствованию относится к потребностям самоактуализации и становится актуальным только при удовлетворении базовых потребностей (Xie и др., 2024); такое стремление сопутствует высокому уровню персонального роста.

Понятие проактивной личности было введено Батманом и Крантом (**Bateman, Crant, 1993**) и трактуется как устойчивая склонность индивида инициировать изменения в своём окружении (Seibert и др., 1999). Проактивные личности не ограничиваются реакцией на происходящие события: они сканируют среду на предмет возможностей, проявляют инициативу, действуют и настойчиво добиваются изменений (Hu, Liao, 2024). Эти черты подтверждаются современными инструментами: в сокращённой версии PPS респонденты оценивают такие утверждения, как «Я всегда ищу способы сделать что-то лучше» (Hu, Liao, 2024). Проактивные личности не ограничиваются реакцией на события — они предвосхищают изменения и берут ответственность за достижение целей; это подтверждают исследования, где проактивность положительно связана с личностным ростом и карьерным успехом (Xie и др., 2024; Jia, Yuan, 2025).

Взаимосвязь проактивности и самоактуализации подчёркивается в современных работах. В исследовании студентов в условиях обучения на английском языке показано, что самоактуализация усиливает внутреннюю мотивацию, способствует постановке целей и укрепляет внутренний локус контроля; это побуждает субъектов проактивно преследовать собственные цели (Guan et al., 2025). Аналогично исследование китайских компаний установило, что удовлетворение потребностей роста и самоактуализации работников стимулирует их проактивное карьерное поведение (Ji и др., 2025). Концепция «идеального Я» рассматривается как мотивационный ориентир, который направляет поведение к

самоактуализации и активизирует инициативы по развитию навыков и построению связей (Martinez и др., 2021). Современные инструменты для изучения самоактуализации (например, шкалы Self-Actualization Attributes Scale и Innovation Potential Scale) включают измерение инновационности, креативности и проактивности; один из пунктов гласит: «Я внедряю инновации в своей работе, чтобы стать более продуктивным» (Souza и др., 2024), что подтверждает связь самоактуализации с проактивным поведением. Современные эмпирические данные свидетельствуют о том, что у медработников и преподавателей с проактивным характером выше удовлетворённость трудом, ниже выгорание и сильнее стремление к росту, а сама проактивность положительно коррелирует с карьерным успехом (Xie и др., 2024; Jia, Yuan, 2025).

В контексте настоящего исследования проактивность рассматривается как важный компонент личностной зрелости, связанный с формированием и реализацией нравственной позиции. На основе выше приведенных данных можно провести аналогию и сказать, что индивиды с высоким уровнем проактивности обладают более четкими и деятельными убеждениями относительно своих этических представлений касательно взаимосвязи добра и зла в человеке, а также будут демонстрировать готовность действовать в соответствии с этими убеждениями в реальных ситуациях.

В целом комплекс методик, используемый в нашем исследовании, позволил охватить многие ключевые измерения, необходимые для многопланового анализа этической позиции личности. Авторский опросник «Отношение к добру и злу» задал основную понятийную рамку и обеспечил содержательную типологию этических представлений. Семантический дифференциал зафиксировал глубинные модальности восприятия категорий добра и зла в индивидуальном сознании, позволяя проследить различия в оценке, силе и активности этих понятий. Шкалы Тёмной и Светлой триады (SD3 и LTS) предоставили доступ к характерологическим чертам респондентов. Самоактуализационный тест (CAT) позволил количественно оценить степень личностной зрелости, для различных

групп респондентов, имеющих разные этические представления, а шкала проактивной личности (PPS) дала возможность измерить готовность действовать в соответствии с собственными убеждениями. Все методики дополняют друг друга и образуют единую диагностическую систему.

1.9. Этическая позиция личности как интегративная структура: связь представлений о добре и зле с характерологическими особенностями

Обобщая ключевые положения предыдущих разделов (1.1–1.8), можно предложить целостное понимание этической позиции личности как интегративного образования, синтезирующего систему этических представлений о добре и зле с устойчивыми характерологическими чертами индивида. Предшествующий анализ философских, религиозных и психологических подходов к проблеме добра и зла выявил, что взаимоотношение категорий добра и зла мыслится через ограниченное число основных моделей или типов этических представлений. В различных культурно-исторических контекстах прослеживается структурная дилемма: с одной стороны, монистический подход, трактующий зло лишь как отсутствие добра (*privatio boni* у Августина, этический монизм в ряде религиозно-философских доктрин); с другой стороны, диалектический подход, признающий зло самостоятельной силой, противостоящей добру и пребывающей с ним во взаимодействии (манихейская традиция, диалектика Гегеля, экзистенциальная психотерапия и т.д.). Данное противопоставление проявляется в виде двух типов этических представлений личности о добре и зле. При первом типе зло воспринимается как отсутствие или недостаток добра (мораль зиждется на принципе «нулевой суммы»: больше добра означает меньше зла, и наоборот). При втором типе добро и зло рассматриваются в качестве автономных начал, находящихся в сложном диалектическом единстве и взаимной обусловленности, где зло выступает не просто негативом, а необходимым противоположным полюсом развития. Как было показано ранее, данное деление, по-видимому, носит универсальный характер: через призму этих двух форм можно интерпретировать тип этических представлений личности. Однако не

менее важно учитывать и характерологические черты, которые, как мы покажем в дальнейшем, могут быть взаимосвязаны с тем или иным типом этических представлений. При учёте характерологических особенностей личности формируется не просто этическое представление, а этическая позиция, которая представляет собой более комплексное и интегрированное образующее единство. Этическая позиция — это результат взаимодействия характерологических черт и представлений, они влияют друг на друга, создавая стойкую внутреннюю убеждённость. Как говорил Александр Григорьевич Асмолов, «индивидуом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают». Если применить эту мысль к данному аспекту, можно сказать, что этическую позицию человек отстаивает. Эта позиция становится частью его индивидуальности, укрепляется и поддерживается характером личности.

В результате, такая интегрированная структура или конструкт, с одной стороны, помогает операционализировать склонность личности к добру и злу, переводя её в измеряемые психологические конструкты, такие как нарциссизм, психопатия, макиавеллизм, а также их «светлые» контрасты, например, гуманизм или вера в фундаментальную доброту людей. С другой стороны, это позволяет понять, как характерологические черты и этические представления взаимно влияют на мировоззрение индивида, формируя его отношение к этическим дилеммам и жизненным выборам. Например, индивид, переживший опыт деструкции или предельной аморальности, может рационализировать свою нарциссическую или агрессивную черту как необходимую для выживания, тем самым закрепляя соответствующее этическое представление, допускающее или даже оправдывающее зло. Следовательно, этическая позиция формируется не просто как сумма черт или суждений, но как результат взаимодействия между тем, что человек пережил, что он представляет собой как личность и как он оформляет субъективную моральную ткань мира.

Следует подчеркнуть, что предлагаемое понимание этической позиции личности носит на данном этапе характер исследовательской гипотезы «на

перспективу». Выдвинутая концепция представляет собой теоретическую модель, требующую эмпирической проверки и конкретизации. Тем не менее, её введение уже на стадии теоретического анализа позволяет сформулировать чёткую концептуальную перспективу.

Выводы по 1 главе

1. В философском и религиозном дискурсе выявляются два основных типа понимания добра и зла в их взаимосвязи и соотношении:

монистическая, трактующая зло как отсутствие добра (Августин, религиозные традиции);

дуалистическая/диалектическая, рассматривающая зло как самостоятельную силу, находящуюся в напряжённом взаимодействии с добром (манихейство, Гегель, Ницше, юнгианская традиция).

2. В психологическом дискурсе также прослеживаются два основных подхода: рационалистический (Ж. Пиаже, Л. Колберг), в котором добро и зло понимаются через когнитивные стадии и нормы справедливости;

экзистенциально-гуманистический и психоаналитический, где зло рассматривается как внутренняя сторона человеческой природы, необходимая для роста, интеграции и развития личности.

3. Юнгианская и экзистенциальная традиции подчёркивают, что добро и зло образуют архетипическую полярность, а их конфликт выступает источником психической и духовной энергии. Принятие и интеграция «тёмной стороны» становится условием индивидуации и зрелости.

4. В социально-психологическом подходе добро и зло понимаются как социальные конструкты, формирующиеся в процессе культурной интериоризации и меняющиеся в условиях глобализации, релятивизма и моральной фрагментации.

5. В обобщённом виде можно выделить два типа этических представлений личности:

зло как отсутствие добра (монастическая модель);

добро и зло как автономные и взаимосвязанные начала (диалектическая модель).

Эти модели универсальны и проявляются как в философских и религиозных концепциях, так и в психологических теориях.

6. Этическая позиция личности формируется как интегративная структура, объединяющая этические представления и характерологические особенности, что открывает возможность их дальнейшей психоdiagностической операционализации.

7. В русле отечественной психологической традиции формируется направление этической психологии (Братусь, Попов, Голубева и др.), в центре которого находятся категории добра и зла как основания нравственной регуляции поведения личности. Эта традиция подчёркивает значимость совести, нравственного идеала и духовного самопознания как ключевых факторов формирования этической позиции личности.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ ЛИЧНОСТИ С ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИМИ ОСОБЕННОСТЯМИ

Настоящая глава посвящена организации и методам эмпирического исследования, направленного на изучение взаимосвязи этических представлений личности и характерологических особенностей. В данной части работы описываются исследовательская стратегия, применённые методы, этапы сбора и обработки данных, а также основные аналитические процедуры, позволяющие выявить структуру этических представлений и их психологические корреляты.

2.1. Цель, задачи и гипотезы исследования

Цель исследования: выделить и описать различные этические представления личности относительно категорий добра и зла и определить, как эти представления взаимосвязаны с характерологическими особенностями личности. Иными словами, исследование направлено на выявление этических позиций и их сопоставление с определёнными личностными чертами.

Объект исследования – нравственная сфера личности в контексте индивидуально-психологических особенностей.

Предмет исследования – связь этических позиций личности относительно категорий добра и зла с характерологическими чертами.

В соответствии с целью эмпирического исследования были сформулированы следующие задачи:

- 1) Проанализировать отношение к категориям добра и зла у респондентов с помощью выбранных методик исследования. На основе этого выделить группы респондентов с различными этическими позициями. Провести сравнительный анализ данных групп для выявления различий в их характерологических особенностях. Описать и выделить особенности каждой группы.

- 2) Провести семантический анализ понимания категории добра и зла респондентами в зависимости от выделенных этических позиций.
- 3) Разработать и описать типологию личности в контексте этической психологии, учитывая характерологические особенности, поведенческие черты и способы интерпретации добра и зла. Описать преимущества и недостатки выявленных типов.

Гипотезы исследования

Основная гипотеза исследования заключается в том, что тип этического представления личности о добре и зле связан с её характерологическими особенностями. Восприятие добра и зла как диалектически взаимосвязанных, дополняющих друг друга категорий и восприятие этих понятий как строго разделённых и противопоставленных соотносятся с различиями в характерологических чертах личности.

Дополнительные гипотезы

1. Предполагается, что этическое представление, характеризующаяся восприятием добра и зла как взаимосвязанных, дополняющих друг друга категорий будет соответствовать более высокому уровню самоактуализации.
2. Предполагается, что различия в этических представлениях личности связаны с уровнем гибкости поведения. Ожидается, что респонденты, склонные к диалектической трактовке добра и зла, будут демонстрировать более высокий уровень гибкости поведения, тогда как приверженность к строгому противопоставлению этих категорий может коррелировать со сниженной гибкостью в поведении.
3. Предполагается, что респонденты, проявляющие большую терпимость к злу или воспринимающие его как естественную часть мира, будут характеризоваться более высокой выраженностью черт тёмной триады. В

частности, принятие зла может положительно коррелировать с нарциссическими и психопатическими чертами, тогда как его неприятие будет связано с их низкой выраженностью.

2.2. Методы и методики исследования

В данном исследовании были использованы количественные методы анализа. Количественные методы включали анализ результатов анкетирования с применением статистических методов обработки данных (см. п. 2.3. Методы статистической обработки данных), что позволило выявить факторы, кластеры и дисперсионные различия. Для исследования взаимосвязи этических представлений личности относительно категории добра и зла с характерологическими особенностями личности были использованы 6 методик.

Авторский опросник «Отношение к доброму и злу». Опросник состоит из 10 закрытых вопросов с перечнем вариантов ответа. Закрытые вопросы были нацелены на выявление отношения к диаде добра и зла в смысле диалектического принятия единства добра и зла, или представления об их взаимоисключающем характере. Список закрытых вопросов с вариантами ответов представлен в (Приложение 1).

Семантический дифференциал (СД). Использовалось 25 пар прилагательных, выражающих противоположные качества. Сначала предлагалось оценить «доброе», а затем так же «зло». Результат выводился по трём шкалам: оценка, сила, активность.

Короткий опросник «Темной триады» (SD3) который состоит из 27 утверждений. Данная методика была создана Д. Н. Джонсоном и Д. Л. Полхусом в 2014г. как краткий инструмент для оценки нарциссизма, макиавеллизма и психопатии (Paulhus, Williams, 2002; Southard, Zeigler-Hill, 2016). Опросник SD3 включает 27 утверждений, составляющих три шкалы (по 9 пунктов на каждую

черту). Испытуемым предлагается оценить степень своего согласия с каждым утверждением, как правило, по пятибалльной шкале Ликерта, после чего подсчитываются отдельные баллы по трём субшкалам – «Нарциссизм», «Макиавеллизм» и «Психопатия». Примеры пунктов: для нарциссизма – утверждения, отражающие ощущение собственного превосходства или право на особое отношение; для макиавеллизма – высказывания о допустимости лжи и манипуляций ради выгоды; для психопатии – суждения, указывающие на бессердечие или азарт (например, склонность переступать правила без сожалений, risk-taking behavior). Теоретической основой SD3 послужили более развёрнутые опросники тёмных черт (в частности, Narcissistic Personality Inventory для нарциссизма, Mach-IV для макиавеллизма, Self-Report Psychopathy Scale для психопатии). Создавая SD3, разработчики стремились обеспечить достаточное содержание каждой черты при минимальном количестве пунктов, чтобы методика была удобна в исследованиях (Denovan и др., 2024). В четырёх валидизационных исследованиях (общая $N > 1000$) авторы подтвердили трёхфакторную структуру опросника (каждый пункт чётко нагрузился на целевую шкалу), а также корреляцию шкал SD3 с более длинными классическими измерителями соответствующих черт (Jones, Paulhus, 2014). Кроме того, валидность опросника подкреплена внешними критериями: результаты SD3 показали ожидаемые связи с самооценками участников исследования и независимыми экспертными оценками (Jones, Paulhus, 2014). Совокупно эти данные свидетельствуют, что SD3 является надёжным и валидным инструментом для экспресс-оценки тёмной триады.

Психометрические показатели и адаптации. Опросник SD3 продемонстрировал приемлемую надёжность и внутреннюю согласованность шкал. В оригинальной работе для каждой субшкалы были получены удовлетворительные показатели внутренней согласованности (коэффициенты а Кронбаха около 0,7–0,8) при минимальном количестве пунктов. Репликационные исследования подтвердили базовую трёхфакторную структуру SD3 в разных выборках (Jones, Paulhus, 2014; Denovan и др., 2024). . Инструмент быстро

получил распространение в разных странах, были выполнены его переводы и адаптации. В частности, в России методика SD3 адаптирована и апробирована на выборке из 571 человека (средний возраст ~35 лет) под руководством М. С. Егоровой (Егорова, Ситникова, Паршикова, 2015). Российская адаптация сохранила факторную структуру оригинала: методом факторного анализа подтверждены три основных компонента, соответствующие нарциссизму, макиавелизму и психопатии. Надёжность русскоязычной версии SD3 также находится на удовлетворительном уровне: коэффициенты внутренней согласованности по трём шкалам составили 0,72; 0,74 и 0,70 соответственно. Такие значения вполне допустимы для кратких шкал и сопоставимы с данными оригинала. Между шкалами тёмной триады выявлены умеренные положительные корреляции ($r=0,31-0,42$), что указывает на их взаимосвязанность при сохранении относительной автономности каждого конструкта (т.е. перекрытие черт не избыточно). Конвергентная валидность методики SD3 подтверждается её связями с другими личностными переменными. Так, тёмные черты отрицательно коррелируют с чертой Честность–Смиренность из модели HEXACO, что объясняется противоположной направленностью (честность и бескорыстие). Все три шкалы SD3 также демонстрируют отрицательные связи с фактором Доброжелательность (*Agreeableness*) и показателем Эмоциональности, а шкала «Психопатия» — дополнительно с фактором Добросовестность (*Conscientiousness*). Такой профиль согласуется с результатами зарубежных исследований и подтверждает, что методика SD3 действительно измеряет заявленные тёмные черты личности (Егорова, Ситникова, Паршикова, 2015). В целом, SD3 обладает хорошей психометрической надёжностью и валидностью, что позволяет применять её в научных целях для диагностики макиавелизма, нарциссизма и психопатии в норме. Благодаря лаконичности и подтверждённым психометрическим показателям SD3 получила широкое распространение в психологических исследованиях тёмных склонностей личности (Denovan и др., 2024).

Опросник «Светлая триада» (LTS). Для эмпирического исследования «светлых» черт был создан специальный опросник – Light Triad Scale (LTS), или «Шкала Светлой триады». Его разработка осуществлена С. Кауфманом и коллегами (Kaufman и др., 2019). Методика LTS состоит из 12 суждений, образующих три субшкалы (по 4 пункта на каждую из трёх черт: вера в человечество, гуманизм, кантианство). Первоначальная версия опросника была названа авторами *«первой пробой пера»* в измерении «светлой» стороны личности. Тем не менее уже базовое исследование продемонстрировало успешность этого инструмента. По структуре данные LTS хорошо легли на три фактора, соответствующие теоретически выделенным трём чертам. Каждая шкала включает утверждения, отражающие соответствующую позитивную установку. Например, пункт, диагностирующий кантианство: «Я стараюсь относиться к другим так, будто у каждого есть своя самостоятельная ценность и предназначение»; или пункт на гуманизм: «Каждый человек заслуживает уважения просто в силу того, что он человек». Испытуемый оценивает степень согласия с такими утверждениями, обычно по рейтинговой шкале, после чего вычисляются суммарные показатели по трём подпоказателям светлой триады. Разработчики LTS изначально сопоставили её содержание с существующими опросниками тёмной триады, а также с гуманистическими и просоциальными показателями личности. Это позволило сгенерировать пункты, максимально контрастирующие с «тёмными» установками и одновременно резонирующие с тематиками гуманизма, доверия, альтруизма. В результате LTS представляет собой компактный опросник, напрямую оценивающий морально-нравственную ориентацию личности (в межличностном плане).

Психометрические показатели и адаптация. Оригинальная англоязычная версия опросника LTS продемонстрировала высокие психометрические характеристики (Kaufman и др., 2019). В серии исследований с общей выборкой более 1500 человек были получены надёжные показатели: средний коэффициент а Кронбаха по трём субшкалам превышал 0,80, а интегральный индекс «светлой

триады» отличался ещё более высокой внутренней согласованностью (Kaufman и др., 2019). Валидность методики также была подтверждена: шкалы LTS достоверно коррелировали с рядом внешних критериев, в частности с показателями просоциальной направленности, демонстрируя ожидаемые взаимосвязи. В частности, суммарный индекс «светлой триады» положительно связан с субъективным благополучием и показателями самотрансценденции личности (например, жизненной удовлетворённостью, ощущением осмысленности жизни), и эти связи сохраняются даже при статистическом контроле базовых черт личности (Kaufman и др., 2019). Это означает, что LTS привносит уникальную информацию об этической направленности личности, дополняя сведения о человеке сверх того, что дают классические черты темперамента и характера. Опросник LTS показал также умеренную отрицательную корреляцию с показателями тёмной триады, что соответствует его замыслу (Kaufman и др., 2019; Jones, Paulhus, 2014). Однако, как отмечалось, эта корреляция далеко не абсолютна, благодаря чему шкала LTS не сводится к простому «инверсному» тесту тёмной триады, а действительно измеряет самостоятельный набор свойств (Kaufman и др., 2019).

В России шкала светлой триады пока изучена ограниченно, но уже предприняты первые шаги по её адаптации. В 2023г. опубликованы результаты пилотажной проверки русскоязычной версии LTS на выборке из 300 человек (Ильичев, Золотарева, 2023). Конфирматорный факторный анализ подтвердил наличие трёх факторов, соответствующих трём заявленным чертам, хотя для улучшения модели потребовалось исключить несколько пунктов с низкими нагрузками. Полученные субшкалы в русской выборке продемонстрировали несколько пониженные, *пограничные* коэффициенты надёжности (α Кронбаха в диапазоне 0,59–0,63). Авторы отмечают, что такая умеренная согласованность может быть следствием культурно-языковых нюансов формулировок и небольшого числа пунктов в каждой шкале. Несмотря на это, конвергентная валидность русской версии LTS получила подтверждение: баллы по её шкалам

статистически значимо связаны с чертами Большой пятерки и показателями субъективного благополучия в ожидаемом направлении. В частности, «светлые» черты положительно коррелируют с такими позитивными характеристиками, как экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, открытость опыту, а также с ощущением счастья и жизненной энергичности; и отрицательно – с нейротизмом, макиавелизмом и психопатией. Подобные связи свидетельствуют, что методика действительно измеряет заявленные этико-гуманистические свойства личности. Более того, подтверждённая трёхфакторная структура и обнаруженные закономерности позволяют говорить о факторной и конвергентной валидности LTS в российских условиях (Ильичев, Золотарева, 2023). Авторы пилотажного исследования делают вывод, что адаптированная шкала может быть рекомендована в качестве диагностического инструмента для оценки веры в человечество, гуманизма и кантианства как черт светлой триады личности (Ильичев, Золотарева, 2023). Ожидается, что дальнейшие исследования и расширение выборки улучшат психометрические показатели русскоязычной версии. В целом же, уже сейчас методика LTS рассматривается как перспективный инструмент для изучения «светлой» стороны личности, обладающий теоретической обоснованностью и подтверждённой (пускай предварительно) надёжностью и валидностью. Данные из западной страны подтверждают надежность и достоверность результатов опросника (Aruta, 2022; Маралов, 2024).

Самоактуализационный тест (САТ) построен по тому же принципу, что и POI, и состоит из 126 пунктов, каждый из которых включает два суждения ценностного или поведенческого характера. Суждения не обязательно являются строго альтернативными. Тем не менее испытуемому предлагается выбрать то из них, которое в большей степени соответствует его представлениям или привычному способу поведения. САТ измеряет самоактуализацию по двум базовым и ряду дополнительных шкал. Такая структура опросника была предложена Э. Шостром для POI и сохранена в данном тесте.

The Proactive Personality Scale (Шкала проактивной личности) Шкала проактивной личности представляет собой опрос, состоящий из 17 пунктов, который измеряет личностные качества. Склонность к активному поведению. В этом отношении люди с инициативной личностью склонны искать возможности, проявлять инициативу, предпринимать действия и упорствовать, пока они не достигнут желаемого (Bateman, Crant, 1993).

Айзенка личностный опросник (вариант А), состоит из 57 вопросов. Айзенк разработал два варианта этого теста – А и В, которые отличаются только текстом вопросов, что позволяет проводить повторные сравнительные исследования. Опросник состоит из двух шкал: экстраверсии-интроверсии и нейротизма, плюс шкала оценки искренности ответов.

2.2.1. Обоснование применения методик SD3 и LTS в контексте этической психологии

Использование в одном исследовании опросников «тёмной» и «светлой» триады предоставляет возможность комплексно оценить морально-этический профиль личности. SD3 измеряет склонности, связанные с условно «тёмной» стороной – эгоцентризмом, манипулятивностью, агрессией, то есть те черты характера, которые соотносятся в психологии с нечувствительностью к морали и злу. LTS, напротив, выявляет черты, отражающие «светлое» мироощущение личности – гуманизм, веру в добро начало и этические принципы взаимодействия. Тем самым данные методики в совокупности охватывают два полюса нравственной сферы: от циничного аморализма до альтруистичного гуманизма. В контексте исследования взаимосвязи этических позиций личности с характерологическими чертами, связанными с восприятием добра и зла, включение обоих опросников представляется принципиально важным.

Во-первых, черты тёмной и светлой триады служат операционализацией личностных предрасположенностей к «злу» и «доброму» соответственно, позволяя перевести абстрактные этические позиции в плоскость измеряемых психологических конструктов.

Во-вторых, эти методики обладают надёжностью и валидностью, подтверждёнными как в зарубежных, так и в российских исследованиях, что гарантирует достоверность полученных данных при их применении в нашей выборке.

В-третьих, сопоставление результатов SD3 и LTS с индивидуальными представлениями испытуемых о добре и зле позволит выявить тонкие взаимосвязи: например, проявляют ли носители высоких «тёмных» черт склонность видеть мир в более циничном, релятивистском свете, а обладатели «светлых» черт – напротив, придерживаться более позитивных этических установок. Предшествующие работы показывают, что тёмные черты коррелируют с неэтичным поведением и установками, тогда как светлые – с просоциальными ценностями и добродетельным поведением (Paulhus, Williams, 2002; Jonason и др., 2012; Furnham и др., 2013; Muris и др., 2017; Paulhus, 2014, с. 421). Следовательно, применение SD3 и LTS в рамках одного исследования обосновано как теоретически, так и эмпирически. Эти инструменты взаимодополняют друг друга и релевантны цели работы – проанализировать, как личностные диспозиции «тьмы» и «света» соотносятся с тем, каким образом человек концептуализирует категории добра и зла. Их включение в методический аппарат исследования обеспечивает комплексное и содержательно обоснованное измерение индивидуально-психологических особенностей нравственной сферы личности, что позволяет исследовать предмет и объект настоящего исследования.

В то же время остальные применённые методики выполняют не менее значимую функцию в рамках целостной диагностической системы. Авторский опросник «Отношение к доброму и злу» позволяет выявить типологию этических позиций респондентов, а метод семантического дифференциала фиксирует когнитивно-оценочные характеристики категорий добра и зла. Самоактуализационный тест (CAT) и шкала проактивной личности (PPS) обеспечивают операционализацию личностной зрелости, автономии и поведенческой активности, значимых для интерпретации отношения к моральным

дилеммам. Личностный опросник Айзенка, помимо оценки базовых темпераментных параметров, обеспечивает контроль над искренностью ответов, что критически важно для повышения валидности данных. Более подробное обоснование выбора методик приведено в разделе 2.3.

2.3 Организация исследования

На начальном этапе исследования был проведен теоретический анализ проблемы, который выявил нехватку стандартизованных методик для оценки восприятия категорий добра и зла, а также отношения к их взаимосвязи. В связи с этим было принято решение объединить стандартизованные и нестандартизованные методики, чтобы создать комплексный инструментарий, позволяющий изучить представления о добре и зле в их содержательном и структурном аспектах.

Этапы формирования методического инструментария

Первоначально была использована методика семантического дифференциала (СД) в классическом варианте Ч. Осгуда, позволяющая оценить характеристики добра и зла через пары противоположных прилагательных. Однако данная методика давала информацию только о восприятии этих категорий, но не раскрывала понимание и определения респондентами что есть категории добро и зло. Что в их понимании является добром, а что злом? В связи с этим была разработана авторская анкета, включающая 10 открытых вопросов. Проведенное пилотное исследование на выборке из 62 респондентов подтвердило, что сочетание СД с открытыми вопросами позволяет зафиксировать индивидуальные смысловые представления о добре и зле. Результаты исследования были опубликованы в двух статьях (Юмкина, Колхонен, Мироненко, 2023).

Следующим шагом стало расширение методического инструментария: в анкету были добавлены 11 закрытых вопросов, направленных на выявление

отношения к диаде добра и зла. В данной части опросника представлено 10 вопросов с фиксированными вариантами ответов, разработанными таким образом, чтобы определить три возможные этические позиции: восприятие добра и зла как взаимосвязанных явлений, их противопоставление или полное отсутствие связи между ними. Так была сформирована полная версия авторского опросника «Отношение к добру и злу».

Поскольку авторский опросник оставался нестандартизированным, в исследование были дополнительно включены три стандартизованные методики: семантический дифференциал (СД) Ч. Осгуда – для анализа восприятия добра и зла, опросник «Тёмная триада» (SD3) и Опросник «Светлая триада» (LTS) – для оценки характерологических черт, ассоциируемых с этическими ориентациями.

Эти методики оказались концептуально близки к целям исследования, так как в своей структуре предполагают диалектическую противопоставленность категорий (например, нарциссизм – гуманизм, макиавеллизм – кантианство), что логически согласуется с опросником.

Дополнительно в исследование были включены Самоактуализационный тест (CAT) и Шкала проактивности личности (Proactive Personality Scale). Эти методики использовались для проверки гипотезы о связи уровня самоактуализации и проактивности с отношением к взаимосвязи добра и зла. Предполагалось, что респонденты, воспринимающие добро и зло как взаимодополняющие категории, будут демонстрировать более высокий уровень самоактуализации и проактивности по сравнению с теми, кто рассматривает эти категории как взаимоисключающие. Таким образом, данные методики позволяли выявить характерологические особенности, связанные с различными этическими ориентациями.

Кроме того, в исследование был включен Личностный опросник Айзенка (EPI). Его использование носило двоякий характер. Во-первых, шкала лжи

применялась для выявления недостоверных ответов и исключения респондентов с тенденцией к социально желательным ответам. Во-вторых, тест позволял проверить, не объясняются ли выявленные группы базовыми личностными характеристиками, такими как экстраверсия и интроверсия. Это обеспечивало контроль за тем, чтобы выделенные категории респондентов действительно различались по отношению к диаде добра и зла, а не по другим личностным переменным.

Сбор данных

После получения одобрения этического комитета СПБПО, был организован сбор данных. Этический комитет одобрил исследовательскую процедуру, включая использование авторского опросника, стандартизованных методик и формата проведения исследования. Опрос был представлен в Google-форме, где, помимо тестовых методик, респонденты заполняли демографический раздел, включающий данные о возрасте, месте проживания и уровне образования. Перед началом прохождения опроса участники знакомились с формой информированного согласия, прикрепленной к опросу, подтверждая добровольное участие в исследовании.

Сбор данных проводился с марта 2024 по август 2024 года. Первоначально в исследовании приняли участие 234 респондента. Однако, поскольку культурные и социальные различия между регионами могут оказывать влияние на этическое восприятие (Акимова, 2017; Кузьмина, Оганезова, 2021), было принято решение сузить выборку до респондентов, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге и являющихся гражданами России. Такой подход позволил минимизировать влияние региональных различий и обеспечить однородность данных. В результате после отбора по региональному критерию в выборке осталось 208 респондентов.

После завершения сбора данных выборка была дополнительно проверена по шкале лжи Айзенка, что позволило выявить и исключить 37 респондентов,

давших недостоверные ответы. В итоговый анализ для проведения исследования были включены 170 респондентов.

2.3.1 Описание выборки исследования

В исследовании приняли участие 170 респондентов (72% женщины, 28% мужчины) в возрасте от 22 до 35 лет ($M = 27.3$, $SD = 3.5$), все с высшим образованием и постоянным местом жительства в Санкт-Петербурге. Отбор участников был случайным, анкетирование проводилось онлайн. При анализе выборки было установлено, что 32% респондентов — психологи, 44% — гуманитарии, остальные 24% работают в технической сфере. По семейному положению: 60% респондентов не состояли в отношениях, 30% — состояли в длительных отношениях, 10% — в браке. После разделения выборки на группы по профессиональной ориентации, семейному положению и другим переменным, статистическая обработка не выявила значимых различий по полу, возрасту, образованию или профессиональной направленности.

Все респонденты являются гражданами Российской Федерации и постоянно проживают в Санкт-Петербурге, что позволило нивелировать влияние регионально-культурных факторов, потенциально детерминирующих вариативность этических ориентаций.

Формирование выборки осуществлялось посредством случайного отбора: респонденты самостоятельно заполняли анкету в онлайн-формате (Google Forms), ссылка на которую распространялась в специализированных научных и образовательных сообществах, а также среди студентов факультета психологии СПбГУ. Данные об однородности выборки приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики выборки

Характеристика	Значение
Женщины	122 (72%)
Мужчины	48 (28%)
Средний возраст (M, SD)	27.3 (3.5) лет
Преобладающий возрастной диапазон	25–30 лет
Образование	100% высшее
Дисперсионный анализ (F, p)	$F(2, 167) = 1.23, p = 0.29$
Критерий Крускала-Уоллиса (H, p)	$H = 2.67, p = 0.12$

Была проведена проверка возможных систематических различий по ключевым демографическим параметрам (пол, возраст). Результаты дисперсионного анализа (ANOVA) показали отсутствие статистически значимых различий между группами ($F(2, 167) = 1.23, p = 0.29$). Дополнительно применён критерий Крускала-Уоллиса, который также не выявил значимых различий ($H = 2.67, p = 0.12$), что подтверждает однородность выборки и её репрезентативность.

2.4. Методы статистической обработки данных

Математическая обработка данных осуществлялась с применением статистического программного обеспечения Statistica и JASP. Для анализа данных использовались следующие методы:

2.4.1. Корреляционный анализ

В рамках исследования был проведён корреляционный анализ с использованием линейной корреляции Пирсона, направленный на изучение взаимосвязей между показателями опросников. Этот анализ позволил выявить статистически значимые связи между шкалами семантического дифференциала, тёмной триады и светлой триады

2.4.2. Факторный анализ

Факторный анализ применялся с целью уменьшения числа переменных (шкал методик). В факторном анализе были использованы данные из трех методик: семантический дифференциал, темная триада, светлая триада.

Для выявления латентной структуры переменных применялся эксплоративный факторный анализ (EFA) методом Principal Axis Factoring (PAF) с вращением Promax.

Выбор облигаторного вращения (Promax) обоснован тем, что включённые в анализ переменные, такие как шкалы «Тёмной» и «Светлой» триады, концептуально связаны друг с другом (Paulhus, Williams, 2002; Kaufman и др., 2019). Ортогональное вращение (Varimax) в данном случае не подходит, так как оно предполагает независимость факторов.

Обоснованность факторизации была подтверждена анализом Kaiser-Meyer-Olkin (КМО) = 0.686 и значимым тестом сферичности Bartlett's Test ($p < 0.001$).

Оптимальное количество факторов определено на основе метода параллельного анализа и графика осыпи (Scree Plot), предложившего трёхфакторное решение.

2.4.3. Кластерный анализ

Для выявления групп респондентов на основе полученных факторов был проведён иерархический кластерный анализ (Hierarchical Clustering) с последующей верификацией с помощью анализа различий между кластерами (ANOVA, Post Hoc тесты).

В качестве метрики расстояния использовано евклидово расстояние, а метод кластеризации – Ward.D, обеспечивающий компактные и интерпретируемые группы. Иерархическая кластеризация методом Ward.D была нами использована как оптимальная стратегия для выявления групп респондентов с различной этической позицией и характерологическими чертами. Количество кластеров ($n =$

4) было обосновано на основе BIC и AIC критериев, которые указывали на оптимальное разбиение при $k = 4$, дендрограммы и анализа внутрикластерной гетерогенности, а также теоретической интерпретации, согласно которой четыре кластера отражают разные стратегии восприятия добра, зла и личностных черт. Альтернативные модели с 3 и 5+ кластерами показали худшую интерпретируемость, что подтвердило целесообразность выбранного разбиения. Для проверки значимости различий между выделенными кластерами использовался однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), который позволил установить наличие статистически значимых различий между кластерами. Дополнительно были проведены Post Нос тесты (Tukey HSD), которые детализировали различия по каждому фактору, выявляя конкретные кластеры, между которыми наблюдаются значимые различия. Данный анализ позволил уточнить, какие именно кластеры демонстрируют выраженные различия в личностных характеристиках и этических позициях. Несмотря на умеренное значение Silhouette Score (0.280), подтверждающее относительную размытость границ кластеров, выявленные статистически значимые различия подтверждают валидность кластеризации.

2.4.4. Хи-квадрат тест

Для проверки ответов респондентов по опроснику "Отношение к добру и злу" применялся хи-квадрат тест, позволяющий выявить статистически значимые различия в ответах между выделенными кластерами. Данный метод использовался для анализа закрытых вопросов опросника, оценивая частоту выбора различных ответов респондентами на вопросы относительно взаимосвязи добра и зла.

2.4.5. Дисперсионный анализ для шкал САТ и PPS

В дополнение к вышеописанным методам, для анализа различий между выделенными кластерами по шкалам САТ и шкале проактивности (PPS) также использовался однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с последующей детализацией различий с помощью Post Нос тестов (Tukey HSD).

2.5. Основные этапы исследования

Исследование проводилось в несколько этапов:

Первый этап: Разработка инструментария. На данном этапе был создан авторский опросник "Отношение к доброму и злу", включающий открытые вопросы. Для проверки его валидности было проведено пилотное исследование, результаты которого легли в основу публикации. Этот этап обеспечил апробацию методики и позволил скорректировать её для дальнейшего использования.

Второй этап: Создание батареи методик и сбор данных. На этом этапе была окончательно сформирована батарея методик, включающая обновлённый опросник "Отношение к доброму и злу" (с открытыми и закрытыми вопросами). После завершения подготовки инструментария был организован сбор данных. По окончанию сбора данных была проведена проверка однородности выборки: исключены данные респондентов, не соответствующие заданным критериям, что позволило минимизировать влияние посторонних факторов и обеспечить корректность дальнейшего анализа.

Третий этап: Выделение групп респондентов. На данном этапе с помощью математических методов анализа были выявлены латентные структуры данных. Были использованы корреляционный анализ, факторный анализ и кластерный анализ. В результате были выделены четыре группы респондентов, различающихся по восприятию категорий добра и зла, а также по характерологическим особенностям.

Четвёртый этап: Сравнительный анализ групп по количественным показателям. На этом этапе была проведена проверка выделенных групп респондентов. В рамках данного этапа было выполнено сравнение групп по результатам опросника "Отношение к доброму и злу" (анализ закрытых вопросов) с применением хи-квадрат теста, а также дисперсионный анализ (ANOVA) по показателям самоактуализации (CAT) и проактивности (PPS) для выявления

значимых различий между группами. Кроме того, была проведена проверка на соответствие классическим типологиям личности с использованием теста Айзенка, чтобы убедиться, что выявленные группы не являются отражением типичного деления на экстравертов и интровертов и анализ демографических характеристик, подтверждающий статистическую незначимость различий по полу и возрасту.

На пятом этапе описаны группы респондентов, отличающиеся этическими позициями, имеющие свои представления о взаимосвязи добра и зла в человеке и обладающие своими характерологическими особенностями. Описаны возможные преимущества и недостатки выделенных позиций, сформулированы выводы и рекомендации.

2.6. Понятийный аппарат исследования

Для обеспечения понятийной строгости и единобразия формулировок ниже приводятся определения двух центральных понятий данного исследования — «представление» и «этическая позиция».

Этические представления о добре и зле — форма обыденного сознания (common sense knowledge), посредством которой осуществляется осмысление и упорядочивание социальной, материальной и идеальной реальности в категориях добра и зла, выступающих как полюса нравственного сознания в целостном единстве картины мира. Отражают отношение личности к категориям добра и зла. В нашем исследовании теоретически обоснованы и эмпирически показаны два типа этических представлений о добре и зле. При первом типе зло трактуется как отсутствие добра, возникающее вследствие его недостатка. Второй тип рассматривает добро и зло как автономные силы, находящиеся в сложном диалектическом взаимодействии.

Этическая позиция — это устойчивое системное образование, отражающее интегративное **представление** личности о категориях добра и зла с

характерологическими чертами и рассматриваемое в целостном единстве. Этическая позиция включает этические представления, но при этом не сводится к ним. В ее структуре также интегрированы характерологические особенности субъекта, взаимосвязанные с этическими представлениями. Эти компоненты не существуют изолированно: они взаимно обусловлены и складываются в неделимое целое, обладающее качествами, не сводимыми к сумме его частей. Эмпирически выявлены и описаны типологические варианты этической позиции, заданные двумя типами этических представлений и характерологическими чертами, сопряженными с активностью личности и ее про-социальной ориентированностью.

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Глава 3 посвящена анализу взаимосвязей между представлениями о добре и зле и характерологическими особенностями, описываемыми шкалами тёмной и светлой триад.

3.1. Результаты исследования характерологических особенностей личности, измеряемых тестами Темной и Светлой триад

В Таблица 1 приведены средние значения, стандартные отклонения, а также минимальные и максимальные показатели, полученные на нашей выборке по тестам Темной и Светлой триад.

Показатели по шкалам тёмной триады (макиавеллизм, нарциссизм, психопатия) варьируются от умеренных до высоких, при этом разброс по шкале нарциссизма наиболее выражен ($SD = 5.75$). Что касается шкал светлой триады, их средние значения оказались достаточно умеренными, а стандартное отклонение относительно невелико (SD в пределах 2.5–2.8), что потенциально может ограничивать силу корреляционных связей, выявляемых в дальнейшем анализе.

Таблица 1. Описательные статистики по шкалам тёмной и светлой триад

Шкала	Среднее (M)	Ст. отклонение (SD)	Мин.	Макс.
Шкала макиавеллизма	30.57	5.28	18	42
Шкала нарциссизма	24.87	5.75	13	40
Шкала психопатии	19.52	4.96	10	39
Вера в человечество	13.37	2.76	7	20
Гуманизм	15.48	2.56	8	20

Шкала	Среднее (M)	Ст. отклонение (SD)	Мин.	Макс.
Кантианство	15.15	2.48	8	20

Для определения и оценки взаимосвязи исследованных характерологических особенностей (показатели методик темной и светлой триад), был проведен корреляционный анализ с использованием линейной корреляции Пирсона (Приложение 2).

Анализ корреляций ожидаемо показал наличие положительных корреляций между шкалами как внутри тёмной триады, так и внутри светлой триады. В тёмной триаде шкалы макиавеллизма и психопатии имеют статистически значимую корреляцию ($r = 0,42, p < 0.001$), шкала нарциссизма коррелирует с психопатией ($r = 0,28, p < 0.001$). Однако корреляция между шкалой нарциссизма и шкалой макиавеллизма не достигает уровня статистической значимости ($r = 0,12, p = 0.128$). На рис.1 представлена корреляционная плеяда взаимосвязей показателей темной и светлой триад.

Корреляционная плеяда: триады

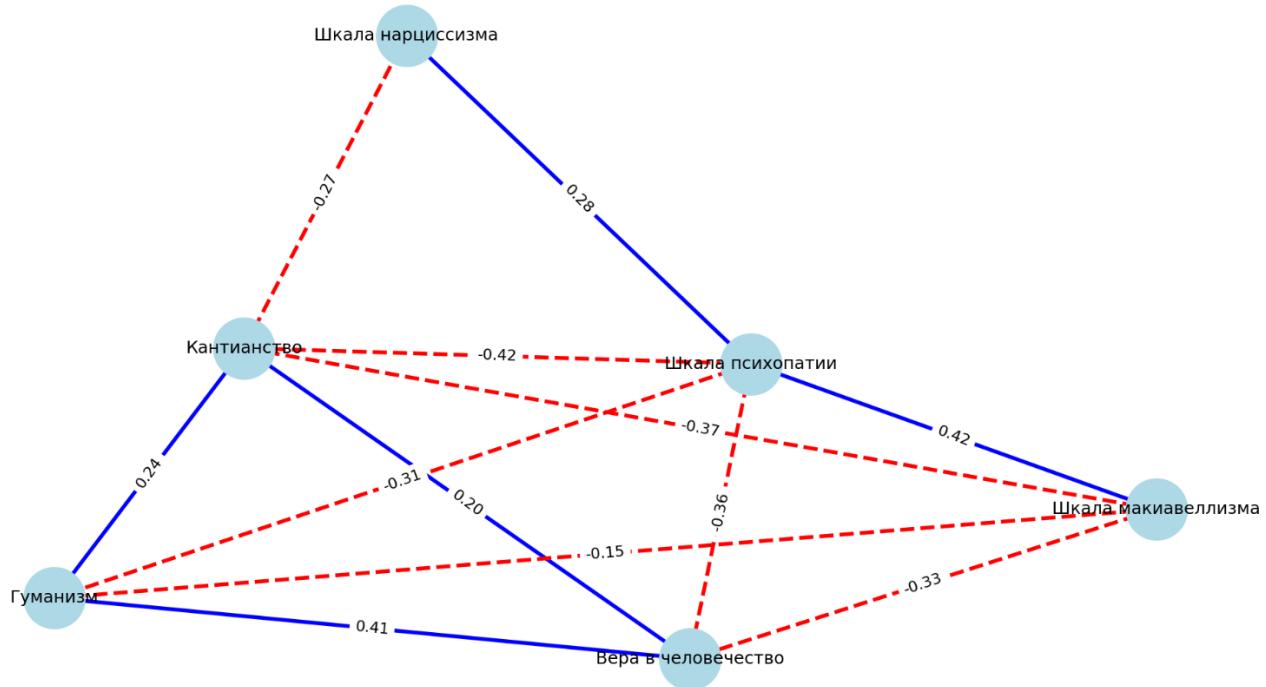

Рисунок 1. Корреляционные связи между шкалами тёмной и светлой триад

Примечание — Сплошные линии отображают положительные корреляционные связи, пунктирные линии — отрицательные

Внутри светлой триады все шкалы между собой демонстрируют статистически значимую положительную корреляцию. Шкала веры в человечество коррелирует с шкалой гуманизма ($r = 0,41$, $p < 0.001$) и с шкалой кантианства ($r = 0,20$, $p = 0.009$), в то время как гуманизм и кантианство коррелируют между собой на уровне ($r = 0,24$, $p = 0.002$). Эти данные подтверждают валидность использованных методик, поскольку положительные связи между чертами тёмной триады были зафиксированы в оригинальном исследовании на выборке из 245 студентов (Paulhus, Williams, 2002), а положительные корреляции между шкалами светлой триады были подтверждены в исследовании автора методики светлой триады С. Б. Кауфмана (Kaufman, 2019).

Шкалы, входящие в методики светлой и тёмной триады, демонстрируют между собой отрицательные корреляции. Такие противоположные по

содержанию шкалы, как макиавеллизм и кантианство, имеют статистически значимую обратную корреляцию ($r = -0,37$, $p < 0.001$), что представляется вполне ожидаемым, особенно если сопоставить утверждение, используемое в шкале макиавеллизма: «Почти всеми людьми можно манипулировать», и утверждение из шкалы кантианства: «Я склонен относиться к другим как к целям (видеть ценность в каждом), а не как к средствам для достижения своей цели».

Кроме того, шкала кантианства имеет отрицательные корреляции со всеми тремя чертами тёмной триады: макиавеллизмом ($r = -0,37$, $p < 0.001$), нарциссизмом ($r = -0,27$, $p < 0.001$) и психопатией ($r = -0,42$, $p < 0.001$). Шкала веры в человечество отрицательно коррелирует с макиавеллизмом ($r = -0,33$, $p < 0.001$) и психопатией ($r = -0,36$), а шкала гуманизма — с макиавеллизмом ($r = -0,15$, $p < 0.001$) и психопатией ($r = -0,31$, $p < 0.001$). В то же время шкала нарциссизма не демонстрирует отрицательных связей с шкалами веры в человечество ($r = 0,01$, $p = 0.862$) и гуманизма ($r = 0,06$, $p = 0.445$). Эти значения статистически незначимы, однако заслуживают внимания как обладающие положительным знаком, в отличие от других шкал тёмной триады.

3.2. Результаты эмпирического исследования представлений о добре и зле методом семантического дифференциала

В таблице 2 представлены средние значения, стандартные отклонения, а также минимальные и максимальные показатели, полученные на нашей выборке

Таблица 2. Описательные статистики по СД

Шкала	Среднее (M)	Ст. отклонение (SD)	Мин.	Макс.
Оценка_Добро	57.21	7.84	34	70
Сила_Добро	30.27	4.79	20	43
Активность_Добро	30.11	4.30	21	41
Оценка_Зло	31.05	11.60	11	56

Шкала	Среднее (M)	Ст. отклонение (SD)	Мин.	Макс.
Сила_Зло	28.44	6.07	14	42
Активность_Зло	29.46	5.30	19	43

Результаты корреляционного анализа показателей семантического дифференциала показали обратную корреляцию между оценкой добра и оценкой зла ($r = -0,68$, $p < 0.001$) — это самая сильная выявленная связь в данном анализе. Корреляция между силой и активностью зла ($r = 0,39$, $p < 0.001$). Корреляция между силой добра и активностью добра ($r = 0,34$, $p < 0.001$). Корреляция между оценкой добро и силой добро ($r = 0,23$, $p = 0.002$). Все корреляции по модальностям внутри объекта зло имеют между собой положительные значимые корреляции на уровне $p < 0.05$ (Рис.1).

Корреляционная плеяда: семантический дифференциал (с выделением сильнейшей связи)

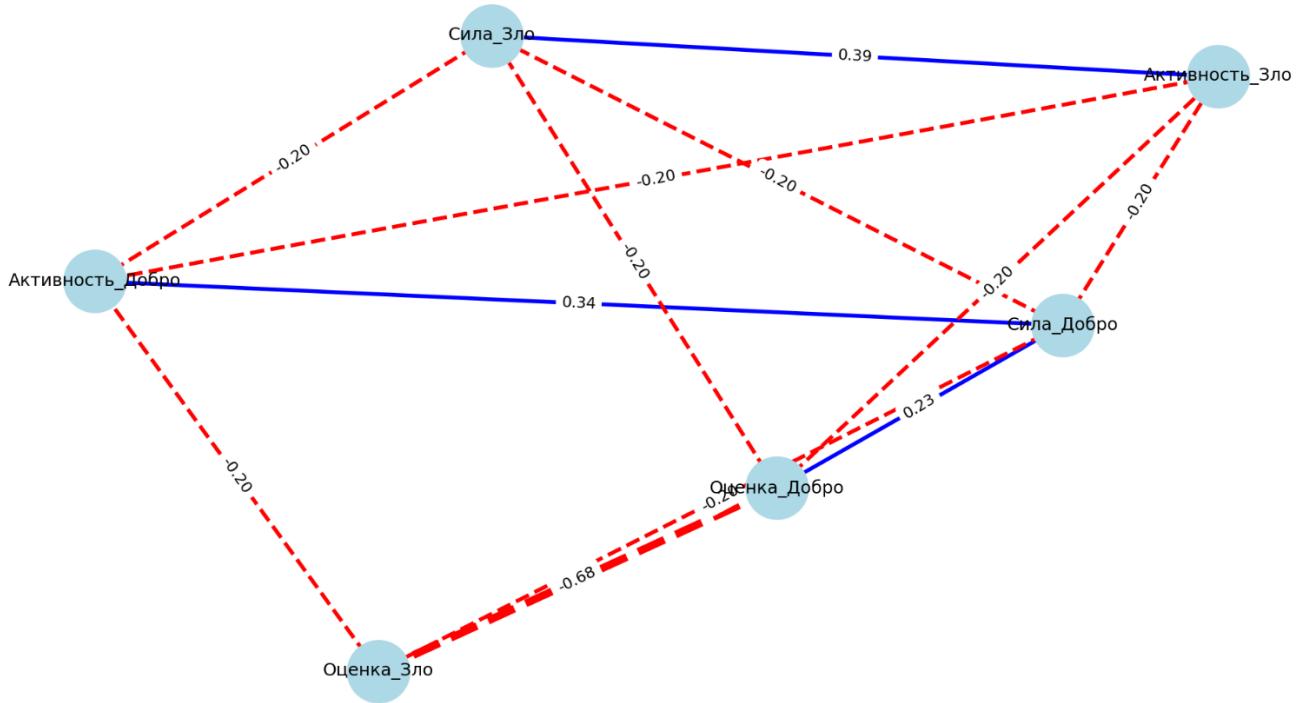

Рисунок 2. Корреляционные связи между модальностями семантического дифференциала (доброта и зло)

Примечание 1 – Сплошные линии отображают положительные корреляционные связи, пунктирные линии — отрицательные

Примечание 2 – Жирной пунктирной линией выделена наименьшая отрицательная корреляция между оценкой добра и зла ($r = -0,68$)

Все модальности в объекте «доброта» (оценка, сила и активность) имеют обратные статистически значимые корреляции ($p < 0.05$) с соответствующими модальностями объекта «зло». Полученные данные указывают на то, что модальности, описывающие добро, в целом имеют более высокие средние значения, чем модальности зла. При этом шкала «Оценка Зло» демонстрирует

наибольшую вариативность ($SD = 11.60$), что может свидетельствовать о разнородности восприятия зла в выборке.

3.3. Исследование взаимосвязей между модальностями СД и чертами личности (триадами)

Корреляционный анализ между показателями семантического дифференциала и шкалами тёмной триады и светлой триады показал, что: оценка добра положительно коррелирует со шкалой вера в человечество ($r = 0,28$, $p < 0.001$), со шкалой гуманизм ($r = 0,26$, $p < 0.001$), со шкалой кантианство ($r = 0,27$, $p < 0.001$). Также оценка добра отрицательно коррелирует со шкалой макиавеллизм ($r = -0,22$, $p < 0.001$) и со шкалой психопатия ($r = -0,34$, $p < 0.001$), и положительно коррелирует со шкалой нарциссизма, но не на уровне статистической значимости ($r = 0,06$, $p = 0.453$). На рис.3 представлена корреляционная плеяда.

Плеяда: модальности СД и черты тёмной/светлой триады

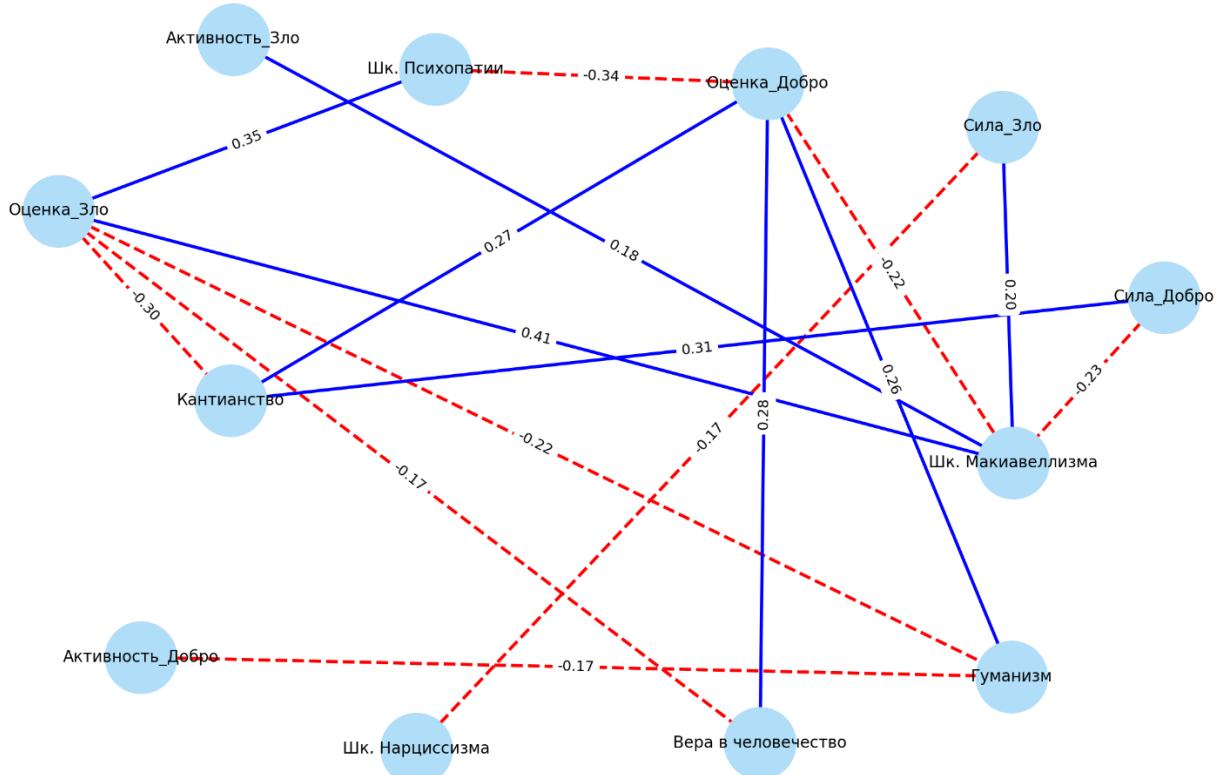

Рисунок 1. Взаимосвязи модальностей СД с чертами тёмной и светлой триад

Примечание — Сплошные линии отображают положительные корреляционные связи, пунктирные линии — отрицательные

Модальность сила по объекту «добрь» отрицательно коррелирует со шкалой макиавелизма ($r = -0,23$, $p = 0.004$) и положительно коррелирует со шкалой кантианства ($r = 0,31$, $p < 0.001$). Активность по объекту «добрь» имеет только одну статистически значимую корреляцию — со шкалой гуманизма ($r = -0,17$, $p = 0.026$).

Оценка зла имеет положительную статистически значимую корреляцию со шкалой макиавелизма ($r = 0,41$, $p < 0.001$) и со шкалой психопатии ($r = 0,35$, $p < 0.001$). А также отрицательные статистически значимые корреляции со всеми тремя шкалами теста «Светлая триада»: со шкалой вера в человечество ($r = -0,17$, $p = 0.030$), гуманизм ($r = -0,22$, $p = 0.005$), кантианство ($r = -0,30$, $p < 0.001$). Сила зла положительно коррелирует со шкалой макиавелизма ($r = 0,20$, $p = 0,022$) и отрицательно коррелирует со шкалой нарциссизма ($r = -0,17$, $p = 0,046$). Последняя корреляция выбивается из общей тенденции, в которой объект «зло» положительно коррелирует с чертами тёмной триады. Активность зла статистически значимо коррелирует только со шкалой макиавелизма ($r = 0,18$, $p = 0,022$). Отметим интересный момент: модальность “активность” в обоих объектах имеет только одну значимую корреляцию. В объекте “добрь” — это отрицательная корреляция с гуманизмом, а в объекте “зло” — положительная корреляция с макиавелизмом. В целом корреляционный анализ ожидаемо показал значимую согласованность шкал внутри каждой методики, а также отрицательную корреляцию между объектами “добрь” и “зло” в семантическом дифференциале.

3.4. Факторный анализ показателей семантического дифференциала представлений о добре и зле и показателей темной и светлой триад

Для сокращения числа переменных и выявления латентных факторов, описывающих взаимосвязь этических представлений о категориях добра и зла с

показателями тёмной и светлой триады, был проведён исследовательский факторный анализ (EFA). В анализе использованы данные 170 респондентов.

В качестве метода факторизации использовался Principal Axis Factoring (PAF) с обликоным вращением Promax. Данный выбор обоснован тем, что шкалы, которые используются в факторной модели эмпирически и теоретически не являются строго независимыми. Например, черты "Тёмной триады" (махиавеллизм, нарциссизм, психопатия) положительно коррелируют между собой (Paulhus, Williams, 2002), аналогично, шкалы "Светлой триады" (кантианство, гуманизм и вера в человечество) демонстрируют внутреннюю согласованность (Kaufman и др., 2019). Показатели семантического дифференциала (оценка, сила, активность) также взаимосвязаны и формируют сложную структуру представлений доброе и злое. Таким образом корреляции между выделяемыми факторами является более реалистичным, чем допущение их полной независимости. В отличие от ортогональных методов (например, Varimax), которые принудительно делают факторы независимыми, обликоный метод (Promax) допускает наличие корреляций между ними, что позволяет избежать искажений в структуре данных (Gorsuch, 1983; Tabachnick, Fidell, 2019). Если в реальных данных факторы оказываются независимыми, коэффициенты их корреляции будут близки к нулю, фактически превращая модель в ортогональную. Наш выбор метода ротации соответствует теоретическим предпосылкам исследования и данным корреляционного анализа. Поскольку в настоящей работе предполагается, что изучаемые личностные черты и оценки по шкалам СД могут образовывать связанные кластеры, применение обликоного вращения позволяет получить структуру, которая максимально отражает реальные взаимоотношения между переменными (Cattell, 1978).

Определение числа факторов проводилось на основе графика осьпи (Scree Plot) и параллельного анализа (График 1). На графике чётко прослеживается точка перегиба после третьего фактора, что свидетельствует о наличии трёх устойчивых латентных факторов. Данное решение также было подтверждено методом

параллельного анализа, в котором собственные значения (eigenvalues) эмпирических данных превышали значения, полученные для случайных данных. Таким образом, выбор трёхфакторной модели оказался статистически обоснованным.

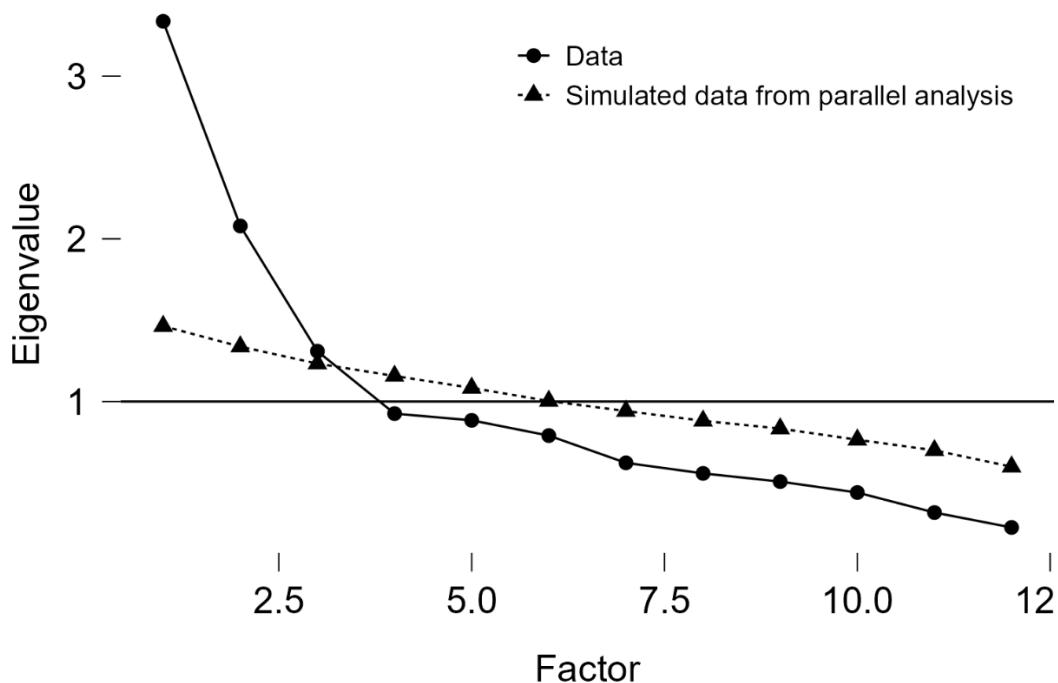

График 1. Scree plot (график каменистой осьпи) с результатами параллельного анализа.

Полученная трёхфакторная модель объясняет 51% дисперсии, что соответствует существующим стандартам факторного анализа в гуманитарных науках. Согласно исследованиям (Costello, Osborne, 2005; Williams и др., 2010; Tabachnick, Fidell, 2019), модели с объяснённой дисперсией в диапазоне 50-60% широко используются и считаются приемлемыми для интерпретации психологических данных.

Для оценки пригодности данных к факторному анализу были проведены Kaiser-Meyer-Olkin (КМО) тест на соответствие выборки и Bartlett's Test of Sphericity (Таблица 3).

Таблица 3. Значения индекса пригодности выборки по критерию Kaiser–Meyer–Olkin

<i>Kaiser-Meyer-Olkin Test</i>	
	MSA
Overall MSA	0.686
Оценка_Добро	0.672
Сила_Добро	0.790
Активность_Добро	0.521
Оценка_Зло	0.696
Сила_Зло	0.770
Активность_Зло	0.638
Шкала макиавеллизма	0.647
Шкала нарциссизма	0.511
Шкала психопатии	0.766
Вера в человечество	0.692
Гуманизм	0.650
Кантианство	0.731

Значение общего КМО составило 0.686, что свидетельствует о приемлемом уровне адекватности выборки для факторизации. Согласно классификации, Кайзера (Kaiser, 1974), значения от 0.6 до 0.7 указывают на удовлетворительное соответствие данных требованиям факторного анализа. Индивидуальные показатели КМО для переменных варьируются от 0.511 до 0.790, что подтверждает их допустимость для включения в модель. Значение $\chi^2 = 560.651$, $df = 66$, $p < 0.001$ свидетельствует о статистически значимом отклонении от

единичной корреляционной матрицы. Переменные демонстрируют достаточную связанность, что подтверждает оправданность применения факторного анализа. Результаты предварительных тестов подтверждают адекватность выборки и обоснованность проведённой факторизации. Дополнительно для проверки соответствия модели был проведён хи-квадрат тест ($\chi^2 = 114.308$, $df = 33$, $p < 0.001$), который также подтвердил статистическую значимость факторной структуры.

3.4.1 Интерпретация факторов

Выявленные факторы отражают ключевые латентные структуры, определяющие представление о добре и зле и их взаимосвязи с характеристиками личности. Для интерпретации факторов были проанализированы факторные нагрузки, которые демонстрируют, какие переменные в наибольшей степени связаны с каждым из выделенных факторов (Таблица 4).

Таблица 4. Матрица факторных нагрузок переменных

	<i>Factor Loadings</i>			
	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Uniqueness
Гуманизм	0.651			0.653
Вера в человечество	0.596			0.683
Оценка_Добро	0.567			0.545
Оценка_Зло	-0.477	0.527		0.353
Шкала психопатии	-0.464		0.472	0.472
Шкала макиавеллизма	-0.390			0.670
Активность_Зло		0.656		0.581
Сила_Зло		0.641		0.580
Сила_Добро		-0.569		0.617
Активность_Добро		-0.561		0.691
Шкала нарциссизма			0.684	0.644
Кантианство			-0.518	0.553

Примечание — В таблице приведены факторные нагрузки переменных по результатам факторного анализа с варимакс-ротацией. Значения отражают степень связи каждой переменной с выделенными факторами. Столбец Uniqueness показывает долю уникальной дисперсии.

1. Первый фактор: *Принятие добра*

Высокие положительные факторные нагрузки по шкалам «Гуманизм» (0.651), «Вера в человечество» (0.596) и «Оценка добра» (0.567) указывают на

целостную позитивную картину мира человека, его моральные качества и стремление к высшим нравственным идеалам.

Так, понятие гуманизма предполагает уважение к человеческому существу как к самоценной личности, обладающей правом на свободу, развитие и самоопределение (Maslow, 1968; Fromm, 1955). В гуманистической парадигме добро мыслится не как внешняя норма, а как внутренне переживаемая направленность на уважение, эмпатию и признание другого. В данном контексте гуманизм выражает принятие другого как такового — без условий, с признанием его ценности (*отсылка к шкале «Гуманизм»*).

Вера в человечество, как отмечал Э. Фромм в работах по социальной психологии (1947), представляет собой установку, основанную на базовом доверии к людям, убеждённости в их способности к сотрудничеству, доброжелательности и нравственной устойчивости. Это можно рассматривать как проекцию принятия на социальную группу: если гуманизм — это принятие индивидуального человека, то вера в человечество — это принятие группы как морального агента (*отсылка к шкале «Вера в человечество»*). Оценка добра в рамках семантического дифференциала (0.567) указывает не только на когнитивную категоризацию, но и на аффективно-ценностную вовлечённость. Высокая оценка добра предполагает интеграцию этих представлений в самооценочные и мировоззренческие структуры. Исследования в области лексических моделей личности показывают, что такие установки коррелируют с личностной зрелостью и нравственной интеграцией (Osgood et al., 1957; Saucier, 1994) (*отсылка к шкале «Оценка добра»*).

Представляется, что данный фактор отражает не просто согласие с тем, что добро существует, а вовлечённость в добро как ценностный выбор, доверие к нравственным потенциалам личности и человечества. Это позволяет интерпретировать фактор как латентную конструкцию «Принятие добра», понимаемую не в pragматическом, а в экзистенциально-нравственном смысле —

как внутреннюю готовность признавать ценности, достоинства и человеческую природу как значимые ориентиры в отношениях с собой и другими. Важно подчеркнуть, что термин «принятие» здесь не выведен из названия какой-либо шкалы, но отражает смысловую и этическую логику конструкции фактора, где объединяются морально-ценостные установки. Это делает его понятийно нагруженным и укоренённым в гуманистической традиции психологического анализа.

Таким образом наша интерпретация 1 фактора как «Принятие добра» концептуально согласуется с гуманистической теорией личности и может быть рассмотрена как основание для дальнейшего анализа этических позиций респондентов.

2. Второй фактор: *Принятие зла*

Второй фактор объединяет переменные, связанные с представлением зла как, обладающего характеристиками силы, активности и оценочной значимости. Высокие положительные нагрузки по шкале «Активность зла» (0.656), «Сила зла» (0.641), а также шкале «Оценка зла» (0.527) указывают на сложное и многомерное восприятие феномена зла. Такой паттерн интерпретируется как латентная установка, отражающая признание зла как реальной и значимой части человеческого опыта, а не как абстрактного или исключительно отвергаемого конструкта.

Семантический дифференциал как метод (Osgood, Suci & Tannenbaum, 1957) позволяет оценивать не содержание объекта, а аффективно-смысловое отношение к нему, выраженное по трём основным шкалам: оценка (добро–зло), сила (слабый–сильный) и активность (пассивный–активный). Применённый к понятию «зло», данный инструмент позволяет реконструировать отношение испытуемого к злу не только как к деструктивному, но и как к влиятельному, сильному и динамичному началу, способному оказывать воздействие в межличностной и социальной сферах.

Важно отметить, что выбор объекта «зло» в качестве мишени оценки делает модель уникальной: большинство исследований, использующих семантический дифференциал, не фокусируются на этических категориях как на самостоятельных объектах. Это придаёт исследованию новизну и требует аккуратной философско-психологической интерпретации. В частности, философские традиции (Агулов, 2004; Ricoeur, 1986) указывают, что зло может восприниматься не только как противоположность добра, но и как структурный элемент человеческого существования — неотъемлемая часть морального поля, с которой приходится иметь дело, даже если её не одобряют.

Интерпретация данного фактора как «Принятие зла» не означает оправдание или позитивное отношение к злу. Скорее, речь идёт о когнитивной и экзистенциальной установке, в рамках которой человек признаёт существование зла, его силу, активность и влияние. Такая установка может включать в себя амбивалентность: с одной стороны — критическое восприятие, с другой — признание его реальности и значимости как силы, действующей в мире и в межличностных отношениях.

Этот фактор, следовательно, представляет собой феномен принятия деструктивного как онтологического элемента, включённого в структуру жизни и психики. Он может интерпретироваться в терминах интеграции теневой стороны (Jung, 1959), а также пониматься в логике моральной зрелости как готовность видеть и осмысливать зло, не редуцируя его к злу абсолютному, подлежащему тотальному изгнанию (Бодрияр, 2021)

3. Третий фактор: *Тёмная диада*

Третий фактор представлен высоким положительным вкладом шкалы «Нарциссизм» (0.684), умеренным положительным вкладом шкалы «психопатия» (0.472) и высоким вкладом «нарциссизма» (0.684), а также отрицательной нагрузкой шкалы «Кантианство» (-0.518), что позволяет охарактеризовать его как «Тёмную диаду» — в отличие от классической тёмной триады, макиавеллизм здесь представлен минимально. Данный фактор отражает проявления антисоциальных черт, при этом акцент смещён в сторону грандиозного восприятия себя и отсутствия эмпатии. Интересной особенностью является отрицательная нагрузка по шкале «Кантианство», что может свидетельствовать об исключении универсальных моральных принципов и об отказе от морали как основы взаимодействия. Этот фактор, возможно, мог бы отчасти описывать личность, склонную к самовозышению, доминированию и агрессивному поведению при отсутствии внутреннего морального регулятора. Образ стратегически ориентированного, но беспринципного субъекта, движимого самолюбием и властью.

По нашему мнению, выявленные факторы совмещающие этические представления и характерологические особенности, могут быть рассмотрены как индикаторы различных этических позиций. В частности, сочетание первого и второго факторов отражает возможность существования представлений, в рамках которых добро и зло противопоставляются, но это происходит разными способами. Это позволяет предположить наличие как минимум двух этических позиций:

Первая этическая позиция исходит из идеи взаимосвязанности и синergии добра и зла, в рамках которой зло не исключается, а воспринимается как необходимый и осмысленный элемент этического поля. В такой позиции акцент делается на диалектическом взаимодействии этих категорий, где зло может выполнять не только деструктивную, но и трансформирующую функцию. В

дальнейшем тексте мы будем называть ее диалектической этической позицией подразумевая это описание.

Вторая этическая позиция характеризуется стремлением к устраниению зла, рассматривая его как не имеющего самостоятельной ценности и не способствующего усилению добра. Эта позиция представляет собой стремление к жёсткому разграничению моральных полюсов и отказу от признания функциональности зла в нравственной структуре личности. Её отличает ориентация на чёткие этические границы и исключение возможности оправдания зла. В дальнейшем тексте мы будем называть ее нормативной этической позицией подразумевая это описание.

Для эмпирической проверки предположения о существовании различных этических позиций на следующем этапе исследования будет проведён кластерный анализ. Он позволит выявить устойчивые группы респондентов с различными сочетаниями факторных весов и определить, какие комбинации этических представлений и характерологических черт наиболее характерны для различных этических позиций.

3.5 Кластерный анализ и описание полученных групп респондентов

Исследование этических позиций личности потребовало выявления устойчивых групп респондентов с различными представлениями о взаимосвязи добра и зла. Для этого была применена кластеризация, что позволило структурировать данные и выделить латентные группы на основе полученных факторов. Использование кластерного анализа обусловлено необходимостью эмпирической проверки теоретически описанных двух типов представлений о взаимосвязи добра и зла, а также выявления их связи с характерологическими особенностями. Далее проводится описание методологического обоснования выбора метода кластеризации, характеристик выделенных кластеров и проверки статистической значимости различий между ними.

3.5.1 Выбор метода кластеризации и оценка качества модели

Для выявления групп респондентов на основе восприятия добра, зла и личностных характеристик был проведён иерархический кластерный анализ с последующей верификацией с помощью многомерного дисперсионного анализа (MANOVA) и анализа различий между кластерами (ANOVA, Post Нос тесты). В качестве метрики расстояния использовано евклидово расстояние, а метод кластеризации – Ward.D, обеспечивающий компактные и интерпретируемые группы.

Перед окончательным выбором метода кластеризации было проведено предварительное тестирование алгоритма К-средних (K-means), в рамках которого респонденты были разделены на четыре кластера, исходя из теоретических предпосылок. Однако этот метод продемонстрировал значительные ограничения. Во-первых, наблюдался выраженный дисбаланс численности кластеров: из 170 респондентов один кластер включал 60 человек, тогда как другой содержал всего 18 респондентов. Это свидетельствует о том, что K-means стремится минимизировать внутрикластерную дисперсию, но не учитывает сложные структурные особенности данных. Во-вторых, метод К-средних предполагает чёткие границы между кластерами, тогда как в психологических исследованиях, особенно в сфере моральных представлений, границы между группами, как правило, размыты. Вследствие этого K-means не позволял корректно отразить сложную структуру восприятия добра и зла. Данные выводы согласуются с результатами предыдущего исследования (Колхонен, Мироненко, 2025).

Выбор четырёх кластеров был обоснован критериями AIC (238.73) и BIC (276.36), которые показали, что разбиение на четыре группы является наиболее информативным. При этом альтернативная модель с 3 кластерами показала хуже различимые группы, а модель с 5+ кластерами привела к избыточной сегментации, снижающей интерпретируемость данных.

Внутрикластерная гетерогенность распределилась сбалансированно, что позволило получить интерпретируемую модель (таблица 5). Коэффициент детерминации (R^2) = 0.576 означает, что 57.6% общей дисперсии объясняется выделенными кластерами. Данный показатель является приемлемым, хотя не идеальным, и указывает на наличие устойчивой кластерной структуры. Silhouette Score = 0.280 свидетельствует о том, что границы между кластерами являются размытыми. Однако низкое значение силуэтного коэффициента не является критическим недостатком в данном исследовании, так как этические категории добра и зла не обладают жёсткими границами, а представляют собой континуум, и небольшая размытость границ кластеров вполне ожидаема.

Таблица 5. Сводные показатели модели иерархической кластеризации

Clusters	N	R^2	AIC	BIC	Silhouette
4	170	0,576	238,73	276,36	0,28

Дополнительно, оценка характеристик кластеров показала, что размер групп варьируется от 20 до 64 респондентов, что свидетельствует о сбалансированном распределении выборки. Объяснённая доля внутрикластерной гетерогенности указывает на различную степень вариативности внутри кластеров: для первого и второго кластеров этот показатель составляет 0.342 и 0.339 соответственно, что отражает их более высокую однородность, тогда как третий и четвёртый кластеры демонстрируют большую внутреннюю вариативность (0.186 и 0.133). Внутрикластерная сумма квадратов (WSS) указывает на степень схожести респондентов внутри каждого кластера: наибольшие значения (73.346 и 72.770) наблюдаются в первых двух кластерах, в то время как у третьего и четвёртого они

значительно ниже (40.029 и 28.582), что может свидетельствовать о большей специфичности этих групп. Коэффициент силуэтного анализа показывает, что различие между кластерами варьируется, при этом самые чёткие границы наблюдаются у третьего и четвёртого кластеров (Silhouette Score = 0.321 и 0.317 соответственно), тогда как первые два демонстрируют более размытые границы (0.280 и 0.242), что, однако, ожидаемо в контексте изучаемых моральных ориентаций. Анализ общей и межкластерной дисперсии дополнительно подтверждает качество выделенной кластерной структуры. Общая сумма квадратов (Total Sum of Squares) составляет 507, что отражает общий уровень вариативности данных. Межкластерная сумма квадратов (Between Sum of Squares) составляет 292.27, что свидетельствует о том, что значительная часть общей вариативности объясняется различиями между выделенными группами (Таблица 6).

Таблица 6. Сводные характеристики кластерной модели

Cluster	Size	Explained proportion within-cluster heterogeneity	Within sum of squares	Silhouette score
1	62	0,342	73,346	0,28
2	64	0,339	72,77	0,242
3	24	0,186	40,029	0,321
4	20	0,133	28,582	0,317

Примечание — Межкластерная сумма квадратов 4-кластерной модели составляет 292,27. Общая сумма квадратов — 507.

3.5.2 Описание кластеров

В результате кластерного анализа были выделены четыре группы респондентов, различающиеся по выраженности факторов принятия добра, принятия зла и тёмной диады (таблица 7).

Таблица 7. Средние значения факторов в кластерах
(принятие добра, принятие зла и тёмная диада)

Кластер	Принятие добра	Принятие зла	Тёмная диада
Cluster 1	0,396	0,330	-0,827
Cluster 2	-0,093	-0,258	0,512
Cluster 3	-1,476	1,189	1,402
Cluster 4	0,841	-1,625	-0,759

Первый кластер характеризуется умеренно положительными значениями фактора принятия добра ($M = 0.396$) и принятия зла ($M = 0.330$), что отражает готовность респондентов принимать обе категории как допустимые. При этом данный кластер демонстрирует отрицательное значение по фактору тёмной диады ($M = -0.827$), что указывает на низкую выраженность тёмных личностных черт, таких как нарциссизм и психопатия. Таким образом, респонденты, попавшие в данную группу, склонны к признанию диалектической взаимосвязи категорий добра и зла, но при этом характеризуются низким уровнем манипулятивности и антисоциальных установок.

Второй кластер демонстрирует незначительно отрицательные значения факторов принятия добра ($M = -0.093$) и принятия зла ($M = -0.258$), что указывает на дистанцированное отношение к моральным категориям. . Однако по фактору тёмной диады ($M = 0.512$) значения оказываются положительными, что свидетельствует о

более высокой, по сравнению с первым кластером, выраженности нарциссизма и психопатии. Эти респонденты могут отличаться прагматичным подходом к вопросам морали и менее выраженной этической рефлексией.

Третий кластер характеризуется наиболее выраженной отрицательной ориентацией на принятие добра ($M = -1.476$), при этом значения принятия зла ($M = 1.189$) являются наибольшими среди всех кластеров. Данный результат свидетельствует о группе респондентов, склонных к оправданию зла как социального явления или его инструментальному использованию. В то же время, высокая положительная оценка тёмной диады ($M = 1.402$) указывает на выраженные антисоциальные тенденции, что позволяет охарактеризовать данный кластер как группу с ярко выраженной тёмной диадой личностных черт которая принимает зло и возможно использует его.

Четвёртый кластер имеет наиболее высокие значения по фактору принятия добра ($M = 0.841$) и, напротив, наиболее низкие по фактору принятия зла ($M = -1.625$). Это свидетельствует о наличии группы респондентов, которые выраженно отвергают зло как допустимую концепцию и ориентируются на строго позитивную моральную модель. Мы предполагаем, что эта группа привержена первой этической позиции. Данный кластер также демонстрирует отрицательное значение тёмной диады ($M = -0.759$), что указывает на низкую выраженность манипулятивных и эгоцентричных черт личности.

Полученные результаты указывают, что этические представления и характерологические черты респондентов формируют четыре различающихся группы, отражающие различные этические позиции личности — от диалектического восприятия добра и зла до выраженного неприятия одной из категорий, сопровождающиеся различной степенью нарциссизма, психопатии, гуманизма и веры в человечество. Эти различия подлежат дальнейшему уточнению с помощью дисперсионного анализа, который позволит выявить статистически значимые различия между данными группами.

3.5.3 Проверка значимости различий между кластерами

Для каждого из факторов (Принятие добра, Принятие зла, Тёмная диада) был проведён однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с целью проверки статистически значимых различий между кластерами (таблицы 8).

Таблица 8. Результаты однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) по факторам: принятие добра, принятие зла и тёмная диада

Фактор	df (группы, остаток)	F	p	η^2	M (Кл.1)	M (Кл.2)	M (Кл.3)	M (Кл.4)
Принятие добра	3, 166	37.823	<.001	0.454	0.351	-0.082	-1.307	0.744
Принятие зла	3, 121.597	82.870	<.001	0.578	0.292	-0.228	1.052	-1.437
Тёмная диада	3, 64.685	107.220	<.001	0.697	-0.672	0.416	1.140	-0.617

Примечание — Представлены значения F-критерия, степени свободы, уровня значимости (p), величины эффекта (η^2), а также средние значения факторов по каждому кластеру.

Анализ различий по фактору Принятие добра показал статистически значимый эффект принадлежности к кластеру, $F(3, 166) = 37.823$, $p < .001$, $\eta^2 = 0.454$. Данный показатель объясняет 45.4% дисперсии, что свидетельствует о выраженном различии между группами. Средние значения демонстрируют, что наиболее высокие уровни принятия добра характерны для респондентов четвёртого кластера ($M = 0.744$), тогда как третья группа демонстрирует наименьшее значение данного фактора ($M = -1.307$). В первом и втором кластерах наблюдаются промежуточные значения, при этом у первого кластера ($M = 0.351$) данный показатель выше, чем у второго ($M = -0.082$).

Данные результаты подтверждают различия в моральных ориентациях выделенных кластеров.

При анализе фактора Принятие зла также выявлены статистически значимые различия между кластерами, $F(3, 121.597) = 82.870$, $p < .001$, $\eta^2 = 0.578$. В данном случае различия между кластерами оказываются ещё более выражеными, поскольку 57.8% дисперсии объясняется принадлежностью к группе. Наиболее высокий уровень принятия зла наблюдается у третьего кластера ($M = 1.052$), что соответствует его высокой терпимости к морально неоднозначным или антисоциальным практикам. В то же время наиболее низкие значения данного фактора зафиксированы у четвёртого кластера ($M = -1.437$), что свидетельствует о его явной ориентации на моральную неприемлемость зла. Первый и второй кластеры занимают промежуточные позиции, но второй кластер ($M = -0.228$) демонстрирует более сдержанную позицию по отношению к злу по сравнению с первым кластером ($M = 0.292$) (таблица 8).

Фактор Тёмная диада также продемонстрировал значимые различия между группами, $F(3, 64.685) = 107.220$, $p < .001$, $\eta^2 = 0.697$, что означает, что данный фактор объясняет 69.7% дисперсии, что является наибольшим значением среди всех показателей. Наивысшие значения тёмной диады зафиксированы у третьего кластера ($M = 1.140$), что свидетельствует о высоком, нарциссизме и психопатии. Наиболее низкие показатели наблюдаются у первого ($M = -0.672$) и четвёртого кластеров ($M = -0.617$), что подтверждает их низкую склонность к манипулятивному и эгоцентричному поведению. Интересно, что второй кластер демонстрирует положительное значение ($M = 0.416$), что свидетельствует о его умеренно выраженной предрасположенности к данным личностным чертам ((таблица 8)).

Таким образом, проведённый анализ подтвердил статистически значимые различия между кластерами по всем трём факторам. Следующим этапом является уточнение различий с помощью Post Нос тестов (Tukey HSD).

Анализ попарных различий между кластерами (Post Нос тесты, Tukey HSD)

Для углубленного различия между кластерами был проведён Post Нос тест (Tukey HSD), который позволил определить, между какими группами наблюдаются статистически значимые различия по каждому из факторов (Таблица 9).

Таблица 9. Обобщённая таблица Post Нос тестов (Tukey HSD) для факторов принятия добра, принятия зла и тёмной диады

Фактор	Кластеры	Mean Difference	Cohen's d	p(Tukey HSD)	** p < .01,
*** p < .001					
Принятие добра	1 vs 2	0.433	0.656	0.002	**
Принятие добра	1 vs 3	1.658	2.510	<.001	***
Принятие добра	1 vs 4	-0.394	-0.596	0.098	
Принятие добра	2 vs 3	1.225	1.855	<.001	***
Принятие добра	2 vs 4	-0.827	-1.252	<.001	***
Принятие добра	3 vs 4	-2.051	-3.107	<.001	***
Принятие зла	1 vs 2	0.520	0.897	< .001	***
Принятие зла	1 vs 3	-0.760	-1.310	< .001	***
Принятие зла	1 vs 4	1.729	2.983	< .001	***
Принятие зла	2 vs 3	-1.280	-2.207	< .001	***
Принятие зла	2 vs 4	1.210	2.086	< .001	***
Принятие зла	3 vs 4	2.489	4.293	< .001	***
Тёмная диада	1 vs 2	-1.089	-2.412	< .001	***
Тёмная диада	1 vs 3	-1.813	-4.016	< .001	***
Тёмная диада	1 vs 4	-0.055	-0.122	0.965	
Тёмная диада	2 vs 3	-0.724	-1.604	< .001	***
Тёмная диада	2 vs 4	1.034	2.290	< .001	***
P-value and confidence intervals adjusted for comparing a family of 4 estimates (ci for mean difference corrected using the tukey method; ci for effect size corrected using the bonferroni method).					

Примечание — Значения p-value и доверительных интервалов скорректированы с использованием метода Тьюки (Tukey) для различий средних и метода Бонферрони (Bonferroni) для поправки эффекта размера.

P-value and confidence intervals adjusted for comparing a family of 4 estimates (ci for mean difference corrected using the tukey method; ci for effect size corrected using the bonferroni method).

Принятие добра

Результаты теста показали, что различия между третьим кластером ($M = -1.307$) и всеми остальными группами являются статистически значимыми ($p < .001$, Cohen's $d = 2.510$), что подтверждает его выраженную негативную ориентацию относительно категории добра (Таблица 8, 9).. Значимые различия также наблюдаются между третьим и вторым кластерами ($p < .001$, Cohen's $d = 1.855$), а также между третьим и четвёртым ($p < .001$, Cohen's $d = -3.107$), что демонстрирует устойчивость различий данной группы. Однако различия между первым и четвёртым кластерами оказались незначимыми ($p = 0.098$, Cohen's $d = -0.596$), что указывает на отсутствие выраженных отличий между этими группами. Этот результат подтверждает, что хотя первый и четвёртый кластеры демонстрируют схожий уровень принятия добра, их принципиальное отличие заключается в отношении к злу. Четвёртый кластер придерживается этической позиции, согласно которой зло препятствует развитию и должно быть искоренено (он не примет зло ($M = -1,625$)), тогда как первый кластер допускает возможность его существования как фактора, способствующего развитию ($M = 0,330$) (Таблица 7).

Принятие зла

Наибольшие различия зафиксированы между третьим кластером ($M = 1.052$) и четвёртым кластером ($M = -1.437$), что подтверждено высокой статистической значимостью ($p < .001$, Cohen's $d = 4.293$). Существенные различия также наблюдаются между третьим кластером и вторым ($M = -0.228$, $p < .001$, Cohen's $d = 2.207$), а также между первым и третьим ($M = 0.292$ vs. -1.813 , $p < .001$, Cohen's $d = 2.412$). Однако различие между первым и вторым кластерами оказалось незначимым ($p = 0.965$, Cohen's $d = -0.122$), что указывает на схожесть их представлений о зле (Таблица 8, 9). Однако их принципиальное отличие заключается в выраженности фактора "тёмная диада", который не свойственен первому кластеру ($M = -0.827$), но выражен у второго кластера ($M = 0.512$). Это указывает на существование двух групп с аналогичным восприятием зла, но разным уровнем нарциссических и психопатических черт характера (Таблица 7).

Тёмная диада

Фактор "Тёмная диада" продемонстрировал наиболее выраженные различия, особенно между третьим кластером ($M = 1.140$) и первым ($M = -0.672$, $p < .001$, Cohen's $d = 3.107$), а также между третьим и четвёртым ($M = -0.617$, $p < .001$, Cohen's $d = 3.894$). Данные подтверждают гипотезу о наличии группы респондентов с высокой выраженностью антисоциальных черт. Существенные различия также наблюдаются между вторым и четвёртым кластерами ($M = 0.416$ vs. -0.617 , $p < .001$, Cohen's $d = 2.290$), что свидетельствует о более выраженной тенденции второго кластера к манипулятивным установкам (Таблица 8, 9).

Общий вывод по ANOVA и Post Нос тестам

Проведённый Post Нос анализ подтвердил значимые различия между кластерами по большинству факторов, однако выявил определённые пересечения между первым и вторым кластерами по принятию добра и зла, а также между первым и четвёртым по принятию зла. Однако ключевым различием между

первым и вторым кластерами является фактор тёмной диады, который имеет значимое расхождение. Это указывает на наличие двух групп респондентов, которые схожи по отношению к принятию добра и зла, но различаются по выраженности нарциссических и психопатических черт. Данный результат требует дополнительного анализа, в частности, с точки зрения уровня самоактуализации данных групп.

Кроме того, анализ выявил, что первый и четвёртый кластеры демонстрируют схожий уровень принятия добра, однако принципиально различаются в отношении к злу. Возможно, четвёртый кластер характеризуется убеждением, что зло препятствует развитию и должно быть искоренено, тогда как первый кластер допускает его существование как возможный фактор развития. Это различие указывает на наличие различных этических позиций среди респондентов.

Дополнительно установлено, что первый и второй кластеры схожи по восприятию добра и зла, но их ключевое различие заключается в факторе "тёмная диада", который выражен только у второго кластера. Это свидетельствует о существовании двух групп респондентов с аналогичной этической позицией, подразумевающей одновременное принятие добра и зла, но отличающихся по выраженности нарциссизма и психопатии, что требует дальнейшего обсуждения.

Анализ различий между кластерами, проведённый с использованием ANOVA и Post Нос тестов, не только подтвердил статистическую значимость выделенных групп, но и позволил выявить новые закономерности, углубляющие понимание структуры этических позиций респондентов.

Третий кластер, принимающий зло, в значительной степени детерминирован высокой выраженностью нарциссических и психопатических черт (тёмная диада), что может свидетельствовать о строгой связи этой этической позиции с данными характерологическими особенностями. Внутри этого кластера нет дифференциации: если респонденты принимают зло, то они также обладают

высоким уровнем нарциссизма и психопатии. Это означает, что для данной группы зло не является концептуально отделённой от личностных установок – наоборот, их характерологические особенности органично встроены в их этическую систему.

Аналогично, четвёртый кластер, ориентированный исключительно на добро, также демонстрирует консистентность: у всех респондентов из этой группы отсутствует выраженность тёмной диады. Это может говорить о том, что для них принятие добра является не просто этической позицией, а что она фундаментально связана со структурой характера, который не допускает проявления нарциссизма и/или психопатии. Эти респонденты, судя по всему, воспринимают зло как нечто полностью исключаемое из своей системы ценностей и вместе с тем «темные черты» из своей структуры характера.

В то же время, только в первом и втором кластерах, которые одновременно принимают и добро, и зло, наблюдается вариативность по показателю тёмной диады. Это указывает на существование двух разных подгрупп внутри одной этической позиции, что делает её наиболее сложной и неоднородной. Первая подгруппа (1 кластер) сочетает принятие добра и зла с низкими значениями нарциссизма и психопатии, тогда как вторая (2 кластер) демонстрирует ту же этическую позицию, но с высокой выраженностью тёмной диады. Это ключевой момент: принимая обе категории – и добро, и зло – респонденты из этих кластеров не формируют единый характерологический профиль, а представляют две разные личностные структуры.

Этот вывод принципиально важен для дальнейшего исследования: он показывает, что не все этические позиции равнозначны в плане их личностных коррелятов. Если принятие только добра или только зла однозначно (по нашим данным) связано с определённым характерологическим профилем, то принятие обоих этих явлений может реализовываться в разных личностных формах.

3.6. Анализ отношения групп респондентов к категориям добра и зла

В отличие от семантического дифференциала, в котором этические представления о добре и зле анализировались через их модальные характеристики (оценка, сила, активность), в данном разделе рассматриваются смысловые аспекты этих представлений — через отношение респондентов к категориям добра и зла. Анализ проводился на основе авторского опросника «Отношение к добру и злу» (см. Приложение 1), сконструированного для выявления смысловых различий в рамках двух описанных теоретически типов этических представлений.

3.6.1 Анализ различий между кластерами по закрытым вопросам опросника

Для проверки наличия статистически значимых различий между сформированными кластерами по ответам респондентов на закрытые вопросы опросника "Отношение к добру и злу" был использован хи-квадрат тест (χ^2). Данный метод позволяет определить, отличаются ли частоты выбора различных вариантов ответа между группами испытуемых (кластерами) больше, чем можно было бы ожидать при случайному распределении.

Выбор метода анализа

Так как переменные в опроснике представлены в виде категориальных данных (ответы респондентов представлены выбором одного из фиксированных вариантов), наиболее подходящим способом анализа различий между группами является хи-квадрат критерий (χ^2), применяемый к таблицам сопряжённости (contingency tables). В случае обнаружения статистически значимых различий дополнительно рассчитывался коэффициент Cramér's V, который позволяет оценить силу связи между переменными. Для интерпретации результатов использовался стандартный уровень статистической значимости $p < 0.05$. Если p -value оказывалось меньше данного порога, это свидетельствовало о наличии значимых различий в распределении ответов между кластерами. В противном случае различия считались статистически незначимыми. Дополнительно

рассчитывался коэффициент Cramér's V, который показывает силу связи между распределением ответов и принадлежностью респондентов к кластерам (Таблица 10).

Таблица 10. Результаты χ^2 -анализа различий в распределении ответов по кластерам

Вопрос	χ^2 (df)	p-value	Cramér's V	Значимость различий ($p < 0.05$)
1. То, что в мире есть зло, я считаю:	10.584 (3)	0.014	0.250	✓
2. Дополняет ли зло природу добра, служит ли зло продолжением добра или они разделены некой границей и их следует рассматривать в отрыве друг от друга?	29.146(9)	0.001	0.239	✓
3. Между добром и злом существует отношение антагонизма или синергизма?	19.129(6)	0.004	0.237	✓
4. Как связано добро и зло в человеке?	44.715(6)	0.001	0.363	✓
5. Для Вас в большей степени добро или зло является чем-то иным, чуждым, далёким?	15.997	0.001	0.307	✓
6. С вашей точки зрения добро и зло	7.888(6)	0.246	0.152	—
7. Согласны ли Вы с утверждением, что существует истинное и ложное добро?	6.185(6)	0.403	0.135	—
8. Осознавать присутствие в себе зла и помнить о нем	0.454(3)	0.929	0.052	—
9. Представьте, что вы встретили мудреца, который может открыть вам понимание сущности добра или зла. Но только одного на ваш выбор. Что вы выберете?	12.113(6)	0.059	0.189	—
10. Были ли в вашей жизни случаи, когда зло стало источником развития?	10.592(3)	0.014	0.250	✓
<p>Примечание: χ^2 (df) – критерий хи-квадрат и число степеней свободы; p-value – уровень статистической значимости ($p < 0.05$ указывает на значимые различия); Cramér's V – сила связи (0.1–0.2 – слабая, 0.2–0.3 – умеренная, >0.3 – сильная).</p> <p>✓ – различия значимы, ✗ – незначимы</p>				

Так же дополнительные расчёты производились по следующему показателям: (1) Фактические частоты (Count) – реальное количество респондентов в каждом кластере, выбравших тот или иной вариант ответа. (2) Ожидаемые частоты (Expected count) – гипотетическое количество респондентов, которое можно было бы ожидать в каждой категории при отсутствии связи между кластерами и вариантами ответа. (3) Процентное распределение (% within column) – относительная частота выбора каждого варианта ответа в рамках одного кластера. (4) Стандартизированные остатки (Standardized residuals) – показатель отклонения фактической частоты ответа от ожидаемой: Если остаток $> \pm 2$, это говорит о значительном отклонении от ожидаемого распределения, что указывает на важные различия между кластерами. Положительные остатки (например, +2.5) означают, что данный вариант ответа был выбран чаще, чем ожидалось. Отрицательные остатки (например, -2.5) означают, что данный вариант ответа был выбран реже, чем ожидалось. Данные показатели мы отнесли к дополнительным сведениям по каждому вопросу опросника «отношения к добру и злу» и поместили их в приложения (Приложения 3). Мы оставили эти сведения только для тех вопросов, которые статистически значимы, т.е. для вопросов 1-5,10 (см. таблицу 10).

3.6.2 Анализ результатов

С целью более глубокого понимания различий между кластерами были проанализированы ответы на вопросы опросника, показавшие статистически значимые различия. Ниже представлен поочерёдный разбор этих вопросов с интерпретацией полученных данных.

Вопрос 1. То, что в мире есть зло, я считаю:

Варианты ответа:

- 1) Необходимым условием развития личности и человечества в целом
- 2) Печальным следствием недостатка добра в людях

Результаты анализа указывают на наличие статистически значимых различий между кластерами в вопросе «1. То, что в мире есть зло, я считаю» ($\chi^2 = 10.584$, $p = 0.014$, Cramér's $V = 0.250$). Третий кластер чаще выбирал первый вариант ответа: «Необходимым условием развития личности и человечества в целом», т.е. данный кластер респондентов рассматривает зло как необходимое условие развития личности (Standardized residual = +2.447), что согласуется с его общей характеристикой, которая подразумевает восприятие зла как функционального элемента нравственной системы и этической позиции в которой зло по видимому занимает важное место (Таблица 10, Приложение 3). Второй кластер чаще выбирает второй вариант ответа: «Печальным следствием недостатка добра в людях», т.е. чаще воспринимает зло как недостаток добра (Standardized residual = +1.954), что может отражать диалектическое отношение к добру и злу данного кластера в сочетании с их низкими показателями по темной диаде. Четвёртый кластер реже выбирает первый вариант ответа, чем ожидалось (Standardized residual = -1.543), что соответствует его общей ориентации на исключение зла из картины мира и приверженности первой этической позиции.

Вопрос 2. Дополняет ли зло природу добра, служит ли зло продолжением добра или они разделены некой границей и их следует рассматривать в отрыве друг от друга?

Варианты ответа:

- 1) Зло дополняет добро
- 2) Зло продолжается в добре
- 3) Зло заменяет добро
- 4) Они разделены границей, и их следует рассматривать в отрыве друг от друга

Результаты анализа демонстрируют наличие статистически значимых различий между кластерами ($\chi^2 = 29.146$, $p < 0.001$, Cramér's $V = 0.239$) (Таблица

10). Первый кластер чаще выбирает вариант, согласно которому зло дополняет добро (Standardized residual = +2.347), что может свидетельствовать о восприятии добра и зла как взаимосвязанных категорий, где зло рассматривается как элемент развития и трансформации, что соответствует 2 этической позиции. Второй кластер реже выбирает этот вариант (Standardized residual = -2.414) и чаще выбирает позицию, согласно которой зло и добро разделены границей (Standardized residual = +1.124). Четвёртый кластер демонстрирует выраженную тенденцию к исключению представления о взаимосвязанности добра и зла (Standardized residual = +2.792), что согласуется с его ориентацией на однозначные этические конструкции и отказ от допущения амбивалентности в моральных суждениях (см. Приложение 3).

Вопрос 3. Между добром и злом существует отношение антагонизма или синергизма?

Варианты ответа:

- 1) Синергизм
- 2) Антагонизм
- 3) Они не связаны друг с другом

Результаты анализа показывают статистически значимые различия между кластерами ($\chi^2 = 19.129$, $p = 0.004$, Cramér's V = 0.237, см. Таблицу 10). Первый кластер демонстрирует некоторую склонность к тому, чтобы воспринимать добро и зло как несвязанные явления, что подтверждается положительным стандартным остатком по этому варианту. Они чаще выбирают вариант 3 («Они не связаны друг с другом») – 66.667% внутри кластера (Standardized residual = +1.564). При этом выбор синергии добра и зла встречается с ожидаемой частотой, а вариант антагонизма – реже, чем ожидалось Standardized residual = -0.745). Это может означать, что данная группа респондентов не придерживается идея о том, что зло

усиливает добро (или наоборот), но в то же время не рассматривает их как противоположности.

Третий кластер чаще выбирает вариант ответа, предполагающий синергизм добра и зла (Standardized residual = +3.412), что требует дальнейшего анализа, поскольку если эта группа респондентов принимает только зло, но не принимает добро как было ранее выяснено то почему тогда они выбирают этот вариант ответа? Четвёртый кластер, напротив, демонстрирует устойчивую тенденцию к отказу от представлений о синергии добра и зла (Standardized residual = -2.151), что согласуется с его предпочтением чётких этических границ и стремлением исключить возможность оправдания зла в моральной системе (см. Приложение 3).

Вопрос 4. Как связано добро и зло в человеке?

Варианты ответа:

- 1) Чем больше добра, тем больше зла
- 2) Чем больше добра, тем меньше зла
- 3) Они не связаны друг с другом

Результаты анализа показывают наличие статистически значимых различий между кластерами ($\chi^2 = 44.715$, $p < 0.001$, Cramér's V = 0.363, см. Таблицу 10). Связь между распределением ответов и принадлежностью к кластерам является сильной. Третий кластер чаще выбирает вариант, согласно которому «Чем больше добра, тем больше зла» (Standardized residual = +5.705), что так же, как и в приведущем вопросе требует дальнейшего анализа. Второй кластер, напротив, реже выбирает этот вариант (Standardized residual = -4.828) и чаще предпочитает позицию, согласно которой добро и зло – независимые силы, выбирая ответ «Они не связаны друг с другом» (Standardized residual = +2.874), что может отражать стремление к более жёсткому разделению категорий добра и зла, несмотря на их принятие в равной мере (что было выявлено ранее). Четвёртый кластер демонстрирует низкую поддержку концепции взаимосвязанности добра и зла

(Standardized residual = -2.900), что согласуется с его общей ориентацией (см. Приложение 3).

Вопрос 5. Для Вас в большей степени добро или зло является чем-то иным, чуждым, далёким?

Варианты ответа:

1) Больше добро

2) Больше зло

Результаты анализа показывают наличие статистически значимых различий между кластерами ($\chi^2 = 15.997$, $p = 0.001$, Cramér's V = 0.307, см. Таблицу 10). Связь между распределением ответов и принадлежностью к кластерам является сильной. Третий кластер чаще выбирает вариант, согласно которому добро воспринимается как нечто чуждое и далёкое (Standardized residual = +3.793), что соответствует нашему раннему предположению об их ориентации на восприятие зла как естественного компонента мира, и не принятию или «не доступности» добра. Именно на основании этих результатов мы сейчас можем ввести в описание этого кластера феномен «недоступности добра»: результаты ранее свидетельствовали о том, что они не оценивают и не придают значения добру не потому, что презирают его, а потому, что оно им, возможно, пока недоступно. То есть для них добро кажется чем-то чуждым и далёким. Но при этом мы видели, что они, например, в предыдущем вопросе чаще выбирали вариант «чем больше добра, тем больше зла». Если учитывать их высокие показатели по тёмной диаде, то можно рассматривать данную группу респондентов как тех, кто за неимением добра возвышает зло, но не потому, что презирает или отрицает добро, а потому, что оно пока кажется чем-то чуждым. Второй кластер, напротив, чаще выбирает вариант, в котором чуждым оказывается зло (Standardized residual = +2.385) (см. Приложение 3).

Вопросы 6, 7, 8 и 9 не продемонстрировали статистически значимых различий между кластерами (см. Таблицу 10), что означает отсутствие достоверной связи между распределением ответов и кластерной принадлежностью респондентов. Однако в девятом вопросе были зафиксированы тенденции, заслуживающие внимания: несмотря на р-значение, близкое к пороговому ($p = 0.059$), некоторые кластеры демонстрируют выраженные отклонения в выборе. Так, респонденты второго кластера реже выбирают вариант «Познать сущность зла» (Standardized residual = -2.396) и чаще — «Познать сущность добра» (Standardized residual = +2.349), что согласуется с их общей ориентацией на диалектическое восприятие добра и зла при низких показателях по тёмной диаде. Участники третьего кластера проявляют некоторую склонность к выбору «Познать сущность зла» (Standardized residual = +1.321), однако этот результат не достигает уровня значимости (см. Приложение 3).

Вопрос 10. Были ли в вашей жизни случаи, когда зло стало источником развития?

Варианты ответа:

1) Да

2) Нет

Результаты анализа показали наличие статистически значимых различий между кластерами ($\chi^2 = 10.592$, $p = 0.014$, Cramér's V = 0.250, см. Таблицу 10).

Третий кластер чаще выбирает вариант "Да" (Standardized residual = +2.740), что согласуется с их общей ориентацией на признание зла как естественного элемента реальности и возможного фактора развития в их восприятии. Это подтверждает ранее выявленную особенность данного кластера, связанную с высокой оценкой зла и, вероятно, принятием его как инструмента личностного роста. Второй кластер, напротив, реже выбирает этот вариант (Standardized

residual = -1.723), что согласуется с их представлением о разделении добра и зла (см. Приложение 3).

Анализ результатов по кластерам

После анализа распределения ответов по отдельным вопросам, представляется необходимым рассмотреть особенности каждого кластера в совокупности даваемых ответов. Такой подход позволяет обобщить характерные тенденции выбора, выявить доминирующие паттерны и глубже понять специфику отношения к категориям добра и зла, свойственную каждой группе.

Первый кластер. Респонденты, вошедшие в первый кластер, демонстрируют склонность к признанию взаимосвязи и потенциальной синергии добра и зла, не отвергая при этом возможность независимости этих категорий. Они чаще выбирают позицию, согласно которой зло дополняет добро (Standardized residual = +2.347; Вопрос 2), а также отмечают независимость этих категорий (например, утверждают, что «они не связаны друг с другом»; Standardized residual = +1.564; Вопрос 3). Эти ответы отражают диалектическое восприятие моральных категорий, при котором допускается их взаимодействие без жёсткого противопоставления.

Второй кластер. Респонденты второго кластера не демонстрируют устойчивого следования ни одной из выделенных этических позиций, однако их ответы позволяют охарактеризовать уникальную конфигурацию восприятия категорий добра и зла. Респонденты второго кластера демонстрируют противоречивые установки. С одной стороны, они чаще выбирают позицию, согласно которой зло — это недостаток добра (Standardized residual = +1.954; Вопрос 1), а также выражают склонность к утверждению, что добро и зло разделены границей (Standardized residual = +1.124; Вопрос 2). При этом они значительно реже соглашаются с идеей, что зло дополняет добро (Standardized residual = -2.414), и чаще указывают на то, что добро и зло не связаны друг с

другом (Standardized residual = +2.874; Вопрос 4), что подчёркивает стремление к жёсткому разделению категорий.

Дополнительным подтверждением этого служит то, что они чаще воспринимают зло как нечто чуждое (Standardized residual = +2.385; Вопрос 5) и реже выбирают вариант, в котором зло выступает источником развития (Standardized residual = -1.723; Вопрос 10). Вместе с тем, во Вопросе 9 они демонстрируют интересную тенденцию: чаще выбирают «Познать сущность добра» (Standardized residual = +2.349) и реже — «Познать сущность зла» (Standardized residual = -2.396).

Таким образом, данный кластер сочетает в себе принятие обеих категорий с одновременным стремлением к их жёсткому разграничению, что, возможно, связано с высокими показателями по тёмной диаде и отражает нестабильность ценностной позиции в исследуемом поле значений.

Третий кластер. Респонденты третьего кластера демонстрируют наиболее выраженные отличия по ряду показателей. Они чаще считают, что зло является необходимым условием развития личности и человечества (Standardized residual = +2.447; Вопрос 1), что согласуется с их восприятием зла как функционального элемента системы. Также они чаще выбирают синергетическую позицию, согласно которой добро и зло дополняют друг друга (Standardized residual = +3.412; Вопрос 3), однако данный результат требует дополнительного осмыслиения, поскольку ранее было выявлено предпочтение зла, но не добра.

Особенно ярко проявляется установка, согласно которой «чем больше добра, тем больше зла» (Standardized residual = +5.705; Вопрос 4), что поддерживает предположение о их диалектическом восприятии этих категорий. Одновременно с этим участники кластера чаще утверждают, что добро для них чуждое и далёкое (Standardized residual = +3.793; Вопрос 5), что может быть интерпретировано как проявление феномена «недоступности добра», отсюда возможно и предпочтение зла.

Наконец, они чаще выбирают ответ «зло стало источником развития» (Standardized residual = +2.740; Вопрос 10), что подтверждает восприятие зла как естественного элемента жизни и потенциального фактора личностного роста в их системе координат. Данный кластер отражает ориентацию на зло как на органичную часть реальности, при одновременном ощущении недоступности добра. Такая конфигурация может интерпретироваться как начальная стадия становления диалектической позиции, при которой зло осмысливается и принимается, в то время как добро ещё не включено в личную систему координат в качестве значимой нравственной категории.

Четвёртый кластер. Респонденты четвёртого кластера демонстрируют последовательную ориентацию на жёсткое разграничение категорий добра и зла. Они чаще отвергают концепцию их взаимосвязанности (Standardized residual = +2.792; Вопрос 2), а также идею синергии между ними (Standardized residual = -2.151; Вопрос 3), что подчёркивает их неприятие смешанных, двусмысленных позиций в моральной сфере.

Кроме того, они реже выбирают утверждение «Чем больше добра, тем больше зла» (Standardized residual = -2.900; Вопрос 4), что дополнительно подтверждает их установку на исключение функциональности зла в этике. В целом, ответы представителей этого кластера отражают устойчивую ориентацию на чёткие этические границы и недопустимость оправдания зла как элемента нравственного выбора. Данный кластер соответствует второй этической позиции, характеризующейся отказом от признания зла как допустимого элемента этической системы и стремлением к жёсткому разграничению добра и зла.

3.7 Характеристики кластеров на основе полученных данных

Теперь мы систематизируем результаты факторного анализ, кластерного анализ и хи-квадрат теста и дадим предварительную характеристику каждому кластеру.

Первый кластер: зрелая диалектическая позиция

Первый кластер респондентов демонстрирует умеренно положительные значения по фактору «Принятие добра» ($M = 0.396$) и по фактору «Принятие зла» ($M = 0.330$) (см. п. 3.4). Это свидетельствует о том, что представители данной группы не склонны к крайностям в восприятии моральных категорий, а, напротив, демонстрируют балансированное отношение к добру и злу, воспринимая их как взаимосвязанные, но не взаимоисключающие концепты.

Факторный анализ показывает, что фактор «Принятие добра» в данном кластере характеризуется высокой степенью корреляции с гуманизмом (0.651), верой в человечество (0.596) и позитивной оценкой добра (0.567) (см. Факторный анализ). Это говорит о том, что респонденты данной группы придерживаются гуманистических установок, верят в способность людей к совершению добрых поступков и позитивно оценивают этическое измерение человеческой природы.

Одновременно фактор «Принятие зла» включает в себя такие характеристики, как активность зла (0.656) и его сила (0.641), что отражает признание зла как динамической и значимой силы в социальной реальности. Однако ключевой особенностью данной группы является то, что признание существования зла не означает его оправдания или идентификации с ним. Это подтверждается наименьшим значением по фактору «Тёмная диада» среди всех кластеров ($M = -0.827$), что свидетельствует о низком уровне нарциссических и психопатических черт личности (см. Кластерный анализ). Таким образом, первый кластер представляет собой группу с наиболее зрелой этической позицией, в которой добро и зло рассматриваются как объективно существующие явления, но без упрощённых или крайних оценок.

Анализ результатов хи-квадрат теста подтверждает характерные особенности данного кластера. Так, респонденты из этой группы чаще выбирают ответ «Зло дополняет добро» ($\chi^2 = 29.146$, $p < 0.001$, Standardized residual = +2.347) (см. п. 3.6). Это указывает на их диалектическое восприятие добра и зла: зло не

отвергается полностью, но рассматривается как фактор, взаимодействующий с добром и влияющий на моральную систему. В то же время первый кластер реже выбирает вариант «Чем больше добра, тем больше зла» (Standardized residual = -3.705), что отличает его от третьего кластера. Данный факт подчеркивает, что респонденты данной группы не склонны воспринимать добро и зло как взаимозависимые явления, приводящие к нарастанию одного за счёт другого, а, напротив, видят их в сложном, но не механистическом взаимодействии.

Дополнительно респонденты первого кластера не склонны считать зло источником развития ($\chi^2 = 10.592$, $p = 0.014$) (см. п. 3.6), что ещё раз подчеркивает их осознанное и зрелое восприятие этических категорий. В отличие от третьего кластера, для которого зло может играть функциональную роль в личностном росте, данный кластер не наделяет зло такой значимостью и не считает его необходимым условием прогресса.

Таким образом, первый кластер можно охарактеризовать как группу с наиболее зрелой и диалектической этической позицией. Респонденты данной группы признают существование и добра, и зла, однако не противопоставляют их, не делают одно из них доминирующим и не интерпретируют их взаимодействие в крайних категориях. Их взгляды сбалансированы: они допускают, что зло играет роль в жизни человека, но не наделяют его центральным значением в моральной системе. Отсутствие нарциссических и психопатических черт в данном кластере позволяет заключить, что их этические установки основаны на осознанном выборе, а не на инструментальном подходе.

Второй кластер: этическая неопределенность и pragmatism

Второй кластер респондентов демонстрирует средние, но отрицательные значения по фактору «Принятие добра» ($M = -0.093$) и по фактору «Принятие зла» ($M = -0.258$) (см. Кластерный анализ). Это указывает на отсутствие выраженной позиции в отношении добра и зла: представители данной группы не склонны к активному следованию ни одной из этих категорий, но и не отвергают их

полностью. Их положение можно охарактеризовать как состояние этической неопределенности, в рамках которой добро не является для них абсолютной ценностью, а зло не воспринимается как обязательный инструмент взаимодействия с миром. Как отмечал Мераб Мамардашвили, «они не совершают зла, но их также не хватает на то, чтобы делать добро» (Мамардашвили, 2015, с. 47).

Факторный анализ показывает, что фактор «Принятие добра» в данном кластере включает гуманизм (0.651), веру в человечество (0.596) и оценку добра (0.567) (см. Факторный анализ). Однако, в отличие от первого кластера и четвертого кластера, эти показатели не формируют устойчивой моральной ориентации – мы это видим по Таблица 6. Средние значения факторов в кластерах – респонденты не отвергают ценности добра, но и не проявляют их активного принятия. Аналогично фактор «Принятие зла» включает такие характеристики, как активность зла (0.656) и его сила (0.641), но в данном кластере эти показатели также не являются выраженным (см Таблицу 8). Это означает, что респонденты не отрицают влияния зла в социальной реальности, но не принимают его как необходимый инструмент или не идентифицируют себя с ним, в отличие от представителей третьего кластера. Их можно охарактеризовать как демонстрирующий индифферентное отношение к категориям добра и зла.

Ключевой особенностью второго кластера является значение по фактору «Тёмная диада» ($M = 0.512$), которое существенно выше, чем у первого кластера (см. Кластерный анализ). Это свидетельствует о наличии у респондентов данной группы нарциссических и психопатических черт, что может объяснять их более прагматичный и ситуативный подход к моральным дилеммам. В отличие от первого кластера, где оценки добра и зла высоки (см Таблицу 8), а суждения основываются на ценностных ориентирах (см Таблицу 10), представители второго кластера, вероятно, могут подходить к этическим вопросам с точки зрения личной выгоды или ситуационной целесообразности.

Анализ данных хи-квадрат подтверждает отсутствие у данного кластера устойчивой моральной позиции. Они чаще выбирают вариант «Добро и зло не связаны» ($\chi^2 = 44.715$, $p < 0.001$, Standardized residual = +2.874) (см. п. 3.6), что свидетельствует о том, что они не воспринимают добро и зло как взаимосвязанные концепты. В отличие от первого кластера, представители данной группы реже выбирают вариант «Зло дополняет добро» ($\chi^2 = 29.146$, $p < 0.001$, Standardized residual = -2.414), что подтверждает их скептицизм в отношении диалектического взаимодействия этих категорий. Вместе с тем, данные респонденты чаще воспринимают зло как нечто чуждое (Standardized residual = +2.385), но не идентифицируют себя с ним, как это делает третий кластер (см. п. 3.6).

Таким образом, второй кластер представляет собой группу респондентов, находящихся в состоянии моральной неопределенности. Они не отвергают зло, но и не принимают его в полной мере, оставаясь на позиции наблюдателей, а не активных участников этического выбора. Их убеждение в отсутствие связи добра и зла позволяет предположить, что для них эти категории являются скорее отдельными социальными конструкциями, чем взаимодополняющими силами. Высокая выраженность нарциссических и психопатических черт может указывать на pragматичный и ситуативный подход к морали, при котором решения принимаются не на основе ценностных убеждений (устойчивой этической позиции), а в зависимости от обстоятельств. Такая интерпретация позволяет отличить данную группу от 4 кластера, где, по-видимому, та же позиция (отсутствие связи добра и зла) продиктована именно этическими соображениями (Таблица 5).

Второй кластер можно охарактеризовать как группу респондентов, которые не формируют устойчивую этическую позицию, а скорее адаптируют своё поведение к ситуации, руководствуясь гибкими стратегиями взаимодействия с миром.

Третий кластер: переходная этическая позиция

Третий кластер демонстрирует наиболее резкие контрасты среди всех выделенных групп, что выражается в наименьшем значении по фактору «Принятие добра» ($M = -1.476$) и наибольшем значении по фактору «Принятие зла» ($M = 1.189$) (см. Кластерный анализ). Это может свидетельствовать о том, что респонденты данной группы не придают значимости добру, однако при этом осознанно воспринимают зло как важный элемент социальной реальности. Кроме того, у данного кластера наиболее выражены нарциссические и психопатические черты ($M = 1.402$), что может говорить о склонности к эгоцентричным установкам и манипулятивным стратегиям поведения.

Анализ факторов показывает, что у представителей третьего кластера отрицательное значение по фактору «Принятие добра» т.е. гуманизма (0.651), веры в человечество (0.596) и оценки добра (0.567) (см. Факторный анализ). Это может означать, что для данной группы понятие добра либо не играет центральной роли, либо воспринимается как нечто недоступное или отдалённое. В то же время фактор «Принятие зла», включающий высокие показатели активности зла (0.656) и его силы (0.641) и оценки зла (0.527), указывает на восприятие зла как значимого механизма влияния во внутренней системе координат данных респондентов.

Важным аспектом анализа является необходимость осторожной интерпретации данных. Тот факт, что представители третьего кластера не акцентируют внимание на добре, не означает его полного отрицания. Данные хи-квадрат анализа показывают, что респонденты данной группы чаще выбирают вариант «Добро кажется чем-то чуждым и далёким» ($\chi^2 = 15.997$, $p = 0.001$, Standardized residual = +3.793) (см. п. 3.6). Этот статистически значимый результат позволяет предположить, что данный кластер не отвергает само существование добра, но (возможно) воспринимает его как нечто находящееся за пределами их личного опыта или мировоззрения. Добро кажется им чем-то далёким и чуждым.

Дополнительное подтверждение данной интерпретации можно найти в ответах на другие вопросы: респонденты третьего кластера чаще выбирают вариант «Чем больше добра, тем больше зла» ($\chi^2 = 44.715$, $p < 0.001$, Standardized residual = +5.705), что может говорить о восприятии добра и зла не как противоположных, а как взаимозависимых категорий. Кроме того, они чаще выбирают утверждение, что зло стало источником развития ($\chi^2 = 10.592$, $p = 0.014$, Standardized residual = +2.740), что может свидетельствовать о склонности рассматривать зло не как нечто разрушительное, а как функциональный инструмент, с помощью которого можно достигать целей или извлекать жизненные уроки.

Однако важно учитывать, что третья группа также чаще выбирает ответ о синергизме добра и зла ($\chi^2 = 19.129$, $p = 0.004$, Standardized residual = +3.412) (см. п. 3.6). Это позволяет предположить, что несмотря на преобладание ориентации на зло, представители данного кластера не исключают возможность существования добра, но, возможно, ещё не пришли к осознанию его ценности. Исходя из этих данных, можно осторожно предположить, что данный кластер представляет собой группу, находящуюся в процессе морального становления. Они уже приняли зло как часть своей картины мира, но пока не интегрировали добро в свою систему ценностей.

Таким образом, третий кластер нельзя воспринимать исключительно как «группу приверженцев зла». Возможно, их этическая позиция находится в процессе трансформации, и они «проходят через зло», но ещё не осознали его границы. Если рассматривать моральную позицию респондентов как динамическую систему, можно выдвинуть гипотезу, что для некоторых представителей данной группы зло не является конечной целью, а скорее является необходимым этапом на пути к зрелой диалектической этической позиции.

Четвёртый кластер: нормативная этическая позиция

Четвёртый кластер демонстрирует наиболее выраженное принятие добра ($M = 0.841$) и наиболее резкое неприятие зла ($M = -1.625$) среди всех групп (см. Кластерный анализ). Эти показатели свидетельствуют о том, что респонденты данной группы ориентированы на добро как единственную допустимую этическую категорию и рассматривают зло не просто как негативное явление, но как нечто, что должно быть полностью исключено из моральной системы.

Факторный анализ показывает, что фактор «Принятие добра» в этом кластере выражен наиболее сильно, включая такие характеристики, как гуманизм (0.651), вера в человечество (0.596) и оценка добра (0.567) (см. Факторный анализ). Эти данные указывают на убеждённость респондентов в ценности человеческой природы и способности людей к добру. В то же время фактор «Принятие зла» демонстрирует резко отрицательное значение, что может означать не только неприятие зла как концепта, но и его отторжение на уровне принципа. Активность зла, сила зла, и его оценка имеют минимальные значения, а учитывая их ответы на вопросы, мы можем утверждать, что зло в целом не играет для данной группы конструктивной роли, а, напротив, воспринимается как угроза моральному порядку.

Дополнительной характеристикой четвёртого кластера является низкий уровень выраженности «Тёмной диады» ($M = -0.759$), что свидетельствует о минимальной склонности к нарциссизму и психопатии (см. Кластерный анализ). Это позволяет предположить, что представители данного кластера не используют моральные нормы в инструментальных целях, а ориентируются на внутренние убеждения, основанные на жёстком разделении добра и зла.

Данные хи-квадрат анализа подтверждают, что респонденты чаще отвергают концепцию взаимосвязанности добра и зла ($\chi^2 = 29.146$, $p < 0.001$, Standardized residual = +2.792) (см. Хи-квадрат), что указывает на их стремление к строгому моральному разграничению. Кроме того, они реже соглашаются с идеей

синергии добра и зла ($\chi^2 = 19.129$, $p = 0.004$, Standardized residual = -2.151), а также отвергают утверждение «Чем больше добра, тем больше зла» ($\chi^2 = 44.715$, $p < 0.001$, Standardized residual = -2.900). Эти данные подтверждают, что для данного кластера категории добра и зла являются взаимоисключающими, а любые попытки их интеграции воспринимаются как неприемлемые.

Проведённый кластерный анализ позволил выделить четыре группы респондентов, различающиеся по уровню принятия добра и зла, а также по характерологическим особенностям. Первый кластер демонстрирует зрелую диалектическую позицию, допуская существование зла, но не идентифицируя себя с ним. Второй кластер характеризуется моральной неопределенностью, при которой респонденты не формируют устойчивой этической позиции. Третий кластер ориентирован на принятие зла как осмыслиенного инструмента, но при этом не отвергает возможность переосмысления моральных категорий в будущем. Четвёртый кластер представляет собой категорический моральный абсолютизм, исключающий зло из моральной системы и придерживающийся строгого этического порядка.

Однако остаётся открытым вопрос, связанный с личностной зрелостью данных групп. Если этические позиции действительно коррелируют с глубиной личностного развития, можно предположить, что различия между кластерами проявятся не только на уровне их этических представлений, но и в уровне самоактуализации. В данном контексте самоактуализация рассматривается как способность личности реализовывать свой потенциал, следовать внутренним ценностям и достигать гармоничного баланса между различными аспектами жизни (Bateman, Crant, 1993).

Особый интерес представляет анализ четвёртого кластера, который демонстрирует жёсткое неприятие зла. Следует выяснить, является ли данная позиция признаком моральной завершённости и зрелости, или же её категоричность может ограничивать личностное развитие, которое мы трактуем

через уровень самоактуализации. Кроме того, необходимо рассмотреть уровень самоактуализации представителей третьего кластера, для которых зло играет значимую роль. Возможно, их опыт осознания зла представляет собой переходный этап, а дальнейшее личностное развитие может привести к переоценке этических позиций и формированию более целостного этического мировоззрения.

Для ответа на эти вопросы будет проведён сравнительный анализ групп по уровню самоактуализации. Это позволит определить, существует ли статистически значимая взаимосвязь между этическими представлениями респондентов и их способностью к глубокой личностной реализации. Таким образом, следующий этап исследования будет направлен на выявление структурных закономерностей, которые помогут лучше понять роль этической позиции в самоактуализации личности.

3.8 Сравнительный анализ результатов исследования групп, с самоактуализацией

Для выявления различий между выделенными кластерами респондентов по шкалам самоактуализации был применён статистический анализ, включающий многомерный дисперсионный анализ (MANOVA), однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) и Post Hoc тесты (Tukey HSD). По результатам MANOVA различия между кластерами оказались статистически значимыми (Pillai's Trace = 0.759, F(3,166) = 6.025, p < 0.001; Wilks' Λ = 0.393, F(3,166) = 6.442, p < 0.001), что оправдало переход к однофакторному дисперсионному анализу. На основе ANOVA выявлены статистически значимые различия между кластерами по следующим шкалам самоактуализации: поддержка; гибкость поведения; сенситивность; самопринятие; представления о природе человека; принятие агрессии; креативность (Таблица 11).

Таблица 11.

Средние значения и дисперсионный анализ (ANOVA) шкал САТ по кластерам

Средние значения и дисперсионный анализ (ANOVA) шкал САТ по кластерам								
Фактор	df (группы , остаток)	F	p	η^2	M (Кл.1)	M (Кл.2)	M (Кл.3)	M (Кл.4)
Поддержка	3, 166	17.986	< 0.001	0.261	50.19	38.53	47.50	40.50
Гибкость поведения	3, 166	8.513	< 0.001	0.123	12.42	14.19	16.00	12.00
Сензитивност ь	3, 166	2.916	0.039	0.056	5.968	6.938	6.667	7.100
Самоприняти е	3, 166	4.069	0.009	0.068	10.06 3	10.06 3	12.75 0	9.700
Представлени я о природе человека	3, 166	9.076	< 0.001	0.126	5.806	5.438	4.167	5.300
Принятие агрессии	3, 880	4.672	0.004	0.084	7.032	7.156	9.167	7.000
Креативность	3, 166	2.854	0.042	0.053	6.935	7.156	7.667	6.000

На следующем шаге мы провели анализ Post Нос тестов (Tukey HSD) для выявления конкретных различий, по данным шкалам между группами респондентов. Это позволило более точно интерпретировать данные и определить характер различий в уровнях самоактуализации между группами (таблица 12).

Таблица 12. Обобщённая таблица Post Hoc тестов (Tukey HSD) для шкал CAT

Обобщённая таблица Post Hoc тестов (Tukey HSD) для шкал CAT				
Шкала	Кластеры	Mean Difference	Cohen's d	p (Tukey HSD)
Поддержка	1 vs 2	11.662	1.286	< 0.001***
Поддержка	1 vs 4	9.694	1.069	< 0.001***
Поддержка	2 vs 3	-8.969	-0.989	< 0.001***
Гибкость поведения	1 vs 2	-1.768	0.495	0.031*
Гибкость поведения	2 vs 3	-3.581	1.003	< 0.001***
Гибкость поведения	3 vs 4	4.000	1.120	0.002**
Сензитивность	1 vs 2	-0.970	-0.500	0.029*
Самопринятие	1 vs 3	-2.685	-0.745	0.012*
Самопринятие	2 vs 3	-2.688	-0.746	0.012*
Самопринятие	3 vs 4	3.050	0.846	0.029*
Представления о природе человека	1 vs 3	1.640	1.172	< 0.001***
Представления о природе человека	3 vs 4	-1.133	-0.810	0.041*
Принятие агрессии	1 vs 3	-2.134	-0.874	0.002
Принятие агрессии	2 vs 3	-2.010	-0.823	0.004
Принятие агрессии	3 vs 4	2.167	0.887	0.020
Креативность	3 vs. 4	1.667	0.887	0.020*

p < 0.05 (* — статистически значимые различия на уровне 5%*)

p < 0.01 (** — статистически значимые различия на уровне 1%**)

p < 0.001 (** — статистически значимые различия на уровне 0.1%***)

Шкала "Поддержка" демонстрирует наиболее выраженные различия между кластерами, что подтверждается высоким значением $F (3,166) = 17.986, p <0.001$ (см. Таблицу 11). Эффект размера ($\eta^2 = 0.261$) говорит о сильном влиянии кластерной принадлежности на уровень поддержки. Анализ Post Hoc тестов показал, что различия между кластерами 1 и 2, а также 1 и 4 являются статистически значимыми ($p < 0.001$), причём кластер 1 демонстрирует наибольший уровень поддержки ($M = 50.19$), а кластер 2 — наименьший ($M = 38.53$) (см. Таблицу 11). Различия между кластерами 2 и 3 также значимы ($p <0.001$), что указывает на выраженные различия между ними. В то же время различия между кластерами 3 и 4 не достигли статистической значимости ($p > 0.05$), что свидетельствует о сходстве этих групп (см. Таблицу 12). Коэффициент эффекта (Cohen's d) подтверждает силу различий между группами, особенно между кластерами 1 и 2 ($d = 1.286$) и 1 и 4 ($d = 1.069$), что говорит о значительном эффекте принадлежности к кластеру на восприятие поддержки (см. Таблицу 12).

Шкала "Гибкость поведения" демонстрирует статистически значимые различия между кластерами, что подтверждается значением $F (3,166) = 8.513, p <0.001$ (см. Таблицу 11). Эффект размера $\eta^2 = 0.123$ говорит о средней степени влияния кластерной принадлежности на гибкость поведения. Анализ Post Hoc тестов показал, что различия между кластерами 2 и 3, а также 3 и 4 являются статистически значимыми ($p < 0.01$), причём кластер 3 демонстрирует наибольший уровень гибкости поведения ($M = 16.00$), а кластер 4 — наименьший ($M = 12.00$) (см. Таблицу 11). Различия между кластерами 1 и 3 ($p = 0.051$) близки к статистической значимости, что указывает на потенциально более высокую гибкость у представителей третьего кластера. Различия между кластерами 1 и 2 также приближаются к статистической значимости ($p = 0.031$), что может указывать на различие в уровне гибкости поведения между этими группами (см. Таблицу 12). Коэффициент эффекта (Cohen's d) подтверждает силу различий между группами, особенно между кластерами 3 и 4 ($d = 1.120$) и между

кластерами 1 и 2 ($d = 0.495$), что говорит о значительном эффекте принадлежности к кластеру на гибкость поведения (см. Таблицу 12).

Шкала "Сензитивность" демонстрирует слабые различия между кластерами, что подтверждается значением $F(3,166) = 2.916$, $p = 0.039$ (см. Таблицу 11). Эффект размера ($\eta^2 = 0.056$) указывает на низкую степень влияния кластерной принадлежности на уровень сензитивности. Анализ Post Нос тестов показал, что статистически значимые различия наблюдаются только между кластерами 1 и 2 ($p = 0.029$) (см. Таблицу 12). Кластер 4 демонстрирует наибольший уровень сензитивности ($M = 7.100$), а кластер 1 — наименьший ($M = 5.968$) (см. Таблицу 11). В то же время различия между другими кластерами статистически незначимы ($p > 0.05$), что свидетельствует об общем сходстве групп в этой шкале. Коэффициент эффекта (Cohen's d) подтверждает незначительное влияние кластерной принадлежности на уровень сензитивности, поскольку даже в статистически значимой паре (1 vs 2) $d = -0.500$, что соответствует слабому эффекту различий (см. Таблицу 12).

Шкала "Самопринятие" демонстрирует умеренные различия между кластерами, что подтверждается значением $F(3,166) = 4.069$, $p = 0.009$ (см. Таблицу 1). Эффект размера ($\eta^2 = 0.068$) указывает на слабую, но всё же значимую связь между кластерной принадлежностью и уровнем самопринятия. Анализ Post Нос тестов выявил три статистически значимые разницы между кластерами: кластер 1 и кластер 3 ($p = 0.012$), кластер 2 и кластер 3 ($p = 0.012$), кластер 3 и кластер 4 ($p = 0.029$) (см. Таблицу 12). Средние значения показывают, что кластер 3 демонстрирует наибольший уровень самопринятия ($M = 12.750$), а кластеры 1 и 2 имеют наиболее низкие показатели ($M = 10.065$ и 10.063 соответственно) (см. Таблицу 11). Различия между другими кластерами не достигли статистической значимости ($p > 0.05$). Коэффициенты эффекта (Cohen's d) подтверждают, что наиболее выраженные различия наблюдаются между кластером 3 и кластерами 1 и 2 ($d = -0.745$ и -0.746), а также между кластером 3 и кластером 4 ($d = 0.846$) (см. Таблицу 12).

Шкала "Представления о природе человека" демонстрирует существенные различия между кластерами, что подтверждается значением $F (3,166) = 9.076, p < 0.001$ (см. Таблицу 11). Эффект размера ($\eta^2 = 0.126$) свидетельствует о среднем влиянии кластерной принадлежности на представления о природе человека. Анализ Post Нос тестов выявил две значимые разницы между кластерами: кластер 1 и кластер 3 ($p < 0.001$), кластер 3 и кластер 4 ($p = 0.041$) (см. Таблицу 12). Средние значения показывают, что кластер 3 демонстрирует самый низкий уровень представлений о природе человека ($M = 4.167$), а кластеры 1 и 2 имеют более высокие показатели ($M = 5.806$ и 5.438 соответственно) (см. Таблицу 12). Коэффициенты эффекта (Cohen's d) подтверждают, что наиболее выраженные различия наблюдаются между кластером 1 и кластером 3 ($d = 1.172$), а также между кластером 3 и кластером 4 ($d = -0.810$) (см. Таблицу 12).

Шкала "Принятие агрессии" выявила значимые различия между кластерами, что подтверждается значением $F (3,88) = 4.672, p = 0.004$ (см. Таблицу 11). Эффект размера ($\eta^2 = 0.084$) указывает на умеренное влияние кластерной принадлежности на принятие агрессии. Анализ Post Нос тестов выявил различия между кластером 1 и кластером 3 ($p = 0.002$), кластером 2 и кластером 3 ($p = 0.004$), кластером 3 и кластером 4 ($p = 0.020$) (см. Таблицу 12). Средние значения показывают, что кластер 3 демонстрирует самый высокий уровень принятия агрессии ($M = 9.167$), в то время как остальные кластеры имеют более низкие показатели ($M = 7.032, 7.156, 7.000$ соответственно) (см. Таблицу 11). Коэффициенты эффекта (Cohen's d) подтверждают, что наиболее выраженные различия наблюдаются между кластером 1 и кластером 3 ($d = -0.874$), кластером 2 и кластером 3 ($d = -0.823$), а также кластером 3 и кластером 4 ($d = 0.887$) (см. Таблицу 12).

Шкала "Креативность" демонстрирует статистически значимые различия между кластерами, что подтверждается значением $F (3,166) = 2.854, p = 0.042$ (см. Таблицу 11). Эффект размера ($\eta^2 = 0.053$) свидетельствует о небольшом влиянии кластерной принадлежности на уровень креативности. Анализ Post Нос тестов

выявил значимое различие между кластером 3 и кластером 4 ($p = 0.020$) (см. Таблицу 12). Средние значения показывают, что кластер 3 демонстрирует самый высокий уровень креативности ($M = 7.667$), а кластер 4 имеет самые низкие показатели ($M = 6.000$) (см. Таблицу 11). Коэффициенты эффекта (Cohen's d) подтверждают, что наиболее выраженные различия наблюдаются между кластером 3 и кластером 4 ($d = 0.887$) (см. Таблицу 12).

Результаты сравнительного анализа групп по шкалам самоактуализации подтверждает гипотезу исследования о взаимосвязи этических позиций с характерологическими особенностями. В частности, первый кластер, демонстрирующий зрелую диалектическую этическую позицию, характеризуется наивысшим уровнем самоактуализации, что подтверждается значением $M = 50.19$ (см. Таблицу 11). Это значительно выше, чем в остальных кластерах, где средние показатели составляют $M = 38.53$ (кластер 2), $M = 47.50$ (кластер 3) и $M = 40.50$ (кластер 4) (см. Таблицу 12). Эффект размера ($\eta^2 = 0.261$) свидетельствует о высокой степени влияния кластерной принадлежности на уровень самоактуализации. Таким образом, первый кластер демонстрирует наибольшую личностную зрелость, подтверждая связь между диалектическим подходом к добру и злу и личностным развитием. Кроме того, у первого кластера наблюдаются высокие показатели по шкале представления о природе человека, а также сензитивности.

Интересным оказывается третий кластер, в котором наблюдается наивысший уровень гибкости поведения ($M = 16.00$), принятия агрессии ($M = 9.167$) и креативности ($M = 7.667$) (см. Таблицу 11). Это позволяет предположить, что третья группа находится в процессе морального выбора, что сопровождается высокой степенью вариативности в их поведенческих стратегиях. Их показатели принятия зла ($M = 1.189$) и высокий уровень тёмной диады ($M = 1.402$) (см. Кластерный анализ) могут свидетельствовать о том, что на данном этапе они ещё не пришли к окончательной моральной позиции, но обладают высокой степенью свободы в выборе своих этических ориентаций.

Четвертый кластер, демонстрирующий наиболее жёсткое неприятие зла ($M = -1.625$) и наиболее высокие показатели принятия добра ($M = 0.841$) (см. Кластерный анализ), показывает низкий уровень гибкости поведения ($M = 12.00$) и креативности ($M = 6.000$) (см. Таблицу 11). Можно предположить, что ригидные моральные установки могут сопровождаться сниженной адаптивностью и меньшей склонностью к поиску новых решений. Однако для более точной интерпретации необходим дополнительный анализ уровня проактивности, что позволит глубже понять связь между моральным абсолютизмом и личностными характеристиками.

Выявленные различия по шкалам самоактуализации подтверждают, что этические позиции респондентов связаны с индивидуальными личностными особенностями. В следующем разделе рассматривается уровень проактивности как дополнительный показатель, позволяющий глубже понять характер этих различий.

3.9 Сравнительный анализ результатов исследования групп, с проактивностью

Для выявления различий между выделенными кластерами респондентов по шкале проактивность был так же применен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) и Post Hoc тесты.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) показали, что различия между кластерами по шкале проактивности статистически незначимы ($F(3,101) = 2.248$, $p = 0.087$, $\eta^2 = 0.040$). Это означает, что в целом принадлежность к кластеру не оказывает сильного влияния на уровень проактивности (Таблица 13).

Таблица 13. Описательные статистики по шкале проактивности в разрезе кластеров

КЛАСТЕРЫ	N	Mean	SD	SE	Coefficient of variation
1	62	75.032	18.467	2.345	0.246
2	64	80.344	13.915	1.739	0.173
3	24	74.917	18.175	3.710	0.243
4	20	84.100	15.441	3.453	0.184

Средние значения проактивности между кластерами демонстрируют некоторые тенденции, которые можно дополнительно проанализировать.

Четвёртый кластер демонстрирует наивысшую проактивность ($M = 84.10$), а третий кластер наименьшую ($M = 74.91$), но различия не достигают уровня статистической значимости. Дополнительный анализ попарных различий (LSD) не выявил статистически значимых различий между кластерами ($p > 0.05$ во всех сравнениях), что подтверждает, что кластеры не различаются существенно по уровню проактивности.

Проактивность не является определяющим фактором в различиях между кластерами, что свидетельствует о том, что их моральные позиции и характерологические особенности не связаны напрямую с уровнем инициативности и стремлением к изменениям. Тем не менее, наблюдается тенденция к более высокой проактивности у респондентов четвёртого кластера, что согласуется с их ориентацией на добро как абсолютную ценность, возможно, мотивируя их к активным действиям, направленным на достижение этических целей. В этом контексте вспоминается известная мысль, приписываемая Эдмунду Бёрку: «*Чтобы зло восторжествовало, достаточно, чтобы хорошие люди ничего не делали*». Если добро требует усилий для реализации, а зло способно распространяться за счёт бездействия, то высокая проактивность представителей этого кластера может отражать их убеждённость в необходимости активного отстаивания моральных принципов. В то же время первый и третий кластеры

демонстрируют схожие, но более низкие показатели проактивности, что может отражать их относительную пассивность или умеренность в инициировании изменений, хотя статистически значимые различия между ними не выявлены (График 2).

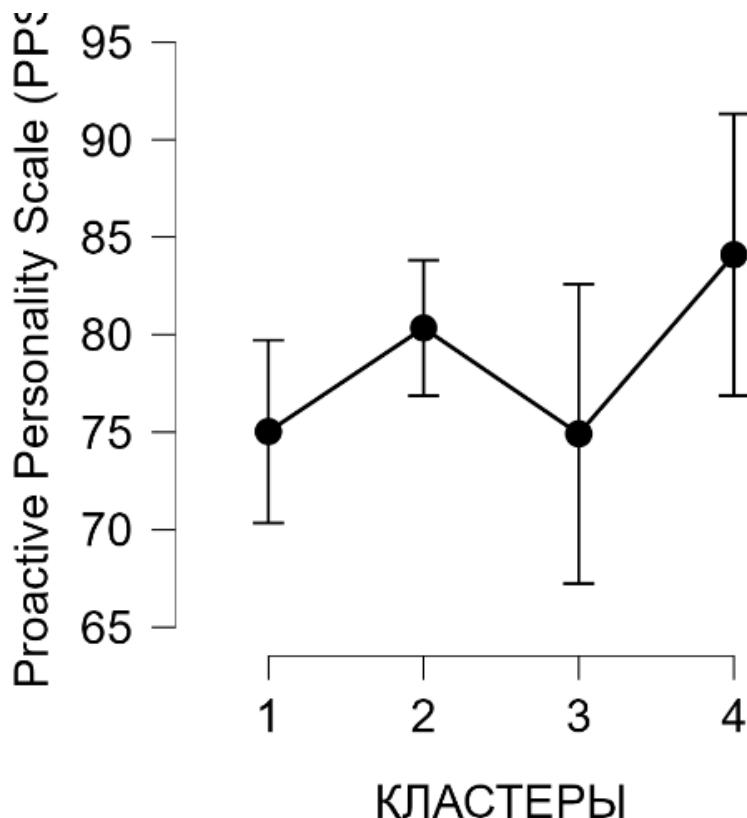

График 2. Средние значения проактивности в кластерах

Различия в проактивности между группами незначительны и не оказывают выраженного влияния на их моральные установки и характерологические черты. Однако есть слабая тенденция к тому, что четвёртый кластер является наиболее проактивным, а третий – наименее проактивным.

3.10 Проверка кластеров по экстраверсии-интроверсии и демографическим характеристикам

Мы провели анализ различий между кластерами по тесту Айзенка. Наибольший уровень экстраверсии продемонстрировал второй кластер ($M =$

12.21, SD = 3.69), тогда как первый и четвёртый кластеры показали более низкие значения ($M = 10.00$ и $M = 10.10$ соответственно), что может свидетельствовать о большей склонности этих групп к интроверсии. Post Нос анализ подтвердил значимое отличие между первым и вторым кластерами ($p = 0.006$, $d = -0.589$), однако остальные различия не достигли статистической значимости ($p > 0.05$), что свидетельствует о высокой внутригрупповой вариативности и отсутствии чётко выраженной типологической структуры (Таблица 14).

Таблица 14. Описательные статистики по шкале экстраверсии–интроверсии в разрезе кластеров

<i>Descriptives - Экстраверсия - интроверсия</i>					
КЛАСТЕРЫ	N	Mean	SD	SE	Coefficient of variation
1	62	10.000	4.004	0.509	0.400
2	64	12.219	3.692	0.462	0.302
3	24	11.667	3.620	0.739	0.310
4	20	10.100	3.386	0.757	0.335

Эти результаты подтверждают, что ни один из кластеров нельзя строго классифицировать как "экстравертный" или "интровертный", поскольку внутри групп наблюдается широкий разброс значений. Более того, уровень экстраверсии или интроверсии не является ключевым фактором, определяющим моральные установки и характерологические особенности респондентов, что говорит о том, что их личностные черты не укладываются в жёсткие дихотомические категории Айзенка, а представляют собой более сложную структуру, где этические позиции сочетаются с разными личностными характеристиками. Таким образом, в данном исследовании выделенные кластеры не являются типичными типологиями в терминах экстраверсии и интроверсии, а этические позиции респондентов по все видимости формируются под влиянием более сложных психологических факторов, не сводящихся к традиционным моделям личности.

Мы так же провели анализ по распределению пола и возраста по кластерам (таблица 15).

Таблица 15. Распределение пола и возраста респондентов по кластерам

Кластер	Мужчины (%)	Женщины (%)	Средний возраст (M)	Стандартное отклонение (SD)
Кластер 1	48	52	27,5	3,2
Кластер 2	39	61	27,3	3,5
Кластер 3	46	54	26,4	3,6
Кластер 4	49	51	27,8	3,4

Анализ демографических характеристик респондентов показал, что распределение пола в кластерах не выявило значимых различий. В каждой группе представлены как мужчины, так и женщины в примерно равных пропорциях. Это подтверждает, что пол не является определяющим фактором для разделения респондентов на кластеры, и выделенные группы не формируются по половому признаку. Средние значения возраста также не демонстрируют статистически значимых различий между кластерами. Возрастной диапазон во всех группах схожий, что свидетельствует об однородности выборки по этому критерию. Однако на уровне тенденции можно отметить, что у респондентов третьего кластера средний возраст немного ниже ($M = 26.4$), чем у представителей остальных кластеров ($M \approx 27.5$). Это может указывать на определённые особенности восприятия добра и зла среди более молодых участников, но разница остаётся в пределах вариации и не достигает уровня статистической значимости.

Группы респондентов в данном исследовании не различаются существенно по полу и возрасту, что подтверждает, что их формирование связано именно с различиями в этических представлениях и характеристиках, а не с демографическими переменными.

ВЫВОДЫ

1. Теоретический анализ философских, и этико-психологических подходов позволил выявить и описать в психологическом дискурсе два типа этических представлений о добре и зле: представление о зле как отсутствии добра и представление о добре и зле как автономных, но взаимосвязанных началах.
2. Введено, раскрыто и обосновано понятие *этической позиции личности* как целостного системного образования, включающего в себя этические представления и характерологические особенности, с которыми они взаимосвязаны.
3. На основе теоретического анализа понятийного содержания категорий добра и зла разработан авторский опросник, направленный на выявление этических представлений личности. Конструкция опросника опирается на идею существования двух типов представлений о добре и зле.
4. Связи между модальностями семантического дифференциала понятий добра и зла и чертами личности подтверждают, что оценка добра соотносится с про социальными чертами, а оценка зла — с деструктивными, при этом модальности силы и активности отражают более сложные и частично несогласованные взаимосвязи.
5. Факторный анализ результатов эмпирического исследования взаимосвязи представлений о добре и зле и характерологических черт личности показал существование трёх устойчивых факторов, в пространстве которых могут быть описаны этические позиции личности, интерпретированных нами как: «принятие добра», «принятие зла» и «тёмная диада».
6. На основе выявленных сочетаний этических представлений и характерологических особенностей были выделены четыре группы респондентов, что подтвердили результаты кластерного анализа, который выделил четыре группы респондентов, различающиеся по

сочетанию этических представлений и характерологических особенностей, лежащих в основании их этической позиции.

7. Авторский опросник «Отношение к добру и злу» позволил зафиксировать различия в представлениях о взаимосвязи добра и зла между группами респондентов, выделенными на основании кластерного анализа:

Группа, отнесенная к первому кластеру, характеризуется этическим представлением, в рамках которого добро и зло воспринимаются как взаимосвязанные и взаимодействующие категории, допускающие синергию;

Второй кластер демонстрирует противоречивую конфигурацию этических представлений: одновременно признаёт обе категории (добро и зло), но стремится к их жёсткому разграничению, что не позволяет отнести его однозначно к одному из типов этических представлений;

Третий кластер соотносится с типом этических представлений, в котором зло воспринимается как функционально необходимое и интегрированное в систему ценностей, тогда как добро остаётся недоступным или вторичным;

Четвёртый кластер соотносится с этическим представлением о добре и зле как взаимоисключающих категориях, направленностью на устранение зла как не имеющего самостоятельной ценности и недопустимого элемента этического поля.

8. Эмпирически выявлены два устойчивых типа этических позиций личности: Первая позиция включает диалектическое представление о добре и зле как взаимосвязанных категорий: зло не исключается, а воспринимается как необходимый и осмыслиенный элемент этического поля. Личность такого типа характеризуют такие качества, как: гуманизм, вера в человечество, принятие добра и принятие зла, низкая выраженность нарциссизма и психопатии, высокий уровень самоактуализации, гибкости поведения и представлений о природе

человека. Вторая этическая позиция включает представление о добре и зле как взаимоисключающих категориях, с выраженной ориентацией на исключение зла как допустимого элемента этического поля; для неё характерны: высокий уровень гуманизма, веры в человечество, выраженное принятие добра и последовательное неприятие зла, низкий уровень нарциссизма и психопатии, высокий уровень проактивности.

9. Установлена связь между типом этической позиции и личностными характеристиками, такими как уровень самоактуализации и поведенческая гибкость. Этическая позиция, включающая диалектическое представление о добре и зле, отличается высокой самоактуализацией, представлением о природе человека и гибкостью поведения. Напротив, этическая позиция, основанная на представление о жёстком разграничении добра и зла, связана с более низкими значениями по указанным шкалам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель исследования достигнута: эмпирически выделены четыре группы респондентов, различающихся по типу отношения к категориям добра и зла. Две из них представляют собой устойчивые этические позиции — диалектическую, предполагающую взаимосвязь добра и зла, и нормативную, основанную на их жёстком разграничении. Ещё одна группа демонстрирует противоречивые характеристики, допускающие возможность динамического становления этической позиции. Четвёртая группа не формирует целостной этической ориентации и рассматривается нами как внеэтическая — не включённая в систему нравственных координат.

Четвёртый кластер представляет собой этическую позицию, основанную на строгом противопоставлении добра и зла. Респонденты этой группы отвергают зло как допустимую категорию и демонстрируют жёсткую нормативную ориентацию, в рамках которой зло воспринимается как то, что должно быть исключено. Участники данной группы характеризуются достаточно высоким уровнем проактивности, что может указывать на наличие внутреннего стремления к действию в рамках ограниченного ценностного поля. Такая позиция может быть связана с потребностью в устойчивых моральных ориентирах и опорой на внешний этический порядок, исключающий сомнение в природе зла. Она не является диалектической, но, в силу своей однозначности, может служить внутренним стабилизирующим фактором для личности, избравшей путь однозначного добра.

Среди двух выявленных в исследовании диалектических позиций, признающих взаимосвязь добра и зла, именно позиция, демонстрируемая первым кластером, может быть охарактеризована как зрелая этически диалектическая позиция. Эти респонденты приняли идею взаимосвязанности добра и зла, активно исследуют обе категории, стремятся к осознанному проживанию зла без утраты гуманистических ориентиров. Возможно, именно эта серединная позиция

позволяет им, говоря словами Ф. Ницше, «вглядеться в бездну» и «родить танцовщую звезду», то есть извлечь ресурс личностного роста из соприкосновения с тёмной стороной, не разрушив свою моральную целостность. Их высокий уровень самоактуализации, ценностной ориентированности и представление о природе человека свидетельствуют о сформированной способности к осмысленному взаимодействию с противоположными аспектами человеческого опыта.

Мы предполагаем, что третий кластер представляет собой незрелую этически диалектическую позицию. Его представители лишь начинают соприкасаться с диалектикой добра и зла, демонстрируя готовность к принятию амбивалентности и высокую поведенческую гибкость. Как и всегда бывает в начале пути, зло для них нередко представляется более привлекательным, загадочным и сильным, а добро чем-то чуждым и далеким. Неизвестное часто идеализируется — именно поэтому в данной группе зло может восприниматься как источник силы и движения. Однако как нам представляется эта позиция — не завершённая, а разворачивающаяся, и именно гибкость делает возможным дальнейшее продвижение в сторону интеграции.

Вне этой шкалы находится второй кластер. Его представители не совершают морального выбора между добром и злом, не стремятся к осмыслению этического. Их можно охарактеризовать как этически инертных. Они не отвергают зло, как четвёртый кластер, и не стремятся понять его, как первый или третий, а просто обходят стороной, оставаясь вне оси моральной рефлексии. Эта внеэтическая позиция демонстрирует отсутствие внутренней этической динамики.

Эти выводы согласуются с фундаментальными положениями гуманистической психологии о том, что зрелая личность интегрирует разноплановые аспекты своего «Я» и берёт ответственность за свой жизненный выбор. Установленные эмпирические закономерности раскрывают новые грани взаимодействия этики и психологии: они демонстрируют, как субъективное

понимание добра и зла отражается на путях самоосуществления индивида. Полученные результаты могут служить основой для дальнейших исследований в области этической психологии, расширяя представления о взаимовлиянии этических убеждений и индивидуальных черт характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агулов В. М. Психология нравственного сознания. – СПб.: Питер, 2004. – 256 с.
2. Акимова И. В. Влияние национальной культуры на особенности внутриорганизационных отношений // Концепт. – 2017. – № 12. – С. 146–150.
3. Акулич М.М., Ильина И.В. Нравственные качества россиян: поколенческий подход // Социально-экономические и правовые исследования. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 29–45
4. Алексеева И.Ю. Этический кодекс в условиях морального релятивизма // Ведомости прикладной этики. – 2014. – Вып. 44. – С. 82–93
5. Антонов А. И., Карпова В. М. Опыт применения метода семантического дифференциала в фамилистическом исследовании // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). – 2024. – № 58. – С. 81–129
6. Апресян Р. Г. Концепция социально-эмоционального обучения и задачи морального воспитания // Вопросы психологии. – 2019а. – №. 1. – С. 29-39.
7. Апресян Р. Г. Философо-этические установки психологического изучения совести. Часть I. Психологические исследования совести // Психологический журнал. – 2019б. – Т. 40. – №. 2. – С. 38-46.
8. Апресян Р. Г. Философско-этические установки психологического изучения совести. Часть II. Совесть в моральной философии // Психологический журнал. – 2019в. – Т. 40. – №. 3. – С. 44-52.
9. Аристотель. Никомахова этика / пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской. – СПб.: Азбука, 2021. – 448 с. – (Азбука-Классика. Non-Fiction).
10. Арутюнова К. Р., Александров Ю. И. Мораль и субъективный опыт. – Москва: Институт психологии РАН, 2019. – 188 с.
11. Ахмадуллина Э. А., Габдреева Г. Ш. Особенности и динамика самоактуализации личности в процессе социокультурной адаптации [Электронный ресурс] // Ученые записки Казанского федерального

- университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-dinamika-samoaktualizatsii-lichnosti-v-protsesse-sotsiokulturnoy-adaptatsii> (дата обращения: 22.07.2024).
12. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных / Э. Берн; пер. с англ. А. И. Фёдоров. 4-е изд.-Минск: Попурри, 2015. - 528 с.
 13. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла — 5-е изд. — М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ", 2021. – 260 с.
 14. Братусь Б. С. Нравственное сознание личности: психологическое исследование. — М.: Знание, 1985. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Этика»; № 3)
 15. Братусь Б.С. К проблеме человека в psychology // Вопросы psychology. 1997.№ 5. С. 3-19.
 16. Ватлажин И.В., Вейзе А.В. Проблема возможности понимания добра без соотношения со злом // Поколение будущего: сб. избранных статей Международной студенческой научной конференции. – СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2021. – С. 7–10.
 17. Велтистов В. Н. Грех, его происхождение, сущность и следствия: критико-догматическое исследование. — М.: Книга по Требованию, 2013. — 310 с.
 18. Веселова Е. К. Эзистенциально-онтологическая концепция нравственного функционирования личности //Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2003. – №. 2. – С. 92–106.
 19. Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Институт psychology РАН, 2005. – 332 с.
 20. Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш. Представления о совести в российском менталитете. – Москва: Институт psychology РАН, 2016. – 144 с.

21. Воловикова М.И. Нравственная психология: современное состояние и перспективы исследований // Социальная и экономическая психология. – 2018. – Т. 3, № 2(10). – С. 6–29.
22. Гегель Г. В. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. – М.: Наука, 2000. – 768 с.
23. Герасимова Т. В. Формирование характеристик самоактуализирующейся личности у студентов медицинского вуза // Психолого-педагогические исследования. – 2024. – Т. 16, № 2. – С. 30–42
24. Гёте И.В. Фауст: трагедия/ Иоганн Вольфганг Гёте; пер. с нем. Н.А. Холодковского. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 528 с. – (Мировая классика).
25. Гостев А. А., Борисова Н. В. Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. – Москва: Институт психологии РАН, 2012. – 288 с.
26. Джарретт К. Будь тем, кем хочешь: Наука о том, как изменить себя / Кристиан Джарретт; Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 328 с.
27. Дмитриева М. Н. Психологические условия становления этической позиции личности подростка // Вестник Калужского государственного университета. Серия 1: Психологические науки. Педагогические науки. – 2013. – № 1. – С. 39–45.
28. Дорфман Л. Я., Злоказов К. В. Метаиндивидуальная модель деструктивности. Сообщение 1 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 105–122.
29. Думитраш Ф. И. Проблема этической типологии личности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05 / Фёдор Иванович Думитраш. — М., 1981. — 171 с.
30. Егорова М. С., Ситникова М. А., Паршикова О. В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 43. – URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>

31. Журавлев А. Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. – Москва: Институт психологии РАН, 2019. – 560 с.
32. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. – Москва: Институт психологии РАН, 2003. – 436 с.
33. Журавлев А.Л., Костригин А.А. Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению психологии нравственности в 2002–2021 гг. Часть II. Наукометрический анализ // Психологический журнал. – 2023. – Т. 44. – № 4. – С. 94–103.
34. Журавлев А. Л., Воловикова М. И., Галкина Т. В. (ред.). Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. – 257–280 с.
35. Захарова И. В., Стрюкова Г. А. Семантический дифференциал как метод диагностики восприятия учащимися педагога // Психологическая наука и образование. – 1999. – Т. 4, № 3. – С. 4-8
36. Иванов Д.В. Современные исследования моральной интуиции в эпистемологии и когнитивной науке // Философия науки и техники. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 75–89
37. Ильиных А. Е., Асанова Н. В., Яшанина А. А. Креативность и самоактуализация в контексте смысложизненных ориентаций, эмпатии и самооценки // Научно-педагогическое обозрение. – 2016. – № 1 (11). – С. 31–39.
38. Ильичев Р. И., Золотарева А. А. Пилотажная оценка и предварительные психометрические свойства русскоязычной версии шкалы Светлой триады //Национальный психологический журнал. – 2023. – №. 2 (50). – С. 3-13.
39. Исмаилов И.М. Социальная и личностная неопределенность как факторы социально-психологической устойчивости личности к вовлечению в

- террористическую организацию // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 305–309
40. Йоманс Ф. и др. Психотерапия, фокусированная на переносе, при пограничном расстройстве личности. Клиническое руководство / Ф. Йоманс, Д. Кларкин, О. Кернберг. / Переводчик Снигур Владимир Сергеевич. / Научный редактор Ковалец Анна Сергеевна – М., 2018. – 498 с.
41. Калинушкин Н. И. Этическая позиция в контексте биоэтики // Биоэтика. – 2018. – № 3 (27). – С. 45–50.
42. Кант И. Религия в пределах только разума / пер. с нем. А. В. Гулыги. – М.: ЧОРО, 1994. – 613 с. – (Сочинения: В 8 т. Т. 6).
43. Каташев И. А., Линьков В. В. Критерии нравственного развития //Наука и школа. – 2016. – №. 2. – С. 196-206.
44. Катехизис Католической Церкви. — Ватикан: Libreria Editrice Vaticana, 2003. — 898 с.
45. Катехизис. II. Христианская нравственность. § 5. Грех и... — Валаам: Спасо-Преображенский Валаам, 2018. — 250 с.
46. Кернберг Отто Ф. Неразделимая природа любви и агрессии: Теория и клиника / пер. с англ. В. С. Снигур; науч. ред. А. С. Ковалец. — 2-е изд., испр. М, 2022. – 492 с.
47. Козлова И. С. Формирование этической позиции личности в процессе образования // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2 (часть 1). – С. 112–116.
48. Коломиец Е. А. Самоактуализация как фактор формирования установки на альтруизм // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2009. – № 4. – С. 219–225
49. Колхонен, А. Ю. К типологии личности в этической психологии / А. Ю. Колхонен, И. А. Мироненко // Вопросы психологии. – 2024а. – Т. 70, № 6. – С. 40-51. – EDN OTOTVM.

50. Колхонен А.Ю., Мироненко И.А. Добро и зло в психологическом дискурсе: к проблематизации содержания понятий // Психология личности: методология, теория, практика. – М.: ИП РАН, 2024б. – С. 643–647.
51. Колхонен А. Ю., Мироненко И. А. Представления о добре и зле людей с высокой и низкой самоактуализацией // Вестник СПбГУ. Психология. –2025. – Т. 15. Вып. 1. – С. 134-147.
52. Колхонен, А. Ю. "Напряжение цивилизации" как условие развития человека и общества с точки зрения психотерапии / А. Ю. Колхонен // Психология XXI века - 2023: наука как свобода и творчество : Сборник тезисов участников XXVII Международной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 10–12 мая 2023 года. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2023. – С. 268-269. – EDN NRRRPT.
53. Колхонен, А. Ю. Баланс сил Эроса и Танатоса в контексте современной тенденции нарастания угрозы ядерной войны / А. Ю. Колхонен, И. А. Мироненко // Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей: Сборник научных трудов. – Москва: Институт психологии РАН, 2023б. – С. 867-871.
54. Колхонен, А. Ю. Идея диалектики добра и зла как ресурс для совладания с современными социально- политическими вызовами / А. Ю. Колхонен, А. Л. Компаниец // III Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Федора Ефимовича Василюка: консультативная психология: традиции и новации : Сборник материалов, Москва, 11–12 ноября 2022 года. – Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2023. – С. 152-156. – EDN CZVDMT.
55. Колхонен, А. Ю. Показатели черт темной триады и отношения к понятию добра и зла у студентов-психологов / А. Ю. Колхонен, И. А. Мироненко // Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития: Материалы международной научной

- конференции, Санкт-Петербург, 17–20 октября 2023 года. – Москва: ООО "Союзкниг", ООО «Кириллица», 2023а. – С. 414. – EDN FXASJF.
56. Колхонен, А. Ю. Взаимосвязь занятий атлетизмом с психологическими чертами «темной триады» и установкой на преодоление / А. Ю. Колхонен, В. В. Андреев // Психология и педагогика спортивной деятельности. – 2023. – № 2(65). – С. 23-27. – EDN ONIIUF.
 57. Коменский Я. А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И. Г. Педагогическое наследие / Сост. В. М. Кларин, А. Н. Джуринский. М.: Педагогика, 1989 — 416 с.
 58. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание М.: "Политиздат", 1984.
 59. Кондрацкий А. С. Самоактуализация и продуктивность: анализ понятий // Юридическая психология. – 2020. – № 1–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoaktualizatsiya-i-produktivnost-analiz-ponyatiy> (дата обращения: 29.07.2025).
 60. Косицина, В. И. О взаимосвязи Темной триады и копинг-стратегий / В. И. Косицина // Жизненные траектории личности в современном мире: социальный и индивидуальный контекст : Сборник статей I Международной научно-практической конференции, Кострома, 22–23 апреля 2021 года / Сост. Т.Е. Коровкина, отв. редакторы Т.Н. Адеева, С.А. Хазова. – Кострома: Костромской государственный университет, 2021. – С. 491-494.
 61. Кузьмина Т. Ю., Оганезова А. Н. Влияние культурных ценностей на этическое поведение российской и китайской молодёжи и их восприятие брендов Nike и KFC // Вестник университета. – 2021. – № 11. – С. 143–149.
 62. Купрейченко А. Б. Нравственная детерминация экономического самоопределения. – Москва: Институт психологии РАН, 2014. – 464 с.
 63. Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е. Нравственное самоопределение молодёжи. – Москва: Институт психологии РАН, 2013. – 480 с.
 64. Левичев О. Ф. Этическое мышление и особенности актуализации его развития / О. Ф. Левичев // Вестник практической психологии образования.

- 2010. — Т. 7, №3 (24). — С. 54–62. — Электрон. ресурс. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2010_n3/41072 (дата обращения: 26.04.2025).
65. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. с англ. В. Снигуря. – М.: Независимая фирма «Класс», 2015. – 592 с. – (Библиотека психологии и психотерапии).
 66. Макиавелли Н. Государь. О военном искусстве. Трактаты и размышления / Никколо Макиавелли; пер. с ит. Н. Рыковой. М. Юсима. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 1152 с.
 67. Макинтайр А. После добродетели: Исследование в области моральной теории / пер. с англ. — М.: Академический проект, 2000. — 352 с.
 68. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. Т. 1: Лекции о Прусте, 1981–1982 гг. / ред. Е. М. Мамардашвили. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. – 1072 с. – ISBN 978-5-9905505-3-7.
 69. Маралов В.Г. Светлая триада личности: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 18–30. DOI: 10.17759/jmfp.2024130302
 70. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2018. – 400 с.
 71. Мироненко И. А. Проблемы нравственности в современной российской психологии: поиск ориентиров // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия «Психология». – 2010. – Вып. 5. – С. 62–75.
 72. Мироненко И.А. Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. – М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2019. – 406 с.
 73. Моисеева Е. В. От греха к спасению. Философии блаженного Августина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2015. – №. 5 (61). – С. 59-72.

74. Монтень М. Опыты: полное издание в одном томе: [перевод с французского] / Мишель Монтень; [ил. Г. Доре]. — Москва: Издательство «Э», 2017. - 1216 с.
75. Мэй Р. Свобода и судьба / Перевод с англ. - М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2017 - 288 с.
76. Нанси Ж.-Л. «Конец философии и задача мышления» // Insolarance. — 2024. — URL: insolarance.com/the-end-of-philosophy-and-the-task-of-thinking (дата обращения: 24.07.2025).
77. Нанси Ж.-Л. Corpus: экстремальный телесный опыт как повод для экстремального дискурса // CyberLeninka. — 1991. — URL: cyberleninka.ru/article/n/corpus-zhan-lyuka-nansi-ekstremalnyy-telesnyy-opyt-kak-povod-dlya-ekstremalnogo-diskursa (дата обращения: 24.07.2025)
78. Ницше Ф. Веселая наука («La gaya scienza») / Фридрих Ницше; пер. с нем. М. Корневой, С. Степанова, В. Топорова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 352 с. – (Азбука-классика).
79. Новиков А. Л., Новикова И. А. Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 3. – С. 90–104
80. Ожиганова Г. В. Духовная личность. – Москва: Институт психологии РАН, 2020. – 288 с.
81. Ожиганова Г. В. Духовные способности как ресурс жизнедеятельности. – Москва: Институт психологии РАН, 2016. – 282 с.
82. Парамонова С. П. Теоретическая и эмпирическая валидизация типов морального сознания / С. П. Парамонова. — Пермь: ПГТУ, 1999. — Социально-этическая психология личности: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. — 23 с.

83. Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. Добро и зло в этической психологии личности: Монография. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 240 с.
84. Православная энциклопедия. Грех. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. — Т. 2. — 403 с.
85. Прокофьев А.В. Этическое измерение гуманитарного знания: перспективы развития // Вопросы философии. – 2021.
86. Растворгудова Е. Н. Самоактуализация как субъектный феномен // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – Т. 22, № 3. – С. 105–118.
87. Роджерс К. Становление личности: Взгляд на психотерапию. – М.: ИОИ, 2017. – 240 с.
88. Роджерс К. Р. Client-Centered Therapy: Its Current Practice, Implications, and Theory. — Бостон: Houghton Mifflin, 1951. — 560 с.
89. Роджерс К. Р. On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy. — Бостон: Houghton Mifflin, 1961. — 420 с.
90. Сметана Дж. Г. Социально-когнитивная теория доменов: постоянства и вариативность моральных и социальных суждений детей // Handbook of moral development / под ред. М. Киллен, Дж. Г. Сметаны. — Махва (Нью-Джерси): Лоуренс Эрлбайм Ассошиэйтс, 2006. — С. 119–153. — Текст: англ.
91. Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое: Пер. с англ. Изд. 4-е. -М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. - 232 с. (Психология, педагогика, технология обучения.)
92. Тейлор Ч. Источники самого Я: Создание современной идентичности / пер. с англ. — М.: Канон+, 2007. — 624 с.
93. Тик Э. Возвращение воина: Восстановление души после войны / Эдвард Тик; пер. с англ. Н. Павликова. – Москва: ИТОП им. Ф. Гудман, 2024. – 424 с.

94. Троицкий К.Е. Зигмунт Бауман: от критики универсализма к безграничной моральной ответственности // Этическая мысль. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 5–19
95. Федоров, А. А. Валидизация русскоязычной версии опросника этических позиций / А. А. Федоров, И. В. Бадиев // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 491–509
96. Филатова А.Ф., Костромина С.Н. Целостность и интеграция личности в процессе переживания собственной деструктивности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2024. – Вып. 3. – С. 411–428.
97. Фома Аквинский. Сумма теологии / пер. с лат. К. В. Бандуровского. – М.: АСТ, 2019. – 330 с.
98. Фромм Э. АнATOMия человеческой деструктивности / Эрих Фромм; [пер. с нем. Э. М. Телятниковой]. Москва: Издательство АСТ, 2016а. - 624 с. - (Философия - Neoclassic)
99. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя / Пер. с англ. Д. Н. Дудинский; Худ. обл. М. В. Драко. - Мн.: ООО «Попурри», 1998. — 672 с.
100. Фромм Э. Здоровое общество / Эрих Фромм; [пер. с англ. Т. Банкетовой, С. Карпушиной]. - Москва: Издатель- СТВО АСТ, 2016б. - 448 с. - (Философия - Neoclassic).
101. Фромм Э. Из плена иллюзий / Эрих Фромм; [пер. с англ. Т. В. Панфиловой]. Москва: Издательство АСТ, 2017. - 224 с.
102. Хайдт Дж. Праведный ум: Почему хорошие люди разделены политикой и религией / пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2019. — 419 с.
103. Хаксли О. О дивный новый мир: [роман] / Олдос Хаксли; [пер. с англ. О. Сороки]. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 350, [2] с. – (Эксклюзивная классика).
104. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. — М.: Синдбад, 2016. — 520 с.

105. Холлис Дж. Почему хорошие люди совершают плохие поступки: Понимание темных сторон нашей души / Пер. с англ.- М.: Когито-Центр, 2017. – 308 с. (Юнгианская психология).
106. Шавеко Н.А. Справедливость как равенство? Политическая теория перед лицом морального релятивизма // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 204–225
107. Шаповал Г.Н., Вигель Н.Л., Карташова Е.А. К вопросу о парадоксальной сущности зла как одного из созидательных элементов бытия // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2022. – № 2(123). – С. 51–55.
108. Шнирельман В. А. Неоязычество и национализм (восточноевропейский ареал) //Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 1998. – Т. 114. – С. 1-25.
109. Щипунов О.К. Этический релятивизм как социорегулятивная парадигма // Наука и современность. – 2015. – № 34. – С. 143–147
110. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Толстых А.В. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
111. Эстес К.П. Бегущая с волками: Женский архетип в мифах и сказаниях / Эстес Кларисса Пинкола; пер. с англ. – М.: ООО Книжное издательство «София», 2020. – 448 с.
112. Юмкина Е.А., Колхонен А.Ю., Мироненко И.А. Представления о «добрे» и «зле» студентов-психологов в «до-ковидную эпоху» и в настоящее время. Ч. 1 и Ч. 2 // Социальная и экономическая психология. – 2023. – № 3(31), № 4(32).
113. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / Карл Густав Юнг; [перевод А. Чечиной]. Москва: Издательство ACT, – 2019. – 496 с. (Философия Neoclassic).
114. Adler A. Der Sinn des Lebens. Leipzig: Hirzel, – 1933. – 157 p.

115. Agamben G. The Covid-19 caesura and the post-pandemic future // PubMed Central. — 2020. — URL: pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7856601 (дата обращения: 24.07.2025).
116. Agamben G. The Sovereign and Sovereignty in Slavoj Žižek's Political Theology // Zizek Studies. — URL: zizekstudies.org/index.php/IJZS/article/view/1166 (дата обращения: 24.07.2025).
117. Alfieri L., Zeni M., Ferrara E., Esposito A. Exosoul: ethical profiling in the digital world [Электронный ресурс] // arxiv preprint. – 2022. – arXiv:2204.01588. – URL: <https://arxiv.org/abs/2204.01588> (дата обращения: 21.04.2025).
118. Anscombe G. E. M. Modern moral philosophy //The definition of morality. – Routledge, 2020. – C. 211-234.
119. Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. — New York: Viking Press, 1963 (rev. and enl. ed. 1964). — 312 p.
120. Aruta J. J. B. R. Psychometric validation and environmental psychological correlates of the Light Triad traits // Journal of Individual Differences. – 2022. – T. 43. – № 2. – C. 112–119. – DOI: 10.1027/1614-0001/a000361
121. Ashton M. C., Lee K. The HEXACO model of personality structure and the importance of the H factor // Social and Personality Psychology Compass. – 2008. – Vol. 2, No. 5. – P. 1952–1962.
122. Bandura A. Social cognitive theory of self-regulation //Organizational behavior and human decision processes. – 1991. – T. 50. – №. 2. – C. 248-287.
123. Bateman T. S., Crant J. M. The proactive component of organizational behavior: A measure and correlates // Journal of Organizational Behavior. – 1993. – Vol. 14, no. 2. – P. 103–118.
124. Bishop, P. Intellectual affinities between Goethe and Jung, with special reference to Faust // Publications of the English Goethe Society. — 1999. — Vol. 69, No 1. — P. 1–19.
125. Bishop, P. The dialectic of destruction and creation in the German tradition: a Jungian perspective on Goethe, Nietzsche, Rilke, and George // Jung Journal: Culture & Psyche. — 2011. — Vol. 5, No 4 (Fall). — P. 60–82.

126. Bobo M. D. Ben Lazare Mijuskovic, Theories of Consciousness and the Problem of Evil in the History of Ideas // *Philosophy in Review*. – 2024. – Vol. 44, no. 1. – P. 34–37.
127. Bolea, S. Internal conflict in nineteenth-century literature: reading the Jungian shadow. – Lexington Books, 2020. – 218 p.
128. Bolea, S. The persona and the shadow in analytic psychology and existentialist philosophy. – *Philobiblon*, 2016, vol. 21, no 1, p. 84–94.
129. Bryen, D. A terrible love of war // *El Ojo del Lago*. — 2016, September. — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.elojodelago.com/a-terrible-love-of-war/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 28.07.2025).
130. Carreno D.F., Eisenbeck N., Pérez-Escobar J.A., García-Montes J.M. Inner harmony as an essential facet of well-being: A multinational study during the COVID-19 pandemic // *Frontiers in Psychology*. – 2021. – T. 12. – Article 648280.
131. Casement, A. Encountering the shadow in rites of passage: a study in activations. – *Journal of Analytical Psychology*, 2003, vol. 48, no 1, p. 29–46.
132. Cattell R. B. The scientific use of factor analysis in behavioral and life sciences. – New York: Plenum Press, 1978. – 618 c.
133. Chapman R. M., Gardner M. N., Lyons M. Gender differences in emotional connotative meaning of words measured by Osgood's semantic differential techniques in young adults // *Humanities and Social Sciences Communications*. – 2022. – Vol. 9. – Article 119. – DOI 10.1057/s41599-022-01126-3
134. Cherry K. What is toxic positivity? // Verywell Mind. – Обновлено 14 мая 2024.
135. Conn W. E. Morality, Religion, and Kohlberg's "Stage 7" // *International Philosophical Quarterly*. – 1981. – T. 21. – №. 4. – C. 379-389.
136. Costello A. B., Osborne J. W. Best practices in exploratory factor analysis: four recommendations for getting the most from your analysis // *Practical Assessment, Research & Evaluation*. – 2005. – T. 10. – № 7. – C. 1–9.

137. Dammann O., Friederichs K. M., Lebedinski S., Liesenfeld K. M. The Essence of Authenticity // *Frontiers in Psychology*. — 2021. — Vol. 11, Article 629654. — C. 1–12.
138. Deatherage, L. C. Sheehan. A field guide to sanctuary: women's experiences of personal sanctuary contextualised within chronic health conditions: dissertation. — Edmonton: St. Stephen's College, University of Alberta, 2022. — Doctor of Ministry thesis. 184 p.
139. Denovan A., Dagnall N., Drinkwater K., Parker A. Dark Triad, Dyad, or Core? A Psychometric Evaluation of the Short Dark Triad (SD3) Across Three Countries // *Current Psychology*. — 2024. — C. 1–18.
140. Diamond S.A. Anger, Madness, and the Daimonic: The Psychological Genesis of Violence, Evil, and Creativity. — Albany, NY: SUNY Press, 1996.
141. Dindo L., Van Liew J., Arch J.J. Acceptance and Commitment Therapy: A transdiagnostic behavioral intervention for mental health and medical conditions // *Neurotherapeutics*. — 2017. — T. 14, № 3. — C. 546–553.
142. Edinger E. F. Transformation of the God-Image: An Elucidation of Jung's Answer to Job. — Toronto : Inner City Books, 1992. — 214 p
143. Edinger, E. F. Individuation: a myth for modern man / lecture presented at the C. G. Jung Institute of Los Angeles. — Los Angeles: San Diego Friends of Jung (audiobook), 1985. — 1 online resource (audio lecture), approx. 60 min.
144. Edinger, E. F. The mystery of the coniunctio: alchemical image of individuation / lectures; Studies in Jungian Psychology by Jungian Analysts / edited by J. D. Blackmer. — Toronto: Inner City Books, 1994. — 112 p.
145. Erikson E.H. Childhood and Society. — New York: W. W. Norton, 1950.
146. Estes C. P. Story as medicine // *Michigan Reading Journal*. — 1995. — T. 28. — № 2. — C. 3.
147. Farr, R. H. Drinking from the wellspring: an embodied inquiry at the confluence of ecological identity, water, and wellbeing: conference abstract // *TIESA Conference Abstracts*. — 2024. — Royal Roads University (Canada), Abstract p. 28–29.

148. Ford B.Q., Lam P., John O.P., Mauss I.B. The psychological health benefits of accepting negative emotions and thoughts: Laboratory, diary, and longitudinal evidence // Journal of Personality and Social Psychology. – 2017. – T. 115, № 6. – C. 1075-1092.
149. Forsyth D. R. A taxonomy of ethical ideologies //Journal of Personality and Social psychology. – 1980. – T. 39. – №. 1. – C. 175.
150. Frankl V.E. The Will to Meaning: Foundations and Applications of Logotherapy. – New York: New American Library, 1969.
151. Fransson G. Understanding Morality and Ethics: Maneuvering Ethical Dilemmas in Digital Educational Contexts // in: Handbook of Research on Global Issues in Citizenship and Social Justice. – Hershey, PA: IGI Global, 2017 – P. 84–92
152. Furnham A., Richards S. C., Paulhus D. L. The Dark Triad of personality: A 10-year review // Social and Personality Psychology Compass. – 2013. – T. 7. – № 3. – C. 199–216.
153. Gilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
154. Gorsuch R. L. Factor analysis. 2nd ed. – Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1983. – 425 c.
155. Graham J., Haidt J., Nosek B. A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations //Journal of personality and social psychology. – 2009. – T. 96. – №. 5. – C. 1029.
156. Guan Y., Du L., Yang C., Hu H.-L. Exploring the roles of self-actualization, language self-efficacy, and academic emotions in EMI students' achievement: a structural equation modeling approach // Frontiers in Education. — 2025. — Vol. 10. — Art. 1567143. DOI: 10.3389/feduc.2025.1567143.
157. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment //Psychological review. – 2001. – T. 108. – №. 4. – C. 814-834
158. Haidt J., Graham J. When morality opposes justice: Conservatives have moral intuitions that liberals may not recognize / J. Haidt, J. Graham. — Social Justice

Research, Vol. 20, No. 1, 2007. — P. 98–116. —
 DOI:10.1007/s11211-007-0034-z.

- 159. Handbook of moral development / ed. by M. Killen, J. G. Smetana. — Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 2006. — 1020 p. — Text: English.
- 160. Hartshorne H., May M. A. Studies in the Nature of Character. Vol. I. Studies in Deceit / H. Hartshorne, M. A. May. — New York: Macmillan Co., 1928. — 414 c.
- 161. Hillman, J. A terrible love of war. — New York: Penguin Press, 2004. — 256 p.
- 162. Hoffman L., Warner H.J., Gregory C., Fehl S. Existential-integrative perspectives on the psychology of evil: Clinical implications // In: Ellens J.H. (Ed.), Explaining Evil. Vol. 3: Approaches, Responses, Solutions. — Santa Barbara, CA: Praeger, 2011. — P. 263–286.
- 163. Hopwood, A. Jung's model of the psyche [Электронный ресурс] // Society of Analytical Psychology (официальный сайт). — 2015. — URL: <https://www.thesap.org.uk/articles-on-jungian-psychology-2/carl-gustav-jung/jungs-model-psyche/> (дата обращения: 27.07.2025).
- 164. Hu C., Liao Y. Proactive personality, burnout, and teaching enjoyment: exploring relationships in Chinese English teachers // Frontiers in Psychology. — 2024. — Vol. 15. — Art. 1351313.
- 165. Israelashvili J. More positive emotions during the COVID-19 pandemic are associated with better resilience, especially for those experiencing more negative emotions // Frontiers in Psychology. — 2021. — T. 12. — Article 648112.
- 166. Jenaro C., Flores N., López-Lucas J. Using the semantic differential technique to assess stereotypes toward individuals with disabilities: the relevance of warmth and competence // Universitas Psychologica. — 2018. — Vol. 17, № 4. — DOI 10.11144
- 167. Jensen L. A. The Cultural Development of Three Fundamental Moral Ethics: Autonomy, Community, and Divinity / L. A. Jensen. — ZYGON: Journal of Religion and Science, Vol. 46, No. 1, 2011. — P. 150–167.

168. Ji Z., He K., Zhu J., He M. Platform leadership and subordinates' proactive career behavior: the role of thriving at work and career centrality // *Frontiers in Psychology*. — 2025. — Vol. 16. — Art. 1552925.
169. Jia Q., Yuan H. The impact of proactive personality and needs-supplies fit on the career success of pediatric healthcare workers // *BMC Health Services Research*. — 2025. — Vol. 25. — Art. 345. DOI: 10.1186/s12913-025-12485-3.
170. Jodelet D. La representación social: fenómenos, concepto y teoría // In: Moscovici S. (Ed.). *Psicología social II. Pensamiento y vida social: psicología social y problemas sociales*. Barcelona: Paidós Ibérica, 1986. P. 469–493.
171. Jommuang O., Kaew-asu T. Development of Morality and Ethics in Educational Institutions // *International Academic and Research Journal (IARJ)*. – 2024. – URL: <https://so03.tci-thaijo.org/index.php/IARJ/article/download/276788/185536>
172. Jonason P. K., Li N. P., Webster G. D., Schmitt D. P. The dark triad: Facilitating a short-term mating strategy in men // *European Journal of Personality*. – 2012. – T. 26. – № 5. – C. 487–499.
173. Jones D. N., Paulhus D. L. Introducing the short dark triad (SD3): A brief measure of dark personality traits // *Assessment*. – 2014. – T. 21. – № 1. – C. 28–41.
174. Jung C. G. Collected works of CG Jung, volume 7: Two essays in analytical psychology. – Princeton University Press, 1972. – T. 20.
175. Jung, C. G. The transcendent function // Collected works of C. G. Jung: vol. 8: The structure & dynamics of the psyche / ed. R. F. C. Hull. – Princeton (NJ): Princeton University Press, 1970. – P. 67–91.
176. Jung, C. G. Two Essays on Analytical Psychology (vol. 7). Princeton University Press, 1967
177. Jung, C. G., Hull, R. F. C. The transcendent function 1 // Collected works of C. G. Jung. – London: Routledge, 2023. – Vol. 8. – P. 67–91.
178. Kaftanski W., Hanson J. Enhancing global wellbeing: The role of positive psychological approaches to mitigate everyday suffering // *Frontiers in Psychology*. – 2023. – Vol. 14. – Article 1200329.

179. Kaftanski W., Hanson J. Suffering, authenticity, and meaning in life // Frontiers in Psychology. – 2022. – Vol. 13. – Article 1079032.
180. Kaiser H. F. An index of factorial simplicity // Psychometrika. – 1974. – T. 39. – № 1. – C. 31–36. DOI: 10.1007/BF02291575.
181. Kaufman S. B. et al. The light vs. dark triad of personality: Contrasting two very different profiles of human nature //Frontiers in psychology. – 2019. – T. 10. – C. 467.
182. Kaufman S.B., Yaden D.B., Hyde E., Tsukayama E. The Light vs. Dark Triad of Personality: Contrasting Two Very Different Profiles of Human Nature // Frontiers in Psychology. – 2019. – 10:467.
183. Kechan, A., Ismail, S. The shadow archetype: casting light on evil // International Journal of Educational Psychology (IJEP). — 2022, vol. 3, no 2. — P. 19–30.
184. Kelland M. Carl Rogers and Humanistic Psychology. — В кн.: Kelland M. Personality Theory in a Cultural Context [Электронный ресурс]. — LibreTexts, 2011. — URL: <https://socialsci.libretexts.org> (дата обращения: 29.07.2025).
185. Kohlberg L. The Philosophy of Moral Development: Moral Stages and the Idea of Justice. San Francisco: Harper & Row, 1981. 441 p. (Vol. 1 of Essays on Moral Development)
186. Kretchmar J. Moral Development // EBSCO Research Starters: Religion and Philosophy. – 2024.
187. Laitinen A. MacIntyre and Taylor: Traditions, Rationality, and Modernity //The Routledge Companion to Hermeneutics. – Routledge, 2014. – C. 204-215.
188. Luschei, G. A. Two souls dwell within my breast: the encounter with shadow and the problem of the missing fourth: a Jungian interpretation of Goethe's "Faust": dissertation / Pacifica Graduate Institute, 2009. – 552 p.
189. MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. – Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1981.

190. Martinez H. A., Rochford K., Boyatzis R. E., Rodriguez-Chaves S. Inspired and effective: the role of the ideal self in employee engagement, well-being, and positive organizational behaviors // *Frontiers in Psychology*. — 2021. — Vol. 12. — Art. 662386.
191. Maurer M. M., Daukantaitė L. Revisiting the Organismic Valuing Process Theory of Personal Growth: A Theoretical Review of Rogers and Its Connection to Positive Psychology // *Frontiers in Psychology*. — 2020. — Vol. 11, Article 1706. — C. 1–22.
192. May R. The problem of evil: An open letter to Carl Rogers // *Journal of Humanistic Psychology*. — 1982. — Vol. 22, № 3. — P. 10–21.
193. Mijuskovic, B. L. Theories of Consciousness and the Problem of Evil in the History of Ideas. — Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2023. — XI, 218 p.
194. Mirskaya, L. A., Pigulevskiy, V. O. Archetypal analysis of “Cinderella” // *SHS Web of Conferences*. — 2021. — Vol. 122. — Article No. 06006. — 5 p.
195. Moscovici S. (Ed.). *Psicología social II. Pensamiento y vida social: psicología social y problemas sociales*. Barcelona: Paidós Ibérica, — 1986. — 392 p. ISBN 84-7509-343-4.
196. Moscovici S. *La psychanalyse, son image et son public*. Paris : Presses Universitaires de France, 1961. 652 p.
197. Muris P., Merckelbach H., Otgaar H., Meijer E. The malevolent side of human nature: A meta-analysis and critical review of the literature on the Dark Triad (narcissism, Machiavellianism, and psychopathy) // *Perspectives on Psychological Science*. — 2017. — T. 12. — № 2. — C. 183–204.
198. Mutlu B. Alasdair MacIntyre’s Critics on Modern Morality // *Current Topics in Social Sciences*. — 2016. — C. 290.
199. Nawaz M. Education as a Moral Compass: Ethical Lessons from Mr. Chips' Life and Career // *Journal of Tertiary Education and Learning (JTEL)*. — 2024. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/388594602>

200. Nicolae, I. C. Dostoevsky's Shadows // Journal of Romanian Literary Studies. — 2016. — No 8. — P. 900–905.
201. Octia A., Fatimah A., Adinda C.P.C. Innovative Learning Model Based on the Value Clarification Technique // Journal of Education. – 2024. – URL: <http://journal.tofedu.or.id/index.php/journal/article/view/358>
202. Paulhus D. L. Toward a taxonomy of dark personalities // Current Directions in Psychological Science. – 2014. – T. 23. – № 6. – C. 421–426.
203. Paulhus D. L., Williams K. M. The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. – 2002. – T. 36. – № 6. – C. 556–563.
204. Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. – 2002. – 36(6). – P. 556–563.
205. Piaget J. The Moral Judgment of the Child. — London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1932. — 204 p.
206. Piaget J. The Moral Judgment of the Child. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., 1932. 417 p.
207. Popławska, M. The female self as presented by Clarissa Pinkola Estés in Women Who Run with the Wolves: the stories of female initiation, intuition and instincts // Rozprawy Społeczne. — 2018. — Vol. 12, № 3. — P. 14–19.
208. Rajkumar R.P. Suffering and salutogenesis: A conceptual analysis of lessons for psychiatry from existential positive psychology (PP2.0) in the setting of the COVID-19 pandemic // Frontiers in Psychology. – 2021. – T. 12. – Article 646334.
209. Rest J. R., Narvaez D., Bebeau M., Thoma S. Defining Issues Test-2: assessing moral judgement development // PLOS ONE. – 2020.
210. Ricoeur P. Fallible Man: Philosophy of the Will. New York: Fordham University Press, 1986. — 196 p.

211. Rubira-García R., Puebla-Martínez B., Gelado-Marcos R. Social representations in studying information, knowledge, and mediations: A critical review //Social Sciences. – 2018. – T. 7. – №. 12. – C. 256.
212. Scanlon T. Moral Dimensions: Permissibility, Meaning, Blame. (Cambridge, MA: Belknap, Harvard University Press). – 2008. ISBN 9780674043145.
213. Schneider K.J. The Polarized Mind: Why It's Killing Us and What We Can Do About It. – Amherst, NY: Prometheus Books, 2013.
214. Seibert S. E., Crant J. M., Kraimer M. L. Proactive personality and career success // Journal of Applied Psychology. – 1999. – Vol. 84, no. 3. – P. 416–427.
215. Sin in Christian Thought // Stanford Encyclopedia of Philosophy. — 2020. — Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/sin-christian/> (дата обращения: 24.07.2025).
216. Sladojević Matić, J. Encounter with Shadow and its manifestations in fairy tales and literature // AM Journal. — No 23, 2020. — P. 149–158.
217. Smythe, W. E. The dialogical Jung: otherness within the self // Behavioural Sciences. — 2013. — Vol. 3, № 4. — P. 634–646.
218. Snarey J. R. Cross-cultural universality of social-moral development: a critical review of Kohlbergian research / J. R. Snarey. — Psychological Bulletin, Vol. 97, No. 2, Mar. 1985. — P. 202–232.
219. Southard A. C., Zeigler-Hill V. Measuring the dark side of personality // The Wiley Handbook of Personality Assessment. – 2016. – C. 119–133.
220. Souza G. H. S. de, Coelho J. A. P. M., Lima N. C., Esteves G. G. L., Queiroz F. C. B. P., Marques Y. B. Self-actualization and B-values: development and validation of two instruments in the Brazilian context // PLOS One. — 2024. — Vol. 19, № 6. — Art. e0302322.
221. Shostrom, E. L. An Inventory for the Measurement of Self-Actualization. Educational and Psychological

222. Svehla, C. A terrible love of war, a culture of peace [Электронный ресурс] // Mythic Mojo. — 17 Mar 2022. — URL: <https://mythicmojo.com/a-terrible-love-of-war-a-culture-of-peace/> (дата обращения: 28.07.2025).
223. Tabachnick B. G., Fidell L. S. Using multivariate statistics. 7th ed. – Boston: Pearson, 2019. – 1056 c.
224. Teye-Kwadjo E., de Bruin G. P. Rasch analysis of the proactive personality scale // Psychological Reports. — 2022. — Vol. 125, № 5. — P. 2788–2806.
225. Tick, E. Warrior's return: restoring the soul after war. — Louisville: Sounds True, 2014. — 352 p.
226. Turiel E. The Development of Social Knowledge: Morality and Convention / Elliot Turiel. — Cambridge, England: Cambridge University Press, 1983. — 243 c.
227. Ungar-Sargon, J. The Faustian physician [Электронный ресурс] // Julian Ungar-Sargon: Essays on Healing. — 24 July 2025. — URL: <https://www.jyungar.com/essays-on-healing/2025/7/24/the-faustian-physician> (дата обращения: 28.07.2025).
228. Von Franz M.-L. Shadow and Evil in Fairy Tales. – Boston : Shambhala, 1995. – 400 p.
229. Watson, R. The Goethean Influence: Tracing the Roots of Carl Jung's Depth Psychology [Электронный ресурс] // Decentered Media. — 27 May 2023. — URL: <https://decentered.co.uk/the-goethean-influence-tracing-the-roots-of-carl-jungs-depth-psychology/> (дата обращения: 28.07.2025).
230. Williams B., Onsman A., Brown T. Exploratory factor analysis: A five-step guide for novices // Australasian Journal of Paramedicine. – 2010. – Т. 8. – № 3. – С. 1–13.
231. Wong P.T.P., Arslan G., Bowers V.L., Peacock E.J., Bowker A. Self-transcendence as a buffer against COVID-19 suffering: The development and validation of the self-transcendence measure-B // Frontiers in Psychology. – 2021. – Т. 12. – Article 648549.

232. Wong P.T.P., Ho L.S., Mayer C.H., Yang F., Cowden R.G. A new science of suffering, the wisdom of the soul, and the new behavioral economics of happiness: towards a general theory of well-being // *Frontiers in Psychology*. – 2023. – T. 14. – Article 1280613.
233. Wylie, M. A terrible love of war: a book review [Электронный ресурс] // *Psychotherapy Insights Self-Awareness Blog*. — 2020. — URL: <https://www.psychotherapyinsights.ca/self-awareness-blog/a-terrible-love-of-war-a-book-review> (дата обращения: 28.07.2025).
234. Xie X., Tan J., He J., Du J., He C., Li Z., Liu Y., Chen Y. The moderating role of work environment in the relationship between proactive personality and personal growth initiative among nurses: a cross-sectional study // *BMC Nursing*. — 2024. — Vol. 23. — Art. 364. DOI: 10.1186/s12912-024-02040-6.
235. Žižek S. Doing the Impossible: Slavoj Žižek and the End of Knowledge // University of Chicago Journals. — URL: journals.uchicago.edu/doi/10.1086/376305 (дата обращения: 24.07.2025)
236. Žižek S. The Superego and the Act: Lecture Transcript, August 1999 // *Zizek.livejournal.com*. — 1999. — URL: zizek.livejournal.com/1101.html (дата обращения: 24.07.2025).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Авторский опросник «Отношение к добру и злу»

1. То, что в мире есть зло, я считаю:

А) необходимым условием развития личности и человечества в

целом Б) печальным следствием недостатка добра в людях

2. Дополняет ли зло природу добра, служит ли зло продолжением добра или они разделены некой границей и их следует рассматривать в отрыве друг от друга? А) Зло дополняет добро

Б) Зло продолжается в добре В)

Зло заменяет добро

Г) Они разделены границей, и их следует рассматривать в отрыве друг от друга

3. Между добром и злом существуют отношения антагонизма или синергизма? А)

Антагонизм

Б) Синергизм

В) Они не связаны друг с другом

4. Как связано добро и зло в человеке? А) Чем

больше добра, тем больше зла Б) Чем больше

добра, тем меньше зла В) Они не связаны

друг с другом

5. Для Вас в большей степени добро или зло является чем-то иным, чуждым, далёким?

А) Больше добро Б)

Больше зло

6. С Вашей точки зрения добро и зло:

А) Являются двумя частями одного целого

Б) Могут быть сопоставлены в некоторых аспектах

В) Не сопоставимы

7. Согласны ли Вы с утверждением, что существует истинное и ложное добро? А) Да

Б) Нет

В) Затрудняюсь ответить

8. Осознавать присутствие в себе зла и помнить о нем А)

Необходимо, чтобы делать добро

Б) Мешает делать добро

9. Представьте, что вы встретили мудреца, который может открыть Вам понимание сущности добра или зла. Но только одного из них. Что Вы выберете?

А) Познать сущность добра Б)

Познать сущность зла

В) Откажусь от предложения

10. Были ли в Вашей жизни случаи, когда зло стало источником развития? А) Да

Б) Нет

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Корреляционная матрица

		Correlations (STATISTICA Spreadsheet)									
		Marked correlations are significant at p < ,05000									
		N=170 (Casewise deletion of missing data)									
Variable		Оценка_Добро	Сила_Добро	Активность_До	Оценка_Зло	Сила_Зло	Активность_Зл	Шкала	Шкала	Шкала	Вера в
Оценка_Добро	Оценка_Добро	1,0000	.2316 p=.002	.0928 p=.229	-.6808 p=.000	-.2607 p=.001	-.1570 p=.041	-.2227 p=.004	,0579 p=.453	-.3425 p=.000	.2792 p=.000
Сила_Добро	Оценка_Добро	.2316 p=.002	1,0000	.3363 p=.000	-.3437 p=.000	-.4141 p=.000	-.3246 p=.000	-.2281 p=.003	-,0232 p=.764	-,1231 p=.110	,1342 p=.081
Активность_Добро	Сила_Добро	.0928 p=.229	,3363 p=.000	1,0000	-,1542 p=.045	-,2216 p=.004	-,4051 p=.000	,1289 p=.094	,0236 p=.760	-,0076 p=.922	-,0772 p=.317
Оценка_Зло	Активность_Добро	-,6808 p=.000	-,3437 p=.000	-,1542 p=.045	1,0000	,4510 p=.000	,3538 p=.000	,4116 p=.000	,0305 p=.693	,3486 p=.000	-,1668 p=.030
Сила_Зло	Оценка_Зло	-,2607 p=.001	-,4141 p=.000	-,2216 p=.000	,4510 p=.004	1,0000	,3903 p=.000	,2012 p=.009	-,1668 p=.030	,0271 p=.726	,0110 p=.887
Активность_Зл	Сила_Зло	-,1570 p=.041	-,3246 p=.000	-,4051 p=.000	,3538 p=.000	,3903 p=.000	1,0000	,1759 p=---	-,1343 p=.022	-,0626 p=.081	,0115 p=.417
Шкала_макиавелизма	Активность_Зл	-,2227 p=.004	-,2281 p=.003	,1289 p=.032	,4116 p=.000	,2012 p=.009	,1759 p=.022	,1000 p=---	,1172 p=.128	,4230 p=.000	,0077 p=.000
Шкала_нарцисизма	Шкала_макиавелизма	,0579 p=.453	-,0232 p=.764	,0236 p=.760	,0305 p=.693	,1668 p=.030	-,1343 p=.000	,1172 p=.000	,1000 p=---	,2790 p=.000	,0135 p=.445
Шкала_психопатии	Шкала_нарцисизма	-,3425 p=.000	-,1231 p=.000	-,0076 p=.110	,3486 p=.922	-,0271 p=.000	-,0626 p=.726	,4230 p=.000	,2790 p=---	,1000 p=.000	,3612 p=.000
Вера в чоловечество	Шкала_психопатии	,2792 p=.081	,1342 p=.000	-,0772 p=.000	-,1668 p=.005	,0110 p=.439	-,0269 p=.920	,-,3300 p=.046	,0135 p=.445	-,3612 p=.000	,4113 p=.000
Гуманизм	Вера в чоловечество	,2739 p=.000	,3141 p=.000	,0598 p=.000	-,1704 p=.026	-,2161 p=.005	,0077 p=.920	,0115 p=.882	-,1535 p=.046	,0590 p=.000	,4113 p=.000
Кантианство	Гуманизм	,2739 p=.000	,3141 p=.000	,0598 p=.000	-,1704 p=.026	-,2161 p=.005	,0077 p=.920	,0115 p=.882	-,1535 p=.046	,0590 p=.000	,4113 p=.000

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

**Расширенные статистические данные по вопросам 1, 2, 3, 4, 5 и 10 из
опросника «Отношение к добру и злу»**

Вопрос 1

<i>Contingency Tables</i>				
		1. То, что в мире есть зло, я считаю:		
КЛАСТЕРЫ		1	2	Total
1	Count	54.000	8.000	62.000
	Expected count	51.059	10.941	62.000
	% within column	38.571 %	26.667 %	36.471 %
	Standardized residuals	1.229	-1.229	
2	Count	48.000	16.000	64.000
	Expected count	52.706	11.294	64.000
	% within column	34.286 %	53.333 %	37.647 %
	Standardized residuals	-1.954	1.954	
3	Count	24.000	0.000	24.000
	Expected count	19.765	4.235	24.000
	% within column	17.143 %	0.000 %	14.118 %
	Standardized residuals	2.447	-2.447	
4	Count	14.000	6.000	20.000
	Expected count	16.471	3.529	20.000
	% within column	10.000 %	20.000 %	11.765 %
	Standardized residuals	-1.543	1.543	
Total	Count	140.000	30.000	170.000
	Expected count	140.000	30.000	170.000
	% within column	100.000 %	100.000 %	100.000 %

Вопрос 2

Contingency Tables						
		2. Дополняет ли зло природу добра, служит ли зло продолжением добра или они разделены некой границей и их следует рассматривать в отрыве друг от друга?				
KЛАСТЕРЫ		1	2	3	4	Total
1	Count	38.000	14.000	2.000	8.000	62.000
	Expected count	30.635	17.506	2.918	10.941	62.000
	% within column	45.238 %	29.167 %	25.000 %	26.667 %	36.471 %
	Standardized residuals	2.347	-1.241	-0.690	-1.229	
2	Count	24.000	22.000	4.000	14.000	64.000
	Expected count	31.624	18.071	3.012	11.294	64.000
	% within column	28.571 %	45.833 %	50.000 %	46.667 %	37.647 %
	Standardized residuals	-2.414	1.382	0.739	1.124	
3	Count	10.000	12.000	2.000	0.000	24.000
	Expected count	11.859	6.776	1.129	4.235	24.000
	% within column	11.905 %	25.000 %	25.000 %	0.000 %	14.118 %
	Standardized residuals	-0.819	2.556	0.906	-2.447	

	Count	12.000	0.000	0.000	8.000	20.000
	Expected count	9.882	5.647	0.941	3.529	20.000
	% within column	14.286 %	0.000 %	0.000 %	26.667 %	11.765 %
	Standardized residuals	1.008	-2.986	-1.058	2.792	
Total	Count	84.000	48.000	8.000	30.000	170.000
	Expected count	84.000	48.000	8.000	30.000	170.000
	% within column	100.000 %	100.000 %	100.000 %	100.000 %	100.000 %

Вопрос 3

Contingency Tables						
		3. Между добром и злом существует отношения антагонизма или синергизма?				
КЛАСТЕРЫ		1	2	3	Total	
1	Count	44.000	14.000	4.000	62.000	
	Expected count	43.765	16.047	2.188	62.000	
	% within column	36.667 %	31.818 %	66.667 %	36.471 %	
	Standardized residuals	0.082	-0.745	1.564		
2	Count	42.000	20.000	2.000	64.000	
	Expected count	45.176	16.565	2.259	64.000	
	% within column	35.000 %	45.455 %	33.333 %	37.647 %	
	Standardized residuals	-1.104	1.242	-0.222		

3	Count	24.000	0.000	0.000	24.000
	Expected count	16.941	6.212	0.847	24.000
	% within column	20.000 %	0.000 %	0.000 %	14.118 %
	Standardized residuals	3.412	-3.124	-1.011	
4	Count	10.000	10.000	0.000	20.000
	Expected count	14.118	5.176	0.706	20.000
	% within column	8.333 %	22.727 %	0.000 %	11.765 %
	Standardized residuals	-2.151	2.622	-0.911	
Total	Count	120.000	44.000	6.000	170.000
	Expected count	120.000	44.000	6.000	170.000
	% within column	100.000 %	100.000 %	100.000 %	100.000 %

Вопрос 4

Contingency Tables					
		4. Как связано добро и зло в человеке?			
КЛАСТЕРЫ		1	2	3	Total
1	Count	20.000	34.000	8.000	62.000
	Expected count	16.776	37.929	7.294	62.000
	% within column	43.478 %	32.692 %	40.000 %	36.471 %
	Standardized residuals	1.156	-1.285	0.349	
2	Count	8.000	48.000	8.000	64.000
	Expected count	17.318	39.153	7.529	64.000
	% within column	17.391 %	46.154 %	40.000 %	37.647 %
	Standardized residuals	-3.320	2.874	0.231	
3	Count	18.000	4.000	2.000	24.000
	Expected count	6.494	14.682	2.824	24.000
	% within column	39.130 %	3.846 %	10.000 %	14.118 %
	Standardized residuals	5.705	-4.828	-0.563	

	Count	0.000	18.000	2.000	20.000
	Expected count	5.412	12.235	2.353	20.000
	% within column	0.000 %	17.308 %	10.000 %	11.765 %
	Standardized residuals	-2.900	2.816	-0.261	
Total	Count	46.000	104.000	20.000	170.000
	Expected count	46.000	104.000	20.000	170.000
	% within column	100 %	100 %	100 %	100 %

Вопрос 5

<i>Contingency Tables</i>					
		5. Для Вас в большей степени добро или зло является чем-то иным, чуждым, далёким?			
КЛАСТЕРЫ		1	2	Total	
1	Count	20.000	42.000	62.000	
	Expected count	20.424	41.576	62.000	
	% within column	35.714 %	36.842 %	36.471 %	
	Standardized residuals	-0.144	0.144		
2	Count	14.000	50.000	64.000	
	Expected count	21.082	42.918	64.000	
	% within column	25.000 %	43.860 %	37.647 %	
	Standardized residuals	-2.385	2.385		
3	Count	16.000	8.000	24.000	
	Expected count	7.906	16.094	24.000	
	% within column	28.571 %	7.018 %	14.118 %	
	Standardized residuals	3.793	-3.793		

	Count	6.000	14.000	20.000
	Expected count	6.588	13.412	20.000
	% within column	10.714 %	12.281 %	11.765 %
	Standardized residuals	-0.298	0.298	
Total	Count	56.000	114.000	170.000
	Expected count	56.000	114.000	170.000
	% within column	100.000 %	100.000 %	100.000 %

Вопрос 10

Contingency Tables				
		10. Были ли в Вашей жизни случаи, когда зло стало источником развития?		
КЛАСТЕРЫ		1	2	Total
1	Count	46.000	16.000	62.000
	Expected count	48.871	13.129	62.000
	% within column	34.328 %	44.444 %	36.471 %
	Standardized residuals	-1.120	1.120	
2	Count	46.000	18.000	64.000
	Expected count	50.447	13.553	64.000
	% within column	34.328 %	50.000 %	37.647 %
	Standardized residuals	-1.723	1.723	
3	Count	24.000	0.000	24.000
	Expected count	18.918	5.082	24.000
	% within column	17.910 %	0.000 %	14.118 %
	Standardized residuals	2.740	-2.740	
4	Count	18.000	2.000	20.000
	Expected count	15.765	4.235	20.000
	% within column	13.433 %	5.556 %	11.765 %
	Standardized residuals	1.302	-1.302	

Total	Count	134.000	36.000	170.000
	Expected count	134.000	36.000	170.000
	% within column	100.000 %	100.000 %	100.000 %